

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

11
'95

НА ОСТРИЕ СОБЫТИЙ

Процесс разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики принял затяжной характер. Внутренние войска МВД России по-прежнему на острие событий.

Фото
старшего лейтенанта
С. КОЛЕСНИКОВА

НА БОЕВОМ ПОСТУ

11'95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой
странице
обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

В номере:

Актуальное интервью

БАСКАЕВ А.: "Привилегия одна — повышенный
спрос"..... 2

Зона особого внимания

СОЛОВЬЕВ И. Дело было на Востоке 8
РОДНОВ А. "Скорпион" продолжает бой. 14
КИСЛЫЙ Ю. Полторы тонны сухарей. 20
ПЕТРОВ А. Великолепная семерка, или Генерал
Бархударов и его фронтовые друзья 23
По сообщениям пресс-службы внутренних войск
МВД России. 30

Как это делается "у них"

ГИЛЕНСЕН В. Разведка и контрразведка в "не-
традиционной" войне 33

Войска: проблемы, события, люди

ИСТОМИН А. Нет покоя у конвоя 37
ШАВСТРУК Н. Катастрофа 39
СЛОБОДЯНЮК В. Эх, дороги..... 42

Ретроспектива

БЕЛИКОВ И. Внутренние войска в Германии .. 45

Проза. Поэзия

КОЗЛОВ И. В живых останутся бессмертники (по-
весть, продолжение). 52
НАЙДИЧ М. За бруствером окопа (стихи) 70

Калейдоскоп интересов

БОГДАНОВ С. Последний снимок маршала Жуко-
ва 72
РОКШИН А. Дела домашние 74
Шахматный клуб 76

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических
материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1995

Сдано в набор 28.09.1995 г. Подписано к печати 8.11.1995 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1938. Тираж 5500.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 6000 руб. (индекс 70610), для пред-
приятий и организаций — 8000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проспект, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**Командующий войсками
Московского округа
внутренних войск
МВД России
генерал-лейтенант
Аркадий БАСКАЕВ:**

“Привилегия одна – повышенный спрос”

— Товарищ генерал-лейтенант, позади у вас трудная, горячая, в полном смысле этого слова, командировка: почти два месяца вы находились на посту команданта Чеченской Республики. О сегодняшней военно-политической обстановке в многострадальном регионе России известно по многочисленным сообщениям средств массовой информации, и все же интересно узнать мнение свидетеля и непосредственного участника сложнейшего процесса разрешения вооруженного конфликта.

— Анализ последних событий в Чечне не внушает оптимизма. Обстановка там крайне напряженная. Теряя шансы реанимировать свой режим, наиболее реакционные сторонники Дудаева открыто встали на путь срыва соглашения о мирном урегулировании. Этим и только этим, считаю, объясняются мотивы покушений на полномочного представителя Президента Олега Лобова и на командующего Объединенной группировкой федеральных сил генерал-лейтенанта Анатолия Романова.

Как действовать в сложившихся обстоятельствах, на чем сосредоточить усилия? Моя позиция такова: для успешной реализации комплекса мер, определенных Советом безопасности, следовало бы ввести в Грозном чрезвычайное положение.

Свою точку зрения изложил в докладе министру внутренних дел. Отстаивал ее, выступая по телевидению.

Необходимость ЧП продиктована не только активизацией экстремистски настроенных элементов. Столицу, как и всю республику, захлестнула волна преступности, обуздать которую невозможно без жестких правовых санкций. Ведь сейчас все кому не лень пытаются вставить нам палки в колеса. Даже те, кто, казалось бы, кровно заинтересован в нормализации обстановки, наведении элементарного порядка. К примеру, бывший глава правительства национального возрождения Саламбек Хаджиев потребовал убрать все КПП, находящиеся внутри города. Было встречено в штыки решение об организации на улицах патрульно-постовой службы силами специальных моторизованных воинских частей. Такие вот, с позволения сказать, казусы. Только благодаря вмешательству Лобова и Романова удалось достичь взаимопонимания с первыми лицами местных органов исполнительной власти.

С введением режима ЧП, глубоко убежден, исчезнет почва для подобных конфликтов и недоразумений по вопросам охраны общественного порядка. Закон все поставит на свои места. Кроме того, он будет способствовать ускорению процесса разоружения, который зашел — не по

вине федеральных войск — в тупик. А выход искать надо. Не уговаривая боевиков, просочившихся в столицу, а жестко ставя требование о безоговорочном выполнении подписанного соглашения. Не допуская возобновления действий незаконных вооруженных формирований, что, к сожалению, происходит в некоторых районах республики. Короче говоря, мы не имеем права уступать позиций, на которых стоял генерал Романов, — а он проводил правильную политику — пора от слов переходить к делу. И когда это интервью увидит свет на страницах журнала, возможно, я уже по-другому охарактеризовал бы ситуацию в Чечне, ибо решительные меры с нашей стороны помогут еще на один шаг продвинуться к прочному миру.

— Как говорится, дай-то Бог... Вооружат войска четкими правовыми установками — и сразу же получают новый импульс работа по наведению конституционного порядка. К слову, товарищ командующий, как вы оцениваете действия подчиненных вам частей и подразделений в зоне конфликта?

— В Чечне сейчас находится ряд специальных моторизованных воинских частей и батальонов оперативного назначения Московского округа. Проблем у них много. Условия, в которых личный состав выполняет служебно-боевые задачи, тяжелейшие. Однако люди не падают духом, стойко переносят тяготы и лишения. Нередко рискуя здоровьем и жизнью. Без преувеличения: каждого из них можно назвать героем.

Во время командировки я объехал все части, побеседовал со многими офицерами, прапорщиками, солдатами и, конечно, сделал все от меня зависящее для оказания им помощи, поддержания боевого настроя. Хотя материальные возможности коменданта были крайне ограничены. Даже знаков "За отличие в службе" не хватало для вручения отличившимся бойцам. Приходилось занимать кресты у награжденных офицеров (потом, по возвращении их на зимние квартиры, естественно, долги верну), чтобы воздать по заслугам солдатам-окопникам, поблагодарить парней за честный труд на передовой...

— Невольно вспоминаются слова генерала Бессонова из "Горячего снега" Юрия Бондарева: "Все, что могу..."

— Воины наши заслуживают большего. Задачи выполняют образцово, как бы ни складывалась обстановка, труса не празднуют. Взять те же СМВЧ: патрульно-постовая служба на улицах Грозного, ежеминутный риск... БОНЫ — в окопах, по колено в грязи. В постоянной готовности отразить нападение боевиков. И ни одного нытика

среди молодых солдат. Как командующий горжусь своими подчиненными.

— Значит, держат парни марку, продолжают традиции центрального округа, чье почетное наименование "Краснознаменный Оршанско-Хинганский" свидетельствует о славной боевой истории составляющих его ядро частей! Говоря об этом, хотелось бы узнать, Аркадий Георгиевич, — вернемся к мирным будням — дает ли войсковому объединению и его командующему какие-то привилегии, преимуществу ключевое положение в структуре войск? Или, наоборот, больше забот и хлопот по сравнению с другими регионами?

— Поверьте, единственная привилегия наша — повышенный спрос за любые просчеты в работе, о которых немедленно становится известно командованию войск: до главка-то рукой подать. Права на ошибку не дается. Округ Московский, центральный, а к тем, кто у всех на виду, и требования, как известно, — по самому большому счету.

С другой стороны, территориальная близость к Главному управлению позволяет быстро решать возникающие проблемы. Но констатация данного факта вовсе не противоречит вышесказанному: ни о привилегиях, ни об особом расположении руководства не может быть и речи. Дело в другом. Москва, столичный регион — лицо страны, и вопрос о законности и порядке, в обеспечении которых важная роль отводится внутренним войскам, стоит здесь предельно остро. Отсюда — повышенное внимание к нашим нуждам. Скажем, в кратчайшие сроки было принято постановление правительства столицы от 2 августа 1994 года "Об использовании частей Московского округа внутренних войск МВД России в укреплении правопорядка в городе Москве и улучшении их материально-технической базы". В этом документе определенена программа развития округа, получившая поддержку у министра и командующего. Некоторые положения ее уже реализованы.

Конечно же, немало у нас забот и хлопот... Судите сами, округ расположен на территории шестнадцати областей — далеко не самых богатых в стране, их проблемы ложатся нелегким бременем и на наш личный состав. Прежде всего в таких жизненно важных аспектах, как расквартирование частей, обеспечение жильем офицеров и прапорщиков.

Или сложности, связанные с организацией службы в самой столице... Охрана общественного порядка, защита граждан от преступных посягательств на улицах многомиллионного города требует пре-

дельной самоотдачи. Особенно сейчас, в тревожное, беспокойное время.

— **Время, время... Сегодня — шумные столичные проспекты, а завтра — горячая командировка, фронтовые дороги и окопы Чечни. Многие части и соединения округа теперь с полным правом можно назвать воюющими. И поэтому в нынешних суровых условиях просто невозможно переоценить важность ратной учебы личного состава. Какие позитивные изменения произошли в системе боевой подготовки войск? На что делается основной упор в обучении и воспитании подчиненных?**

— Да, в условиях реформирования внутренних войск, резко усложнения выполняемых ими задач боевая подготовка становится основным содержанием повседневной деятельности личного состава. Стараемся довести это до сознания каждого военнослужащего. И не только строками приказов и распоряжений. В первую очередь — путем совершенствования системы обучения доказываем неопровержимую истину: именно там, где уделяется неослабное внимание боевой подготовке, гарантирован успех. Наглядный пример — части, возглавляемые полковниками Бурдуковым и Никитенко.

Исходя из новых реалий, следует, во-первых, в корне менять подходы к организации командирской учебы офицеров, перестраивать их психологию. С этого все начинать. От традиционной конвойной школы давно пора уйти, наша цель — растить боевых, подчеркиваю, боевых командиров и специалистов.

Аналогичные задачи и в обучении сержантов. Умение управлять отделением, экипажем, расчетом в бою, вести разведку, наблюдение, организовывать систему огня, мастерски владеть штатным оружием — вот на что должна быть нацелена программа подготовки младших командиров в учебных частях. Недавно состоялось заседание военного совета округа, где шел разговор о том, как нам выпестовать в войсках грамотных надежных сержантов, используя горькие уроки чеченской войны.

Третья проблема — техническая подготовка. Залог победы в бою, при проведении спецоперации — слаженность действий воинов в составе экипажей БТР, БМП, начиная от командиров и заканчивая стрелками: все как один должны умело воевать на вверенной технике.

О позитивных моментах — они есть. Несмотря на инертность мышления отдельных руководителей, в округе наметились отрядные перемены.

Более целенаправленно осуществляется подготовка частей к боевой работе в отрыве от пунктов постоянной дислока-

ции. Причем главный упор делаем на совершенствование профессионализма командиров, полевой выучки солдат, экипажей, расчетов и подразделений, формирование у воинов психологической устойчивости, готовности к смелым, решительным действиям в ситуациях, сопряженных с риском для жизни. Закаляя личный состав, акцентируем внимание на привитии бойцам таких качеств, как активность, самостоятельность, разумная инициатива при выполнении приказа, уверенность в своем оружии. Добиваемся, чтобы солдат и офицер на тактических занятиях испытал и пережил многие из тех трудностей, с которыми он встретится в боевой обстановке. Эти же подходы внедряются в практику обучения и воспитания младших командиров и технических специалистов.

— **Товарищ генерал-лейтенант, а какие уроки извлекли лично вы из опыта боевых действий в Чечне?**

— Начнем с того, что неизмеримо возросли силы экстремистов, противодействующих усилиям армии и внутренних войск при выполнении ими государственной миссии по восстановлению правопорядка и мира. Чечня — это не Карабах и даже не Афганистан. Со времен Великой Отечественной нашим солдатам и офицерам не приходилось участвовать в такой ожесточенной и кровопролитной борьбе с разнузданным бандитизмом. Тут уже не специальная операция в ее классическом понимании, к чему мы привыкли, обеспечивая режим ЧП в горячих точках бывшего Союза, а общевойсковой бой стал основным методом ликвидации бандформирований. Учитывая новый опыт, надо всемерно повышать боеготовность частей и соединений, призванных поставить надежный заслон преступным действиям. И мы, повторяю, уже начали менять систему подготовки к выполнению задач в районах вооруженных конфликтов.

Следующий урок связан с управлением войсками, организацией тесного взаимодействия с органами внутренних дел, ОМОНами, СОБРаами, оказанием помощи в восстановлении местных правоохранительных структур. Овладевать этим искусством на опыте руководящих звеньев, прошедших боевую обкатку в стреляющих регионах, — наша важнейшая задача.

И еще. Чечня с новой силой убедила меня в том, насколько важно вести работу с местным населением. Опираясь на здравомыслящих национальных лидеров, старейшин, религиозные авторитеты, делать все для того, чтобы вновь не заговорили стволы, не пролилась кровь. Это, если хотите, неотъемлемое, важнейшее слагаемое стратегии и тактики войск правопорядка.

Мне не раз приходилось встречаться с местными жителями, выступать по республиканскому телевидению, в прессе с разъяснением политики Правительства, нашей миссии. И воочию убедился, насколько еще слабо мы реализуем свои возможности для нейтрализации дудаевской пропаганды. То же ЧП... Если объяснить людям, что означает этот правовой режим, к чему обязывает, больше чем уверен: основная масса его бы приветствовала. Потому что введенное на период ликвидации последствий войны чрезвычайное положение даст возможность усилить контроль за обстановкой, защитит мирных граждан. Когда в руках каждого второго — автомат, как еще можно без специальных санкций дать решительный бой преступности?

— А можете ли вы, Аркадий Георгиевич, с уверенностью заявить и доказать на примере, что ваши части хорошо оснащены и экипированы для противостояния вооруженным до зубов бандитам? Несколькими месяцами назад наш корреспондент побывал в одном из полков округа накануне его отправки в спецкомандировку. И что он увидел: активных штыков — в обрез, в основном молодежь, не нюхавшая пороха, оружия и боеприпасов не хватает, техники и горючего нет, увязли по макушку в долгах, пытаюсь хотя бы накормить личный состав. А впереди — Чечня...

— К сожалению, эта ситуация абсолютно типична и для других частей оперативного назначения, сформированных на базе конвойных. Командование прилагает все силы, чтобы подготовить людей к выполнению задач в боевой обстановке. Но при отсутствии достаточного количества техники и вооружения это практически невозможно. И все же солдаты и офицеры ухитряются выходить из безвыходной, казалось бы, ситуации, порожденной дефицитом стволов и колес. Проявляя чудеса военной смекалки и изобретательности: голь на выдумки хитра. Укладывают в кузова грузовиков мешки с песком, устанавливают вдоль бортов железобетонные плиты и на такой "броню" выезжают на операции. Как во времена гражданской войны. С другой стороны, слабую техническую оснащенность компенсируют мужество и стойкость. Русский характер!

Кстати сказать, в бедственном положении не только части, находящиеся под огнем чеченских боевиков. Мы формируем отдельные батальоны и полки в Москве для усиления охраны общественного порядка. Они пока не получили ни одной машины.

— Кто же виноват в том, что наши бойцы сидят в окопах чуть ли не с го-

лыми руками, патрулируют улицы, не имея колес, — Главное управление материально-технического и военного снабжения, для которого внутренние войска в списке нуждающихся — на последнем месте?

— При чем тут ГУМТиВС?! Виновато Правительство российское, финансирующее армию и силы правопорядка по остаточному принципу. Получив деньги из государственной казны, мы бы в кратчайшие сроки решили и технические, и социальные проблемы. А на сегодняшний день ситуация с финансированием просто катастрофическая, общая сумма задолженности по всем видам довольствия, а также оплате коммунальных услуг перевалила за тридцать миллиардов. Люди месяцами не получают жалованья. Из-за этого все сильнее дает о себе знать кадровая напряженность.

— Бреши в войсковом строю — притча во языцех. Велики ли они у вас? И в каком звене наиболее ощутимы? Что конкретно делается командованием округа для укомплектования частей офицерами и прапорщиками?

— Округ укомплектован на семьдесят три с половиной процента, вакантны около двух тысяч офицерских должностей, это чуть ниже средневойсковой уровня. Наиболее ощутимые бреши — в ротном звене. Не хватает командиров взводов, заместителей командиров подразделений, в дефиците офицеры-специалисты — начальники мастерских, начальники служб. В Чечню на должности взводных не от лучшей жизни вынуждены посылать офицеров штабов. И разрядить кадровую напряженность можно, только полагаясь на собственные силы, потому что военные училища сегодня не в состоянии удовлетворить потребности войск. В нынешнем году к нам прибыло всего тридцать семь выпускников — это, что называется, капля в море.

Вопросы работы с кадрами — в центре внимания руководства округа. Достаточно сказать, что за последнее время их трижды выносили на повестку дня заседаний военного совета. Коллективными усилиями выработана стройная система деятельности по разрешению нашей острой проблемы. В ее основе требование: вести работу по укомплектованию вакантных должностей обязаны все командиры и начальники — от командующего войсками округа до комбата включительно. При этом максимально используются все каналы пополнения офицерских кадров. В соединениях и частях составлены графики работы в военкоматах по изучению, отбору кандидатов из числа военнослужащих запаса. Каждому военкому направлено

письмо с просьбой оказать помощь реформируемому войскам правопорядка. После изучения личных дел запасников приглашаем их в части на собеседования, в ходе которых они получают всестороннюю информацию о внутренних войсках, перспективах продвижения по службе. Ведется кропотливая работа со студентами вузов, где есть военные кафедры. После собеседований многие из них охотно дают согласие надеть на два года лейтенантские погоны, ибо трудоустроиться в крупных промышленных центрах молодым специалистам крайне сложно: предприятия, учреждения лихорадят от безработицы. Только из Московской автотранспортной академии к нам поступило девяносто выпускников. И многие из них, уверен, испытав себя на военном поприще, продлят контракт.

Изыскиваем также резервы в своих боевых порядках, направляя прапорщиков в вузы на учебу экстерном.

Конечно, лейтенант, пришедший с гражданки, или выпускник ускоренных курсов по всем статьям уступают офицеру, окончившему военный вуз. Училище, академия — школа, без которой трудно стать настоящим военным профессионалом. Но выбирать не приходится. Мы — реалисты, а не розовые оптимисты — радуемся тому, что имеем, восполняя пробелы в подготовке новоиспеченных лейтенантов на занятиях и сборах.

— Товарищ генерал-лейтенант, вы выросли в семье военнослужащих, после окончания училища поднялись по служебной лестнице от командира взвода до командующего войсками округа, и, глядя на нынешнее поколение выпускников войсковых вузов с позиций своего профессионального и жизненного опыта, какие у них замечаете характерные недостатки, мешающие сразу же, без раскочки включиться в напряженный ритм боевой службы и учебы? В чем еще недорабатывает наша военная школа?

— Знаете, по-моему, некорректно сравнивать плюсы и минусы офицеров разных поколений: за последнее десятилетие произошли радикальные перемены во всех сферах общественной жизни, изменились экономические, социальные условия, влияющие на формирование личности. Когда я получил свою первую лейтенантскую зарплату — сто восемнадцать рублей двадцать копеек, — почувствовал себя очень обеспеченным человеком. По тем временам это была приличная сумма, молодой специалист на гражданке о таком окладе мог только мечтать. Сегодня же при виде того, как шикуют сказочно обогатившиеся "новые русские", и лейтенант, и генерал попросту теряются. Мало того,

что денежное содержание военных "ну очень смешное", если учитывать наши физические и психологические нагрузки, так еще и выплаты его из месяца в месяц задерживают, ставя служивых людей в невыносимое положение. И то, что в этих обстоятельствах подавляющее большинство молодых офицеров не изменяют своему призванию, сохраняют верность родным войскам, свидетельствует об их высоком моральном духе.

Что касается системы подготовки в военных училищах, то ее необходимо совершенствовать в соответствии с теми задачами, которые выполняют сегодня внутренние войска. В пору моей курсантской юности основное внимание уделялось тактической, огневой, физической подготовке, полевой выучке будущих офицеров, методике организации занятий и воспитательной работы с солдатами и сержантами. Затем учебный процесс переориентировали на конвойную службу: караул, зона, вышка, инженерно-технические средства охраны... Сейчас жизнь потребовала вернуться к практике подготовки командира мотострелкового взвода. Выпускник военного училища должен в совершенстве знать технику и вооружение, обладать прочными навыками управления подразделением.

Второй аспект — правовая культура молодого офицера. Знание законов, умение руководствоваться ими в работе как с личным составом, так и с населением, самостоятельно решать правовые вопросы — без этого служба по охране общественного порядка в специальных моторизованных и оперативных частях просто невыполнима.

Ну и, разумеется, тактика — альфа и омега, фундамент офицерского профессионализма. В том числе — общевойскового боя; конвойная наука — вчерашний день войск.

— В приказе командующего внутренними войсками МВД России на 1995 год перед Московским округом поставлена задача: завершить передачу функций охраны ИТУ учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы. Как идет этот процесс?

— Он завершен. Благодаря согласованной и четко налаженной работе командиров, штабов и территориальных УВД в установленные сроки все исправительно-трудовые учреждения переданы под охрану ведомству исполнения наказаний. Кроме того, мы передали в органы внутренних дел функции конвоирования и охраны в судебных учреждениях лиц, заключенных под стражу. На очереди — полное освобождение от задач автодорожного и дополнительного конвоирования.

Избавиться бы еще и от планового конвоя! Честно говоря, у меня душа болит от одной мысли: в спецвагонах как ездили, так и до сих пор продолжают ездить восемнадцати-девятнадцатилетние солдаты и сержанты срочной службы, сутками находясь под воздействием матерых преступников. Стеречь уголовную публику в железнодорожных караулах должны профессионалы-контрактники.

— А какого вы мнения, товарищ генерал-лейтенант, о службе по контракту в войсках? Насколько она себя оправдывает?

— Ровно настолько, насколько позволяют наши скромные средства. При нынешнем финансировании, социальных гарантиях трудно привлечь профессионалов в боевой строй. Поэтому большая часть контрактников проходит службу на штабных и хозяйственных должностях. И тебучка огромная. За один месяц приняли сто восемь человек, а уволили девяносто девять.

Из-за отсутствия жилья, мизерных окладов ограничены возможности выбора достойных кандидатов, не всегда удается отсеять людей с низкими моральными и деловыми качествами. Но несмотря на объективные трудности работа по профессионализации солдатского строя приносит добрые плоды. Так, у нас уже есть караулы, где боевые задачи выполняют только военнослужащие по контракту.

— Товарищ генерал-лейтенант, хотел бы остановиться еще на одной вашей задаче, поставленной в приказе командующего. Цитирую: "...Повысить принципиальность оценки работы должностных лиц по укреплению воинской дисциплины". Что удалось сделать в этом направлении?

— Ни один случай нарушения дисциплины не остается без внимания. А если факты говорят о недосмотре, недоработке конкретных должностных лиц, меры по ним принимаются незамедлительно. И меры строгие. В нынешнем году мною подписан ряд приказов о наказании виновных.

Но на проблемы воспитания дисциплинированности, исполнительности у военнослужащих нужно смотреть значительно шире. А потому на первое место в этой работе я бы поставил проблему создания необходимых условий для нормальной деятельности командира-воспитателя. Наряду с этим нуждается в совершенствовании практика контроля за состоянием дел в воинском коллективе. Каждый офицер должен своевременно принимать упреждающие меры по профилактике негативных явлений, не забывая о поощрении достойных и жестком спросе с нерадивых.

Не менее важно регулярно обобщать и распространять передовой опыт, учить молодежь на примере лучших командиров. Исходя из этих и ряда других требований руководящих документов по вопросам дисциплины и оценивается работа должностных лиц.

— Интересно и такой вопрос. Во все времена служба в Центральном управлении — ныне Московском округе внутренних войск — считалась наиболее престижной. А сегодня?

— Я бы этот вопрос сформулировал по-другому, сделал логическое ударение не на престиже, а на ответственности. Раньше это было "придворное" УВВ, жившее относительно тихо и спокойно — по сравнению с другими регионами страны условия службы в эпоху "развитого социализма" здесь были, скажем так, не самые напряженные. Теперь картина изменилась. Москвичи выполняют те же задачи, что и воюющий Северо-Кавказский округ. Мы с ним почти сравнялись по количеству частей, находящихся в горячих точках. Недавно в окружное подчинение переданы части по охране важных государственных объектов. Нагрузка на офицеров резко возросла, а вместе с ней и ответственность за службу в нашем округе.

— Заканчивается 1995 год, время подводить итоги. Удовлетворены ли вы, товарищ генерал-лейтенант, результатами служебно-боевой деятельности за истекший период. Удалось ли улучшить показатели по основным параметрам?

— Нет. Ни я как командующий, ни члены военного совета округа достигнутыми результатами не удовлетворены. На то есть объективные и субъективные причины. Мы видим свои недоработки, неиспользованные резервы. На ситуацию влияли и кадровые бреши, и нехватка финансовых, материальных средств, и длительные командировки офицеров. Но в принципе ничего катастрофического не произошло, все поправимо. Люди, накопившие боевой опыт в Чечне, сейчас работают с еще большим напряжением и рвением. И я думаю, скоро дела пойдут на лад. Столичный округ должен стать передовым в войсках.

— Разрешите пожелать, товарищ командующий, чтобы личный состав округа несмотря на все трудности достиг намеченной цели.

— Спасибо!

Вел беседу полковник Ю. КИСЛЫЙ.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Из кавказского блокнота

Дело было на Востоке

Удивительные вещи происходят в обществе на этапе проводимых в нем реформ. Неужели и такие понятия, как долг, честь, отвага, тоже должны быть реформированы? Если да, то что должно получить общество взамен? Национального "героя" Чечни Шамиля Басаева, которого с легкой руки "реформированных" журналистов в горячке буденновских событий

едва не возвели в ранг великомученика, от отчаяния и тревоги за судьбу своего народа готового пожертвовать тысячами жизней мирных ставропольцев?

Кстати говоря, его народ в то время на освобожденной от боевиков территории Чечни налаживал мирную жизнь. Все дело в том, что с водружением российского флага над Ведено и Ножай-Юртом друзья

Басаева, зарабатывающие себе на жизнь военным ремеслом, оказались между молотом и наковальней. В тиски зажали федеральные войска недобитых дудаевских боевиков, не оставляя больше никаких шансов на моратории и перемирия, которые до того неоднократно, как по воле Аллаха, сваливались на счастье дудаевцам и на беду российским внутренним войскам. Только за апрельско-майский мораторий восточная группировка войск потеряла убитыми и ранеными больше, чем за все время активных боевых действий на востоке Чечни. Как говорит мой друг разведчик, бандитам стало за себя скучно. Ну и выход был найден вполне достойный этих людей. Не зря мудрейший Эзоп сказал: "Самый злобный лай у напуганной собаки". Обвешанного гранатами и автоматными магазинами чеченского Робин Гуда на экранах телевизоров видели миллионы людей. Жаль, что детские пеленки и другие аксессуары родильного отделения, в котором он проводил свои пресс-конференции, оставались за кадром. Они, наряду с измученными лицами рожениц, могли бы стать достойным фоном этому неутомимому борцу за свободу и независимость Чечни. А многие ли россияне видели лицо 19-летнего Героя России Жени Остроухова, который в декабре 1994 года с горсткой товарищей вел бой у станции Петропавловской против басаевского батальона? Женя в том бою рисковал собственной жизнью, а не жизнями заложников из числа мирных жителей. Ранен был, да, к счастью, жив остался. Вот он, герой, который в свои 19 лет долг и честь оценил выше своей жизни. Не потому ли около трехсот басаевских боевиков не смогли в ту декабрьскую ночь победить в бою горстку молодых солдат из российских внутренних войск? Но на экране телевизора продолжают мелькать совсем не те лица, которые должны увидеть россияне, увидеть и узнать, что есть что и кто есть кто.

Задумывался ли кто-нибудь о том, что несет теле-и видеоэкранная продукция в подсознательную сферу нашей психики? Как бы ни критиковали засилье американской видеопродукции, но пропагандирует-то она в подавляющем своем большинстве бескорыстного героя, верно-го своему долгу и проливающего кровь в борьбе со злом во имя справедливости и счастья чуть ли не всех людей планеты. Ну а наши отечественные мастера боевика и приключенческого жанра всю рек-

ламируют проходимцев, мафиози, рэкетиров и прочих представителей "романтических" профессий. Реформа так реформа. Но нельзя забывать о том, что обречено общество, вымывающее такие свои ценности, как долг, честь, отвага, верность. Не зря американцы под звездно-полосатым флагом пропагандируют даже через детские мультфильмы образ честного, сильного и справедливого героя-патриота, завоевывающего симпатии своих соотечественников. Как говорится, кому чего не хватает.

Никогда не стояла Русь на коленях. И причина тому достаточно проста. В Чечне познакомился с замечательным парнем. Его философским и гуманитарным знаниям можно только позавидовать. Вот одна из его мыслей по поводу российского воинства. В мировой истории было три великих армии: монгольская, прусско-германская и русская. Первая брала своей многочисленной конницей, вторая — железной дисциплиной, а наша — жертвенностью. Ведь только наш воин, обрекая себя вместе с врагами на верную смерть от собственной гранаты, остается прикрывать отход своих товарищей. Или, вынося с поля боя тело убитого и двух раненых товарищей, буквально вытаскивая их под шквальным огнем засевших в "зеленке" дудаевских боевиков, теряет еще троих ребят убитыми и пятерых ранеными. Уверен, что только у наших российских спецназовцев не определяемый уставом принцип: "Уходим все или не уходит никто" мог стать одним из основных законов боевой работы. Только наш солдат, поливаемый свинцом из бандитских стволов, потоками лжи с телеэкранов и страниц, подвергается обвинениям "правозащитников", забывших о том, что солдаты — граждане своего государства, которых оно может послать на смерть. Кормят их китайской тушенкой и серого цвета крупной непонятного происхождения (дефицит бюджета, борьба с инфляцией и пр.— объяснений находится великое множество, только вот склады войск ими не заполнишь). Неделями и месяцами отдыхают солдаты по три-четыре часа в сутки в перерывах между обстрелами боевиков, но цепляют на антенны своих БТРов российские флаги, а на заношенный за три-четыре месяца войны в сырых и грязных окопах, латаный-перелатаный камуфляж — значки с государственной символикой. Только российский офицер, семья которого ютится в убогой общаге или снимает угол в солдатской

казарме, получая в месяц денежное содержание вдвое меньше зарплаты водителя столичного автобуса, прикрывая отход своих солдат, оставляет сиротой двухлетнего сынишку и вдовой молодую жену, которая в полной мере испытает, потеряв кормильца, всю "прелесть" экономических реформ. Знаю, что причинаю боль вдовам и сиротам этой войны, но не сказать об этом не могу. Хотя бы потому, что нельзя не говорить об этом. Ведь принимал же в Белом доме президент Соединенных Штатов пилота самолета, сбитого за тысячи миль от родных берегов над территорией бывшей Югославии, ведь встречала вся Америка как героев своих солдат после войны в Персидском заливе, после защиты так до сих пор и не понятных мне национальных интересов американцев.

Нет, никогда не поверю, что людей долга и чести будут охаивать по недомыслию. Нет. Это может осуществляться только сознательно, целенаправленно и не без корыстного умысла.

По всей видимости, вселяют страх в кого-то люди, способные достойно противостоять подлости, преступности, коварству и ненависти. Иначе чем объяснить, что задача дискредитации внутренних войск в глазах общественности для некоторых средств массовой информации стала одной из самых актуальных. Владимир Воронов на страницах "Собеседника" не гнушается даже откровенной ложью, чтобы сделать желанный для себя вывод-вопрос после вымученного им материала: "Карательные операции в современной России — прерогатива МВД. Генерал-полковник внутренней службы Куликов (послужной список: охранял зеков, командовал внутренними войсками, наводил конституционный порядок в Чечне) назначен министром внутренних дел. Будет распространять ценный опыт по всей стране?.." По всей видимости, для демонстрации своей глубокой компетентности в вопросах деятельности МВД воинское звание генерал-полковника А.С.Куликова автором статьи было с легкостью трансформировано в специальное звание "генерал-полковник внутренней службы". Ну что же, Бог ему судья. А солдаты, которые под пулями боевиков кроме веры в себя, своих боевых командиров обрели еще и веру в Бога, которая помогает и поддерживает их, знают, что если есть Бог на свете, то и судный день наступит, и не только для них... А Бог рассудит. Ведь не зря перед убитием батальона в Чечню прямо на

плацу части батюшка благословил солдат и офицеров и собственноручно, начиная с комбата, повесил на шею каждому крестик, который никто с себя так и не снял, хотя для многих это был первый опыт обращения к вере. И никому уж не придется упрекнуть вас, солдаты России, что креста на вас нет.

Низкий вам поклон, дорогие воины российские, за то, что своим мужеством, честью, выдержкой и жертвенностью вселяли веру в будущее нашей страны, за то, что вы в свои 18-19 лет оказались мудрее тех, для кого не существует ни чести, ни Отечества, ни веры, кому долларовая зелень застилает глаза и усыпляет совесть. Вы знаете цену жизни и смерти, знаете, что такое дружба и братство не со слов школьных педагогов и офицеров-воспитателей, а по рубцам в своих сердцах, оставленных гибелью товарищей. Вы видели последствия преступного режима и бандитского беспредела. Жители казачьих станиц на территории "независимой" Чечни, доведенные до отчаяния тремя годами дудаевщины, вас встречали со слезами и надеждой. Вы не дрогнули под страшным огнем боевиков в Грозном, Гудермесе, Самашках и Бамуте. В окопах под гитару вы пели: "...Не за копейки и рубли идете по земле Чечни, а чтоб тебя, Россия-Русь, великой звали".

Я преклоняюсь перед этими мальчишками. Знаю, что не допустят они развала своего Отечества. Слишком дорого заплатили.

...24 мая. То, что видел сегодня, вряд ли смогу когда-либо забыть.

Рослый спецназовец, богатырь — хоть античного героя с него лепи — склонился над телом погибшего друга. Подхожу со спины. Едва не отшатнулся, когда посмотрел в его лицо, повернутое в мою сторону. Левая половина — сплошная рваная рана. На что-то надеясь, хотя вид глазницы никаких надежд уже не оставляет, спрашиваю:

— Глаз видит?

— Нет, не вижу...

— Потерпи, брат, сейчас медики промоют, протрут и все будет нормально.

— У них без меня работы хватает. Там тяжелые пацаны...

Переводит взгляд на посеревшее лицо навсегда замочавшего друга, лежащего на синем армейском одеяле рядом с медицинской палаткой. Ему уже помочь нельзя...

127

— Димка... После этой командировки собирался увольняться... Завтра должна прилететь замена...

Опять рев двигателя несущегося к палатке с красным крестом БТРа.

Навстречу бежит спецназовец-контрактник. С бэтэзра кричат, чтобы не бежал, у них убитый. Останавливается, провояжая взглядом броню, и выдыхает:

— Кто?

Ответ я не расслышал. Он потонул в крике этого сильного, мужественного парня, зарывавшего не только от потери боевого друга, но и от досады, что не был рядом с ним в этом бою. Трудно представить, какой пытке будет подвергать себя этот парень, когда собственная жизнь будет казаться ему предательством по отношению к погибшему боевому брату...

Под палящим солнцем семь часов ждали, когда начнут работать армейские соколы на Су-25. Не понятно, по какой причине вместо четырех часов утра прилетели почти в одиннадцать. И в результате — отряд специального назначения "Витязь" при выдвижении с исходного рубежа на высоту 541.9 попадает под шквальный огонь уже поджидавших их боевиков. Точно на направлении наступления отряда, в хорошо подготовленном опорном пункте. Пятеро убитых и восемь раненых. Высота осталась у боевиков.

25 мая. Начальник штаба "Витязя". Сколько лет жизни отнял у него вчерашний бой? Сколько нужно времени, чтобы пережить утрату своих подчиненных, каждый из которых уже давно стал ему как родной?

— Завтра идем на высоту...

Молчу. Могу представить, каково начинать все заново, если вчерашние усилия оплачены кровью, которую еще не успела питать земля на той злосчастной высоте. Хотя знаю, что эта высота — ключ к успеху всей операции. И он это знает, и подчиненные его это знают. Поэтому спрашиваю, не сомневаясь в том, что услышу в ответ:

— Как ребята?

— Пойдут... Высоту брать надо...

27 мая. На высоте 541.9 закрепляются подразделения одного из полков ОДОНа. Отряд спецназа задачу выполнил. Сопротивление "духов" было сломлено практически без потерь с нашей стороны. Спецназовцы действовали дерзко и уверенно, а дудаевцы уходили с высоты, побросав в окопах полного профиля и в блиндажах в три наката продукты, боеприпасы, мины. Даже в чайнике над потухшим костром

вода не успела остыть. Утащили лишь трупы и раненых (судя по следам крови и окровавленным обрывкам одежды, их было немало) да унесли собственные ноги. Оборудование опорного пункта "борцов за независимость Чечни" отвечает всем канонам инженерного искусства. Чувствуется наставничество опытного закордонного инструктора, а опыт, оплачиваемый хрустящей валютой, — это не энтузиазм "ополченца". Наверняка знает тот иноземный инструктор, что для взятия подобных хорошо оборудованных в инженерном отношении позиций нужна мощная и плотная работа авиации и артиллерии, которой во внутренних войсках кот наплакал. Да и расчеты четырнадцати "саушек", приданных из разных частей Российской армии, в ходе этой операции продолжают обучаться, потому что воинской специальностью начали овладевать непосредственно на этой войне. Сюда бы пригласить "знатоков" оперативной обстановки, которые дают оценку внутренним войскам, сидящим, по их утверждениям, в тылу или занимающимся мародерством то ли от безделья, то ли от жажды наживы. Предложить бы им "помародерствовать" вместе с нами. Впереди высота 606.4, а за ней еще с десяток наберется до самого Ножай-Юрта. Есть возможность вкушать всю прелесть "тыловой" жизни внутренних войск.

Э то только на языке взвзшиков подобные действия могут называться специальной операцией по разоружению и ликвидации незаконных вооруженных формирований. Друзья-армейцы, с которыми учился в училище и академии, служил до перевода во внутренние войска, знают, что такое наступление в горно-лесистой местности на заблаговременно подготовленные позиции противника. Новые боевые друзья из внутренних войск теперь тоже знают. Хотя готовились к выполнению других задач. Ну что же, век живи — век учись. А ученики они способные, только вот танковые и артиллерийских подразделений, необходимых для подобной "учебы методом практических занятий", у них по штату не предусмотрено. Вот и приходится проявлять свои способности, компенсируя недостаток боевой техники и артиллерийских систем.

Мужество и выдержка солдат выручают, их величайшее терпение и вера в командиров...

27 мая. Трудно сказать, кто в данной ситуации был прав, а кто нет. Обоих за-

хлестнули эмоции. Значит, неправы были оба...

Полковник из МВД Дагестана... В селе Тухчар, что на самой границе с Чечней, если таковая граница имеется, нашли два неразорвавшихся снаряда, выпущенных из пушки танка, который гуляет по "зеленке" на горе и очень точно бьет по позициям наших войск. Тактика сволочная. 4-5 выстрелов с опушки — и в лес. Поквакал — и в тину. Цели разведает заранее, дальность до них установит еще до занятия огневой позиции. Отстрелялся и — в кусты. После двух последних его выстрелов разрывов не видели. Вот эти два снаряда и оказались почти в центре мирного села Тухчар. Тонкий расчет. Разорвись они, можно было бы Сергею Адамовичу Ковалеву фактик подбросить: вот, мол, российские войска опять по мирным жителям бьют, прямо из пушек.

— Надо, чтобы саперы ваши приехали. Лежат снаряды, никого близко не подпускаем, ведь могут рвануть.

— Нет у нас пока саперов, все на операции работают. Там ведь мин больше, чем грибов в лесу. Подождите день-другой, "сделаем" мы эти снаряды. Пока на время в радиусе трехсот метров от них людей переселите к родственникам, знакомым.

— Уже переселили. Но они домой хотят, у них там огороды, скотина. Потом это же территория Дагестана, вы просто обязаны...

Наверное, горячая кавказская кровь разыграла. Последние слова он уже не просто произнес на высоких тонах, а прокричал. Перед глазами сразу возникли изуродованные тела саперов, подорвавшихся при оказании гражданским дагестанским связистам помощи в восстановлении их поврежденного кабеля. Знают "духи", где и как минировать. Растяжку на обыкновенной ветке, которых там валялось сотни, обнаружить было практически невозможно...

Молча поворачиваю полковника в сторону двух искореженных БТРов и говорю:

— Вон там, видите... В одном семь человек похоронили, в другом девять. На территории Дагестана. Ведь здесь, чтобы обеспечить общественный порядок и законность, тоже кто-то кое-что обязан делать.

Дальнейшего диалога не получилось. Из всех последующих слов полковника только обещания пожаловаться министру можно приводить в печати. Русский мат, он интернационален.

На этом самом месте на территории Дагестана в декабре прошлого года боевиками были захвачены 58 военнослужащих внутренних войск, еще до начала боевых действий. Милиция Дагестана бездействовала.

Понимая, что снаряды надо обезвредить, докладываю об инциденте генералу. Надо ехать. Завтра с другом-разведчиком посмотрим на месте на эти снаряды и разберемся, что там можно сделать без саперов.

28 мая. Еще одну высоту взяли. Ту самую 606.4, которую еще две недели назад влезший в радиоэфир "Витязь" дудаевский "полководец" обещал превратить в братскую могилу для русских солдат. Наверное, что-то у него не получилось. Именно отряд "Витязь" внес существенные коррективы в планы боевиков, заставших на 606.4. Два легких ранения получили спецназовцы в ходе боя с отступающими бандитами.

Высоту боевики оставили. Теперь будут лазить по кустам, чтобы исподтишка пострелять из подствольников по закрепляющимся на высоте солдатам ОДОНа. Да и то ближе к вечеру, чтобы в случае опасности легче скрыться в темноте. Контратак их ждали еще после взятия первой высоты. Но, видать, кишка тонка, не решились. Солдаты ОДОНа позиции держать умеют.

И дудаевцы об этом знают. Без малого месяц сидела дивизия в окопах под непрекращающимися обстрелами с господствующей высотой из всех видов оружия, в том числе и в период моратория. Почти каждый день теряли ребят.

Но не дрогнули, не сломались. Мужчины! Так теперь тем более никто не сбросит их с отбитой у "духов" высоты. Знают боевики это, знают. Вот и огрызаются из "зеленки", чтобы, отстрелявшись, убраться восвояси, на другую высоту, до которой очередь еще дойдет...

В Тухчар разведчик ездил без меня. Я занимался тем, к чему душа не лежит абсолютно. Да и к чему тут может лежать душа! Разве что к людям, которые не по своей воле оказались среди грязи и крови и при этом остаются людьми. Если "работа с местным населением" сохранит хоть кому-то из них жизнь, можно считать, что день прошел не зря.

"Делегаты от местного населения" приехали на зеленую "Жигулях" шестой модели. Эту машину разведчики каждое утро видят отъезжающей от базы боевиков из лесного массива. Потому-то все просьбы

428

о предоставлении специального пропуска для проезда через КПП и блокпосты воспринимая с должным интересом. В разговоре не сложно проследить информацию об эффективности наших огневых ударов. Опять жаловались: стрельба мешает мирным людям. Интересно, а что это за мирные люди по ночам в горах колонны с топливозаправщиками гоняют? Ночью одну такую накрыли артиллеристы. Теперь уж точно в ближайшее время блуждающие "духовские" танки беспокоить не будут. Солярка этой ночью до них не доехала. Заручившись обещанием визитеров представить маршруты своих поездок, пообещал подумать о пропуске для них. "Заодно и засады надо будет выставить на этих маршрутах", — подумал. А "местное население", распрощавшись со мной, убыло на доклад своему командиру, оккупавшемуся в лесу на соседней высоте.

Интересно, кому разведчик сохранил жизнь в Тухчаре?

— У них там дед один геройский. Сказал, что погибнет сам, а село спасет. Схватил один снаряд и вынес его за село.

— Как он его вынес?

— Откуда же я знаю! Это еще до нас было. Я ему руку пожал, сказал, что он мужчина, но больше пусть так не делает.

— Что со вторым снарядом?

— Порядок. Отнесли к первому и оба за селом взорвали.

— Что, без саперов?

— А мы чем хуже? Кстати, был твой друг, полковник из МВД Дагестана. У него в этом селе родственники...

— Ну и как он?

— Премного благодарен. Говорил, что вчера погорячился...

— Я тоже...

За эту командировку Женька дважды чудом остался жив. Первый раз в Самашках, когда, расстреляв все магазины, сел возле какого-то сарая перезаряжаться, а тут прямо на него с одуревшими глазами выскочил бандит с гранатометом... Они же РПГ как карабин используют. Выручил прапорщик-спецназовец. Снял он этого "ковбоя", когда тот уже из своей трубы собирался снести сарай вместе с Женькой. Второй раз повезло Евгению под Бамутом. Тогда зажали со всех сторон так, что между деревьями даже лица боевиков можно было разглядеть. Вызвали на себя огонь минометной батареи и под разрывами своих мин уходили. Там остался прапорщик, Женькин спаситель...

16.00. Совещание на КП. Генерал просит доложить о результатах поездки в Тухчар.

— Докладываю: снаряды обезврежены, жертв и пострадавших среди мирного населения нет.

— Откуда брали саперов?

— Сами справились...

Небольшая пауза. Как там в песне? "В воздухе пахло грозой..." В общем, внушение Женька получил. За то, что берет на себя лишнее, что разминирование не его работа и так далее. После совещания, не смотря на нагоняй от генерала, капитан с чувством удовлетворения ушел в палатку. Тоже, наверно, думал, что не зря день прошел. А, может, вспомнил о том, что далеко за Уралом его жена и маленький сынишка ждут своего папу, который уехал на сборы в Подмоскovie и скоро должен вернуться. Как хорошо, что они не знают, на каких он сборах.

В один из своих приездов, а точнее, прилетов командующий специально поинтересовался, кто у нас в группе возглавляет разведку. Искренне поблагодарил за разведданные, представляемые наверх, как за самые точные, надежные и своевременные. Он прекрасно знает, как они добываются, и я знаю о тех ночах, проведенных Женькой у черта на рогах, когда его утреннее возвращение равносильно возвращению к жизни. Не было случая, чтобы уходил напрасно. За одни только топливозаправщики с соляркой, задержанные его группой и отбитые у боевиков, можно награду вручать. Трудно посчитать, сколько сохраняет он солдатских жизней, когда недобитые дудаевские танки и БМП где-то в горах остаются без топлива.

Один из бессмертных трудов бывшего генсека, посвященных его воспоминаниям о той далекой войне, полувековой юбилей Победы в которой мы не так давно отметили, начинался примерно так: "Дневников на войне я не вел"... На этой войне, наверно, тоже дневников никто не ведет, как не вел их и я. Эти заметки появились после того, как при помощи известного "миротворца" Шамиля Басаева в Грозном начались переговоры. Появились они для того, чтобы люди узнали и запомнили то, что было...

Подполковник И. СОЛОВЬЕВ.
Фото О. СМЕРНОВА.

Чечня — Москва

Мужество**"Скорпион" продолжает бой**

*Остались братцы наши там,
Кто пал, кто дышит,
Давай, водила, по газам —
А вдруг услышат?*

Полковник А. ЧИКУНОВ.

Его, Сереги Плотникова, бэтэзру, затаившемуся среди исковерканных хвостов и крыльев на дудаевском аэродроме, предстояло в числе первых идти на Грозный.

Когда же командир привычно скомандует: "По машинам!?" Сегодня вроде уже поздно — не ночью же соваться в незнакомый город! Наверное, все-таки завтра, 31 декабря и двинем. В последний день уходящего года. Как там учили действовать? Сначала спецсредства в окна, а потом "зачищать" "духов", надышавшихся дрянью и высыпавших из домов, словно тараканы. В октябре в составе сводного отряда спецназа примерно такие вот маневры — правда, с условным противником — неплохо получались. Погоняли тогда прилично, семь потов сошло. Дома штурмовать учились, мосты захватывать, высадку десантом из вертолетов отрабатывали, постреляли... Посмотрим, как все это пригодится, когда враг будет неигрушечным...

Мысли о наступающих новогодних праздниках, родных и близких время от времени бередили солдатскую душу. Всегда ведь пытаешься думать о чем-то приятном, когда ожидание становится особенно томительным. Но только пытаешься — это проклятое ожидание, неиз-

Некоторые фамилии изменены.

вестность грызет тебя, забивает голову только одной мыслью: скорее бы. Прямо как у поэта: "Самый страшный час в бою — час ожидания атаки". Вообще-то раньше он стихи не жаловал, разные там птички, цветочки, чувства... Не для мужика все это. Но эта строчка почему-то запомнилась: то ли в школе проходили, то ли у пацанов в блокноте прочитал. О Великой Отечественной войне написано, а сейчас? Пятьдесят лет прошло, и снова — в атаку...

Два бэтэзера "скорпионов" пошли прямо по грозненскому шоссе, спецназовские "коробочки" из соседнего полка свернули влево, а бэтэзер "витязей" — вправо. Рядовой Плотников сидел на своем привычном месте наводчика в машине ротного старшего лейтенанта Олега Кудинова:

— До сих пор удивляюсь, как это мы так легко, почти без стрельбы добрались, считай, до центра. Может, дудаевцы думали, что накануне праздника не сумеем в город? Но скорее всего специально давали спокойно втянуться, чтобы потом зажечь технику в узких местах и долбить уже наверняка. Хитрые, гады...

Они стали петлять по зловеще затаившимся улицам чужого города. Снова неизвестность и напряжение, если бы стреляли, наверное, легче на душе было бы... По карте выходило, что дотянули уже до центра. Может, боевики деру дали?..

Неожиданно в триплексе засветились два наших бэтэзера. Неизвестно откуда вынырнули и оказались впереди их машины. "Скорпионы" сразу же решили пристроиться им в хвост, но не успели — впереди идущие "коробочки" так же внезапно, как

1/29

появились, куда-то свернули. Чтобы все-таки нагнать своих, зарулили и они в какой-то переулочек. Пусто. Ни наших, ни ваших.

— Тормози, механик, — командовал ротный. — Так ребята не пойдет, что-то

далеко мы оторвались. Хрен его знает, где наши потерялись. Осмотреться надо.

Попробовали выйти на связь с потерявшимися бэтэрами. Как ни странно (не счесть, сколько раз допотопную связь проклинали), техника не подвела, и через две-

три минуты в наушниках раздалось: "...Твою мать, мы, кажись, к дворцу дудаевскому выехали. Толпа здесь..." Рация на несколько секунд захлебнулась, а потом: "...Эти суки мочат по нам. Очередь давай. Уходим, чтоб вам..."

— Как только связь кончилась, Радик Биктемиров из люка высунулся. Наблюдателем он был. Хотел посмотреть, что и как, под броней не особо развернешься. За нами ведь другие наши "коробочки" подтянуться должны были. Вроде совсем чуть-чуть и высунулся, а снайпер прямо в лоб ему попал. Не успели до конца понять даже, что мертвый Радик уже, как по нам из домов долбить начали. Из пулеметов, гранатометов да черт его знает еще из чего. Тут уж уходить надо было. Наш бэтр стал разворачиваться и как раз гранату эрпэгашную поймал...

Подробности боя, позднее возведенного кем-то в ранг "новогоднего штурма Грозного", рядовой Плотников рассказывал мне на территории бывшей МТС, расположенной на северной окраине Бамута. До передка — километра три. А здесь, под слабеньким прикрытием искореженной сельхозтехники, разбросанной по периметру, спрятались палатки, вагончики, бэтэры, "кашээмки", медпункт, кухня. Короче, полковой КП. Чтобы никто не отвлекал, отошли от командирского вагончика ближе к груде металла, которая раньше носила название комбайна. Мое внимание привлекли рваные отверстия от пуль на железе:

— Сами в стрельбе упражнялись или чеченские долетают?

— Да что нам, негде тренироваться? — Мой намеренно наивный вопрос заставил его улыбнуться. — Это боевики, бывает, по ночам приползают в "зеленку" со стороны Ассиновской и дают прикурить. Ну мы тоже даем.

— Куришь, что ли?

— Да нет. — Он сразу понял шутку и снова улыбнулся. — Слава Богу, так и не привык, а то бы трудно пришлось. Бывает, сидим в засаде, пацанам курить хочется, а нельзя. На огонек ночью и прилететь что-то может. Ребята терпят, а мне хоть бы хны.

...Выстрелом разворотило двигатель и вырвало левый боковой люк. Однако тринадцать человек, укрывшихся под броней, видно, в рубашке родились. Все как один отделались контузиями, которые в такой переделке вроде бы и не в счет.

— Дым, блин. Командир орет: "К машине!". Ну мы и начали выпрыгивать. Теперь вот только и понял, что чудом остались в

живых. Расстрелять всех запросто могли, но досталось только Сашке Листратову. Ногу зацепило. Его сразу прапорщик Гриценко под руку подхватил. А где укрыться? Спасибо ротному, сориентировался быстро. Там дом стоял, ну мы в него и поперли.

Им снова повезло. Первый этаж и подвал дома, в который наобум заскочили, оказались чистыми. Дудаевцы, видимо, боялись занимать первые этажи, откуда выбить их было проще. А вот на втором этаже, вход на который был заколочен досками и чем-то сверху завален, явно засели "аллахакбаровцы". Оттуда отчетливо доносились глухое уханье гранатометов и автоматные трели.

Ничего себе соседи. В гости на чай не позовешь. Как там Пугачева пела? "Эй вы там, наверху, от вас опять спасенья нет". От нас тоже, будьте уверены.

Старший лейтенант Кудинов быстро расставил двенадцать бойцов по периметру: окна, дверь, лестница на второй этаж и — круговая оборона, как в Брестской крепости. Еще б стены такие же, метра в два толщиной. Тогда и Новый год можно встретить.

Восемнадцать раз он встречал этот светлый, наверное, самый любимый на Руси праздник в кругу семьи. Мама, Евгения Михайловна, пекла вкусный пирог, отец, Иван Сергеевич, переодевался Дедом Морозом и раздавал гостинцы детям: старшей Тане, Сереже и самому младшему Артемке. Все как у людей было: шампанское, поцелуи, танцы, любимые песни. Девятнадцатый Новый год с домашними, как ни крути, ему встретить не светило.

В июне 94-го, сразу же после окончания профтехучилища, в калужскую деревню пришла повестка из военкомата. Как это ни странно звучит во времена, когда хитро закосить от службы стало почти геройством, Сергей очень хотел испытать себя в армии. Заветной мечтой было попасть в спецназ, десант или морскую пехоту. Вот и на проводах почти всех своих друзей побывал, а он хуже других, что ли?

Наконец настала и его очередь. Служить выпало во внутренних войсках. В одной из самых боевых частей Северо-Кавказского округа. Более того, невысокого роста, худенький, даже, на первый взгляд, хрупкий паренек, оказался в группе спецназначения "Скорпион". И попал туда, несмотря на явно негеркулесово телосложение, не случайно: и в школе, и в училище не расставался с кимоно. Сначала было дзюдо, а потом и в модном кик-

боксинге научился держать удар. Участвовал в соревнованиях, стал кандидатом в мастера спорта. Короче, в спецназе внутренних войск таким подготовленным, настырным ребятам служить в самый раз.

...Скоро к ним присоединились десантники — механик-водитель и наводчик БМП. Только им двоим и удалось выскочить из бэмпэшки, горевшей факелом недалеко от их родного бэтэзэра, который тоже лизали языки пламени.

— В доме боковое окно выходило на соседнюю улицу. Глянули, а там зрпэгэшники засели, человек пятнадцать, по нашей технике лупили. Ну мы их и начали щелкать. Потихоньку, чтобы себя, значит, не обнаружить. Ну и из других дырок тоже было по кому стрелять. Часа за два, которые мы в доме том торчали, боевиков двадцать точно положили.

Долго так продолжаться не могло. Их заметили. Несколько "духов" подползли к дому так близко, что в окно полетели гранаты. Хорошо прочная металлическая решетка на нем оказалась. Чеченские новогоние гостинцы отсакивали от нее и взрывались около здания. Командир понимал, что уходить самое время — того и гляди из РПГ стрелять начнут. Тогда и решетка никакая не спасет.

Метрах в семистах от дома маячила наша БМП. В ту сторону и решили рвануть.

— До армии ни одного раза не крестился, да и не крещеный вовсе. Мы ведь прежде чем под Калугу перебраться, в Таджикистане жили. В церкви, наверное, и был раза два всего. А тут, прежде чем бросок совершить, натурально перекрестился. Может, и неправильно даже. Да и не я один... Побегали. Думали внахалку быстро проскочим, да не тут-то было: с раненым в ногу Саней быстро не получилось. Я бежал предпоследним, за мной только двое наших с тылу отход прикрывали. Метров пятьдесят от дома отошли, как по нам со всех сторон мочить стали. Сразу двоим по ногам досталось. Офицеру и десантнику. Ну их, конечно, подхватили. Тут я как раз остановился, машу пациентам, которые сзади прикрывали, мол, быстрее уходите. Чуть подождал их, пропустил вперед, и тут меня самого в ногу садало.

Пуля угодила ему во внутреннюю сторону левого бедра. Какое-то время Плотников лежал неподвижно посреди дороги. Прикинулся мертвым. Привыкал к боли. Такую беспощадную он испытывал впервые. Нужно быстрее справиться с ней. Чтобы не растеряться, чтобы выжить.

Левая штанина быстро набухла кро-

вью. Липкой, теплой. Алые пятна окропили жиденький снежок, который только припорошил грозненский асфальт. Не то что в Калужской области, где в это время сугробы так сугробы. Зимой, бывало... Да что вспоминать. Сейчас бы из этого дерьма выбраться! Своих не видно, он — один.

Больше медлить было нельзя: даже неподвижное тело для верности в любую секунду могла прошить автоматная очередь. Сергей принял решение. Сначала отполз к тротуару. Но легко сказать "отполз": каждый метр давался ему, слабеющему от потери крови, с огромным трудом.

Вокруг не прекращалась стрельба, но обращать на нее внимание уже просто не хватало сил. Сколько полз, не знает. Вообще, с момента ранения время для него перестало существовать. Да и какой прок следить за стрелками часов? На тот свет всегда успеешь. А чтобы остаться на этом, о другом нужно думать.

Через "не могу" он все же заставил себя перелезть бордюр тротуара. Странно все это. Когда на гражданке разгуливал по улицам Калуги, разве могло прийти в голову, как перешагивать через эти кирпичики? Здоровый был, войны не было... Еще несколько метров, и можно будет прислониться к стене дома, а потом — постараться найти какой-нибудь подъезд, спрятаться. Стиснув зубы, дополз до угла здания. А потом... вот уж действительно не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Как же ему повезло, что не хватило сил завернуть сразу. Отдышаться решил, потом глянул в ту сторону, где искал спасения, а там, всего метрах в пятнадцати от него, стреляющий подъезд. Кто-то засел в нем и интенсивно "работал" из пулемета. Серега прислушался, вроде как голоса услышал. Но разобрать, что говорили, а главное — кто, конечно, не мог. То ли стрельба глушит, то ли говорят не по-нашему? Сомнения улетучились, когда из подъезда, пригнувшись, выбежал чеченец. Выходит, для здоровья иногда полезнее и "ползающим" побыть, а "ходячим" мог бы в горячке боя так вляпаться...

— Крови много потерял — начал вырубаться. То отключусь, то опять вроде стенку дома вижу. Крыша ехала капитально. Не знаю, сколько так валялся, но, когда снова выглянул из-за угла, из подъезда уже никто не стрелял.

Может, ленту меняют? Или ушли? Переждав несколько минут, рискнул, пополз. Сначала выкидывал вперед правую руку с автоматом, затем подтягивал здоровую ногу, а потом уже тащил раненую, прикрывая простреленное бедро левой рукой.

Когда до подъезда оставалось метра полтора, сделал остановку, прислушался. Тихо. Выставил вперед ствол: ну, если есть кто, хоть одного, но достану. Осторожно заглянул... чисто. Заполз, перевернулся на спину. Нога нещадно дергала. Промедола и бинтов с собой не оказалось — и зачем их еще в бэтэзере на полку положил? Другой раз умнее будешь, если будет "другой раз"... Снова отключился.

Когда очнулся, приставил автомат к виску, палец — на спусковой крючок.

Существует легенда: окруженный кольцом из горящих углей скорпион наносит себе смертельный удар жалом, чтобы избежать мучительной смерти...

— До того уже ниче не соображал, что самой смерти даже не боялся. А вот страх — в печенках даже зажимало — оказаться в руках у боевиков дикий был. Дурной, может, но думал: как пацанам объяснять буду, если живой останусь, что спецназ в плен сдался? Может, и о чем другом в тот момент думал, но запомнилось только это. Наверное, если бы минут десять еще полежал так, то застрелился бы.

О нем не забыли. Где-то раздобыли БТР и начали искать. В той ситуации подставляться на бэтэзере под РПГ и противотанковые гранаты было чистой воды самоубийством, но пацана-то вытаскивать надо. Сам погибай — товарища выручай. И это не просто красивые слова, это жизнь или смерть.

— Уж и не знаю, как тогда заметил нашу "коробочку". Вижу прет, метров тридцать до нее, а кричи не кричи, все равно не услышат. И сил нету, чтобы из подъезда выползти, показаться. Плакать хотелось от бессилия, а потом бац, дошло. Чуть прицелился и дал очередь по борту.

Заметили. Прапорщик Алексей Гриценко хотел тут же выскочить из бэтэзера, но "духи", словно разгадав его отважный порыв, открыли такой бешеный огонь, что машине ничего другого не оставалось, как ретироваться.

— Когда бэтээр ушел, подумал, что уже не вернусь за мной. Да и сомневался: может, и не заметили вовсе? Минут десять, наверное, пролежал, как вдруг кто-то на меня падает. Испугаться не успел — Леха! Хватает за шиворот и тащит по асфальту. Нога раненая сразу цепляться стала, заныла еще сильнее.

На какое-то время он снова потерял сознание. Но недолго продолжалось его блаженное неведение, в котором нет места пулям, крови, войне... Откуда-то сверху сбросили на парашютике гранату, и два ее осколка впились солдату в ногу.

Аккурат в то самое место, где уже была кровавая отметина от пули! Вот и верь потом, что в одно место два раза смерть не бьет...

Его праздничная новогодняя ночь началась с шести доз промедола, которые вколол в него фельдшер Ямпольский. Дальше помнит смутно. "Кашээмка", дорога, расплывчатые лица, склонившиеся над ним...

Привезли в полевой госпиталь под Грозным. Когда часы били двенадцать и Президент с бокалом шампанского обращался к народу с традиционными новогодними поздравлениями, Серега лежал под капельницей. В три часа сделали снимок ноги. Нужна была операция и как можно быстрее. На рассвете вместе с другими ранеными запихнули (другого слова и не подберешь, носилки с ранеными ставили в два ряда) в "вертушку" и отправили во Владикавказ. На следующий день — операция.

— Сначала один доктор осмотрел. Вижу, головой качает. Ушел. Потом еще с одним врачом возвращается. Как услышал я слово "ампутация", так подумал, жизнь моя кончилась. Начал просить, чтобы ногу оставили. Ну второй врач меня успокаивать стал, сказал, с ногой буду, на двух ногах. В операционной вкололи что-то...

Когда очнулся, понял, что находится в палате. Долго не решался посмотреть на ноги. А потом собрался, посмотрел...

Обе ноги целы! Давно уже не плакал, а тут слезы сами собой из глаз брызнули.

— Держи на память, повезло тебе, парень. — Доктор, который делал операцию, вложил в его руку два небольших кусочка металла.

В тот же день бортом Сергея эвакуировали в Москву, в военный госпиталь Вишневого.

— На нашем этаже человек семь лежало, которых в Чечне ранило. Сестрички там медицинские любопытные: как да что? А что? Жив остался, а Радик вот погиб... 12 января, как только проснулись, доктор зашел и предупредил, чтобы готовились. Вроде нас должен навестить сам министр обороны Грачев. А че нам готовиться, если все лежачие? Пусть приходит. Честно говоря, не особенно верилось: ну ранили, что ж теперь, ко всем министр должен приходиться? А потом смотрим, и правда генерал заходит, на Грачева похож. Подошел к кровати, пожелал побыстрее выздоравливать...

Только в середине января, когда оконча-

тельно пошел на поправку. Плотников послал домой весточку.

— Приходит телеграмма, а там: "Мама, я в Москве, приезжай" и номер телефона, — вспоминает Евгения Михайловна. — О чем тогда только не передумала. Набрали номер, а там какой-то офицер и говорит, что сыночек мой в госпитале. Объяснил, как доехать. А что с Сережей? Так я и не поняла.

Они тут же собрались, первой электричкой — в Москву.

— Когда к госпиталю уже подходили, чувствую, ноги не слушаются, страх напал. А как увидела — из дверей гроб выносят, небольшой такой, совсем плохо стало. Присела в вестибюле, не понимала ничего. А потом гляжу, Танька бежит ко мне: "Мама, мама, жив наш Сережка!" Тут уж — к нему на этаж. В палату заходим. Лежит, бледный, тощий, но живой.

Одеяло завернулось, ногу одну не видеть. Подумала, что отрезали, калеккой стал. А он улыбнулся: "Все нормально, мама"...

После курса лечения в госпитале Вишневого он сменил еще пару госпиталей, и его наконец перевели в последний — на реабилитацию.

— Уже к концу лечение шло, когда военный врач, который меня наблюдал, сказал, что если я местный, калужский, да еще ранение тяжелое получил, то в часть обратно меня никак не отправят. Должны оставить служить поближе к дому. А че я в Москве забыл, если ребята мои в Чечне воюют? В госпитале вместе со мной контрактник лечился. Витя, из отряда спецназначения "Росич". Вот его и упросил, чтобы взял с собой. Короче, в часть свою вместе уехали.

Сергей до сих пор считает, что ничего героического не совершил. Просто не растерялся, сумел сберечь свою жизнь и честь, чего же тут героического?

В части его заслуги оценили по достоинству. Когда солдат еще лечился в госпитале, в Москву ушло представление на орден Мужества. В отпуск рядовой Плотников поехал уже орденосцем и в краповом берете. Святыню спецназа ему вручили за боевые заслуги.

— Мы с мамой на кухне копались, Артем телевизор смотрел, — вспоминает сестра Сергея Татьяна, — как вдруг из сеней голос: "А что здесь гостей не встречают?" Я выглянула — кто-то стоит, а лица не видно: огромный букет роз загораживает. Первым опомнился Артемка: "Сережа приехал!"

И точно — он. Улыбается... С друзьями постоянно встречался, рассказывал им про войну. Нам, домашним, меньше. Наверное, пугать не хотел. Как соберутся с ребятами, вроде все нормально, шутят, смеются. А останется один, сидит, что-то вспоминает. Будто в оцепенении. Потом как-то признался, что друга в Чечне потерял.

"И вот настал час прощанья". Мама наказывала ему, чтобы берег себя, война и так на всю жизнь ногу пометила. Он кивал, соглашался, говорил, что скоро бои закончатся, а может, даже уже закончились, пока он дома пирожки ел...

Газета группировки внутренних войск МВД России в Чеченской Республике "Солдат правопорядка" 20 июля под рубрикой "Твои герои, Россия" писала:

"Майор Виктор С. командовал сводной группой спецназначения в рейде по глубоким тылам территории, контролируемой боевиками. В ходе сбора разведанных были выявлены укрепления, узловые дороги, состав сторожевых постов боевиков. Используя эти данные, офицер организовал засаду на перекрестке дорог в районе Чемульги, во время которой была уничтожена группа полевых командиров и ее личная охрана. Сожжены две автомашины, одна из которых — груженная минами и боеприпасами. Командир правильно организовал отход группы. Используя установку мин, отсек группу боевиков, преследовавших отходящий отряд. Группу вывел без раненых и убитых..."

Плотников входил в число тех одиннадцати, совершивших героический рейд. Когда майор Стельнов выбирал лучших бойцов для выполнения спецзадания, Сергей скрыл, что ногу ему в госпитале до конца не вылечили. Временами так ныла — тошно становилось. Признаться в этом значило, что тебя на задание как пить дать не возьмут: в таких случаях каждый должен быть готов на все сто. Не возьмут один раз, а потом вообще окажешься ближе к кухне. Для "краповика" — позор.

Он забыл о своей боли, когда они вели бой с полевыми командирами, а потом больше двадцати километров, ставя растяжки, уходили от преследования. Пришли на базу чуть живые. От усталости. Вот тут боль напомнила о себе, но опоздала. Солдат справился. Справился со всем.

Старший лейтенант А.РОДНОВ.
Фото старшего лейтенанта
Д.СЕМЕНОВА.

Портрет на фоне войны

ПОЛТОРЫ ТОННЫ СУХАРЕЙ

Не всегда, к сожалению, удается по свежим следам событий и встреч рассказать о людях, с которыми сводила судьба во время командировок на войну. Учитывая периодичность выпуска журнала, приходится отбирать для публикаций наиболее важные, пропитанные порохом факты. Но когда возвращаешься в памяти к пережитому, вновь перечитываешь старые блокнотные записи, чувствуешь себя виноватым перед боевыми знакомцами, по каким-то причинам оставленными за скобками первых, самых горячих фронтовых заметок. Впрочем, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Тем более что рассказ об опыте, накопленном на передовой, для нас, военных, всегда актуален, а истории о мужестве и профессионализме не тускнеют с годами.

Итак, шел третий день чеченской войны...

В два часа ночи тишина взорвалась яростным лаем бандитских стволов, трассерный рой просверлил непроглядную тень, и с криками: "Аллах акбар!" боевики навалились на позиции полка, едва успевшего занять круговую оборону.

Непрошенных гостей ждали, еще на марше готовились к отражению неминуемой атаки: понтонная переправа через Терек, на прикрытие которой была направлена войсковая оперативная группа, для дудаевских "волков" что кость в горле.

Некоторые фамилии изменены.

Поэтому при подходе к указанному рубежу командир части подполковник Виктор Игнатьев решил совершить маневр — направить боевые подразделения в обход лесопосадки, по раскисшему полю. Дабы разведку противника вокруг пальца обвести.

Военная хитрость удалась. Не заметив скрытного выдвижения основных сил полка, бандиты, засевшие в станице Николаевской, посчитали, что военные выставили против них не более батальона. И поперли дуриком, рассчитывая на легкую победу...

Не тут-то было. Угостили "ополченцев" на славу. Плотным огнем из отрытых в считанные часы траншей. Снарядами поддерживающей артиллерии. Начинкой минно-взрывных заграждений. С поджатыми хвостами откатилась на рассвете изрядно потрепанная волчья стая.

Рассказывая мне о ночной сшибке, не скрывал восхищения офицер из армейского корпуса подполковник Сергей Быков, прикомандированный к полку внутренних войск для обеспечения взаимодействия с группировкой Вооруженных Сил:

— Раньше, скажу откровенно, был невысокого мнения о боеготовности взвэшников. Думал: конвой, он и есть конвой, что с него взять. А поглядел, как стойко держались под пулями не нюхавшие пороху бойцы, как умело организовали оборону офицеры, и решил подать рапорт о переводе в войска МВД — до того понравилось у вас, чертей краповых. Куда ни посмотришь — всюду порядок образцовый, дисциплина, четкая организованность. Что боевая работа, что система снабжения — все как по нотам. Тот же тыл взять. Прибыл сюда — и глазам своим не поверил: с колес — в бой, обстановочка — настоя-

щее пекло, а харч по распоряжку, трехразовое питание, как на зимних квартирах, плюс ночной допцапек в окопах. Опять же экипированы, одеты, обуты — на зависть нашему брату армейцу. Отсюда и настроение у людей боевое. В общем, пятерка — и командир, и энша, и главному кормильцу, Данилычу...

— Завязывай, товарищ подполковник, со своими дифирамбами, — перебил Быкова невысокий подвижный крепыш в новеньком бронезилете, подкативший на "уазике" с той стороны, откуда тянуло аппетитным дымком. — Неровен час сглазишь. Лучше про себя расскажи — как огонь артиллерии корректировал. Без твоих стволов туговато бы нам пришлось. Правда, первые пристрелочные снаряды бабахнули прямо на нашей поляне, чуть кухни мне не разнесли. Но потом ты артиллерию подправил и дальше действовал, как учили в академии. А мы, брат, "академиев" не проходили, так что в отличники не набираемся.

Судя по шутовому тону, между офицерами установились теплые приятельские отношения: война быстро сближает незнакомых людей.

— Данилыч, легка помине! — обрадовался Сергей. — Тут пресса к нам пожаловала, знакомься.

Улыбнувшись, Данилыч протянул мне руку.

— А мы уже знакомы. Мелешин моя фамилия. Припоминаешь?

— Валерий Данилович?! УВВ по Казахстану и Киргизии, кара-кемирский учебный полк... Вот так встреча! Когда ж мы последний раз виделись с тобой, дружище, лет десять назад?

— Да уж не меньше. Тогда я был старлеем, начпродом части, теперь — майор со стажем, зам командира по тылу. А ты из войсковой газеты к нам в Кара-Кемир приезжал, точно? Ох, и летит же времечко! Ну да ладно, соловья баснями не кормят. Садись в машину, отужинаем вместе, побеседуем, заодно и со службой нашей поближе познакомимся. Рад, что заглянул к нам в полк!

Я тоже. Согласитесь, неожиданно встретить в горячей командировке старого сослуживца — просто майский день, именины сердца. Есть о чем вспомнить, есть о чем рассказать, а главное, послушать — при таких-то лестных отзывах "старшего брата".

Минута - другая, и мы уже в расположении тыла. За окнами "уазика" промелькнули бэтээры-"восьмидесятки" со спецназовцами на броне, перегажканные землей солдатки, с муравьиным усердием настилавшие бревенчатый накат блиндажа, группы окопников, выдвигавшихся к своим позициям на периметре участка обороны. Полк был поглощен тревожными фронтовыми заботами, готовился к отражению ночных вылазок боевиков.

— Не жалеешь, что перевелся из независимого Казахстана в Россию, на войну ведь попал? — спрашиваю Валерия Даниловича, поблагодарив за сытный ужин (для полевых условий суп из концентратов и каша с тушенкой — выше всех похвал).

— Да я был на седьмом небе, когда удалось вырваться на родину. Хотя и должность занимал приличную — назначили замкомбрига, и на повышение сватали — в Главное управление казахстанских внутренних войск, а все равно служба была не в радость. Как распался Союз, большинство офицеров-россиян стали резко паковать чемоданы. И я долго не задержался. Сам понимаешь почему... Ну вот тебе пара картинок. Нагрнула, значит, в бригаду ревизионная комиссия из министерства. О деле ни малейшего понятия, некомпетентность страшная, зато гонору... Один клерк требует: "Давай, майор, ящик мыла. Мне все дают, и ты не скупись, иначе плохой акт составлю". Я его, конечно, послал подальше. А он, паразит, продсклад опечатал, представляешь! С боем заставил открыть: солдат кормить нечем, а ему, крохобору, — бакшиш гони... И так везде: только и слышишь — "Дай!". Приезжаю как-то в Алма-Ату, в главк, захожу в кабинет к высокому тыловому начальнику, уважаемому мной офицеру. По важному

Снимок сделан на передовой в декабре 1994 года.

вопросу. "Что привез?" — спрашивает. Я опешил: "Ничего". "Зачем, — говорит, — тогда приехал?" — как обухом по голове. И ты Брут?! Ну как после этого служить? — покачал головой Мелешин. — Короче, взял отпуск и стал искать место в России. Предложили вновь сформированный оперативный полк. Подходит! Служба интересная, работы непочатый край — кручусь как белка в колесе. А война... Что война... К трудностям не привыкать!

Это верно. И что не привыкать. И что крутится в повседневных заботах, не жалея сил. Проявляя к тому ж — как скажут мне офицеры управления ВОГ, самые взыскательные "столовники" Данилыча — инициативу и творчество, хотя, на первый взгляд, какое там творчество может быть в организации тылового обеспечения, где все строго нормировано, дозировано, регламентировано приказами, директивами, инструкциями. И да поверят мне читатели, если б не этот примечательный факт, разве стал бы я рассказывать о встрече с сослуживцем — событии, в общем-то, сугубо личного значения.

Ну так вот — к вопросу об инициативе и творческом подходе.

Отправляясь в дальнюю дорогу, бывалые люди никогда не надеются на авось, всем необходимым запасаются впрок: мало ли какие неожиданности ждут впереди. Такими предусмотрительными хозяевами проявили себя и командир полка с заместителем по тылу: при убытии в казакскую командировку эшелоны были плотно затарены вещевым имуществом и продуктами питания — с перекрытием всех норм, предписанных соответствующей директивой для частей оперативного назначения на период боевой работы вдали от зимних квартир. Взяли тридцать сутодач котлового пайка и десять сухого, картошки, крупы, тушенки столько, что дивизию можно было бы прокормить, два вагона дров привезли, загибал пальцы майор Мелешин, рассказывая о тыловом обеспечении полка в стреляющем регионе, — как говорят, запас карман не тянет. Прибыли в Моздок, стали разгружаться — соседи по лагерю только рты разинули: "Ну вы, мужики, даете! Мы думали, необстрелянные дальневосточники голыми придут, не имея понятия о том, как надо готовиться к службе в горячей точке, а тут, оказывается, народ ученый, с протянутой рукой ходить не будет".

Целый месяц личный состав полка питался исключительно за счет собственных продовольственных резервов. Плюс к тому предприимчивый Валерий Данилович, подсуетившись, установил дружеские связи с местными совхозами — подброси-

ли витаминов: свежих помидоров и огурцов. Безвозмездно, в качестве шефской помощи военным. Передислоцировавшись в Дагестан, тоже сложи руки не сидели, всю готовились к холодам. Осенью Мелешин слетал домой, организовал в части заготовку овощей и затем на транспортном самолете доставил их в пункт временной дислокации. Прихватив заодно теплое белье, носки, портянки, 150 комплектов зимнего обмундирования, 100 пар валенок и столько же полушубков, 90 шапок для офицеров. Рассудил: лишним не будет. Хотя поговаривали, что скоро замена, и зиму встретят в родных казармах.

Увы, зимовать пришлось в окопах. И как все потом благодарили дальновидного Данилыча — словами не передать! Он ведь еще и сухарями запастись догадался. Съездил на кизлярский хлебозавод, закупил "надцать" буханок, там же бойцы их нарезали, засушили (специально для этого директор, спасибо ему, пошел на встречу, остановил кондитерскую линию), и через два дня привезли на походный склад полторы тонны бесценного на войне продукта. И сами потом на передовой сухарики грызли вволю, и соседний полк выручали, когда начались перебои с доставкой хлеба.

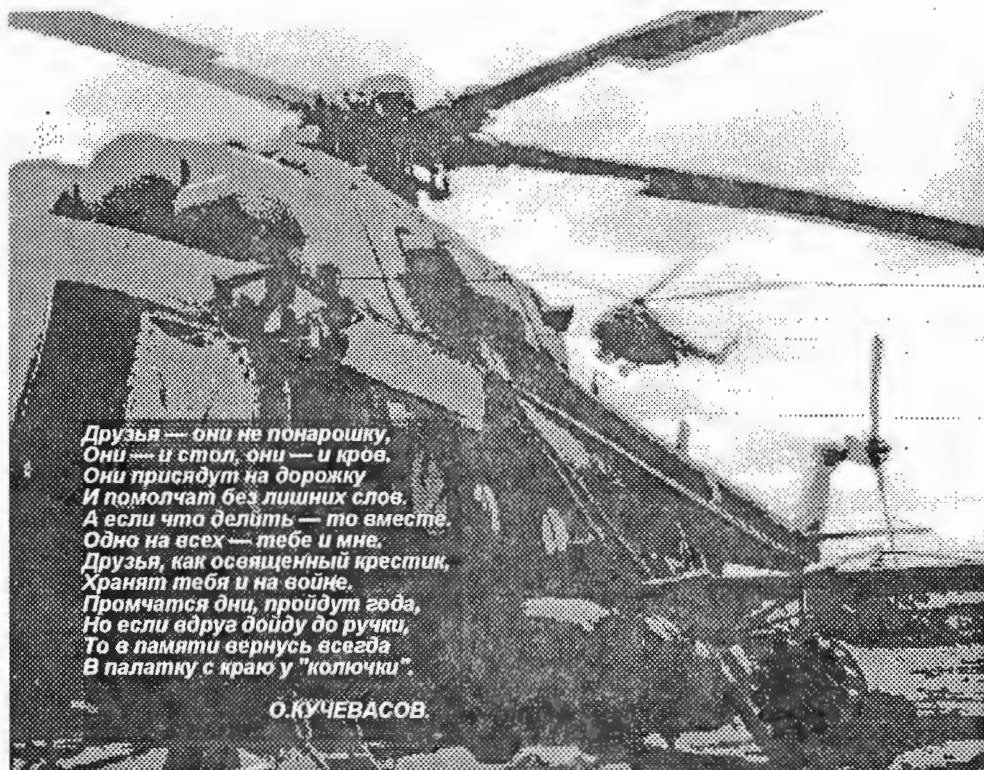
...**К** сожалению, долго поговорить со старым моим знакомцем в тот вечер не удалось. Только стемнело — передовая огласилась грохотом автоматных и пулеметных очередей: заработали дежурные огневые средства.

— Пойду своих гвардейцев в окопе проведаю, — взглянув на часы, сказал Мелешин. — Надо поддержать парней личным присутствием, подустали, с ног валяются — третьи сутки без сна. И молодые лейтенанты, начпрод с начвещем, и солдаты-повара. С утра до вечера — у кухонь, ночью — в траншее с оружием, будь она неладна, эта война.

— Сам, Данилыч, поди, тоже глаз не смыкал! — с сочувствием произнес подполковник Быков. — Во время боя командовал кулинарами на передке, управлял огнем. И днем не до отдыха было — крутился, как заведенный, решал тыловые вопросы. Потом ночная проверка службы... Не бережешь себя, Валера.

— Ничего, нам, дальневосточникам, не привыкать, — улыбнулся Данилыч и зашагал в темноту. Туда, где гремели стволы...

Полковник Ю.КИСЛЫЙ.
Фото Н.СУСЛОВА.

Друзья — они не понарошку,
Они — и стол, они — и кров.
Они присядут на дорожку
И помолчат без лишних слов.
А если что делить — то вместе.
Одно на всех — тебе и мне.
Друзья, как освященный крестик,
Хранят тебя и на войне.
Промчатся дни, пройдут года,
Но если вдруг дойду до ручки,
То в памяти вернусь всегда
В палатку с краю у "колючки".

О. КУЧЕВАСОВ

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА,

или Генерал Бархударов и его фронтовые друзья

Все войны — даже столетние — имеют обыкновение когда-то кончаться. Закончится и эта, чеченская. Уйдет в прошлое, как и все предшествующие ей битвы народов, идей, вероисповеданий. Какой след она оставит в памяти российских солдат и офицеров? Никуда не деться, но до конца дней их будут тревожить воспоминания о погибших однополчанах, о жестоких боях с дудаевскими боевиками, моджахедами всех мастей, наемниками из дальнего и ближнего зарубежья. О штурме Грозного, взятии Самашек и Бамута. О тяготах и лишениях окопной жизни — неизбежных спутниках лихолетья. Но будут, я уверен в этом, и добрые воспоминания. Например, о фронтовых друзьях-товарищах — ведь нет ничего на свете крепче фронтового братства, нет ничего надежнее войскового товарищества. Люди на фронте сходятся непросто. Там все обязательно товарищи по оружию. Но далеко не все — друзья. И на войне испытывают симпатии к одним — от простого уважения до преклонения, и антипатии к другим —

от равнодушия до презрения. Фактов таких хватает, жизнь есть жизнь. Но о худом — в другой раз.

Сегодня расскажем о человеческих отношениях в лучшем их проявлении — о святой и верной фронтовой дружбе семейных офицеров — разных по складу характеров, со своими достоинствами и недостатками, и все-таки идущих по военным дорогам Чечни вместе. Их здесь так и называют — великолепная семерка.

Забота друг о друге, готовность всегда подставить свое плечо в трудную минуту — это помогло выжить на чеченской войне капитану Виталию Борисову, подполковникам Николаю Зенкову, Николаю Иванову, Сергею Быстрову, Леониду Сопрыкину, полковнику Юрию Дегтяреву, майору Игорю Волкову.

К сожалению, с некоторыми офицерами из великолепной семерки нам встретиться так и не удалось. На войне человек собой не располагает. Надеемся, что встречи эти еще впереди.

Он не просто летчик...

Угораздило же Борисова в день своего рождения оказаться за тысячи километров от родного дома, а не где-нибудь, а в стреляющей, взрывающейся, грохочущей Чечне. Но если вы, уважаемый читатель, приготовились жалеть "несчастливого офицера", то поспешу вас разочаровать. Этот день рождения, как он считает сам, — лучший из всех. Трудно поверить, но это так — все его фронтовые друзья нашли возможность вырваться из суматохи фронтовых будней и прилететь, приехать, чтобы поздравить своего дорогого Виталика.

Подарки были на любой вкус, но один капитану пришелся особенно по душе. Это песня, которую посвятил ему известный на всю группировку внутренних войск в Чечне бард полковник Владимир Колосов.

Чеченская одиссея В. Борисова началась с откровения. В родной части, когда инструктировали перед отправкой в командировку, успокаивали:

— Не переживай, будешь сидеть на капзе, на телефоне. Работа, сам понимаешь, не пыльная.

Но едва летчик успел переступить порог командного пункта авиагруппы, его тут же огорошили:

— Иди за вещами! Получишь радиостанцию — и вперед в вертолет, полетишь в Шали!

В Шали тогда, надо сказать, горячие денечки начались. Вертолет доставил новоиспеченного авианаводчика в самое пекло.

Виталий вспоминает:

— Выскочил из вертолета. На мне синяя авиационная куртка. Чувствую, я в ней как бельмо на глазу, как белая ворона. Лучше мишени для боевиков не придумаешь. Курточку снял, и вроде как полегчало. Под вечер похолодало — задубел. Тут уж не до маскировки. Плюнул — будь что будет! Не замерзает же!

Полковник Николай ЗЕНКОВ, фронтовой друг капитана В. БОРИСОВА:

— Шали.. Самашки... Ачхой-Мартан... Бамут... — самые горячие точки Чечни. Все их прошел Виталий. Авианаводчиком. Сколько ребят спасли благодаря ему от верной смерти! Сжал "вертушки" прямо в боевые порядки. А сколько еще ребят могли спасти, если бы вертолетчики занимались только делом, а не катали сомнительного толка миротворцев. Они себе политический капитал сколачивали, а ребята умирали от ран.

Виталик наш — мужчина! Летчики — народ смелый, отчаянный. Но одно дело в облаках, другое — на земле, где идет не-

привычная для летуна война. Но молодец, быстро притерся к боевой обстановке.

Капитан Виталий БОРИСОВ:

— Под Шали, когда операцию проводили, я с танкистами разъезжал. Командир "семьдесятдвойки" говорит мне:

— Хочешь из пушки стрельнуть?

Думаю, шутит, потому и говорю:

— Хочу!

А он и вправду снаряд досылает...

Подполковник Николай ЗЕНКОВ:

— Первое, чему Борисова научили, — как определять, чья мина летит — своя или чужая. Когда по нам, то — "Ш-ш-ш... Бум!". А по ним — "Бум-м-м! Ш-ш-ш..."

Вскоре прозвище Виталий получил — Бывалый. А если серьезно, с таким идут в разведку.

Личные впечатления.

Сказать честно, не таким представлял себе капитана Виталия Борисова. Каким — вспоминать не буду. Лучше, чем он есть, не придумаешь.

Первая наша встреча была скоротечной. Он забежал к друзьям на секундочку. Выпил чарку и умчался готовиться к завтрашнему дню — на Хасавюрт должна была идти колонна, и капитан Борисов получил задачу обеспечить ее взаимодействие с авиацией.

Толком разглядеть любимчика всей компании в тот вечер не удалось. Среднего роста... Бородатый... Но вот глаза... Если вправду они зеркало души. И тут же вспомнил, как говорил о нем один офицер:

— С открытой душой живет человек!

Это — так. Притяжение души Виталия испытал на себе.

А на следующий день решил посмотреть, что же это за работа такая, авианаводчик.

Напросился за ним тенью ходить. И пожалел об этом. Виталий носился, как реактивный снаряд между КП — своим и "старшего брата", армейца.

Колонна, которая шла на Хасавюрт, должна была остановиться на подступах к Гудермесу — рядом с маршрутом ее движения по квадрату, где было обнаружено скопление боевиков, собирались работать "Грады". В это же время в воздухе трудились "вертушки". Тоже в интересах колонны.

— "Полосатые", — обратился к вертолетчикам Виталий. — Колонна на подходе. В квадрате ... будет работать "Град". Дальше ... не ходить!

Представил себе, что будет, если "вертушки" окажутся там, где огненные стрелы

боевых машин пронизывают небо — холодок пробежал по спине.

Сказать, что ощутил всю полноту ответственности, которая лежит на плечах авианаводчика, — покривить душой. Одно дело быть сторонним наблюдателем, другое — реальным действующим лицом, отвечать за взаимодействие авиации с землей.

Капитан был на боевом курсе — полная концентрация на своем деле. Отрешенность от всего, не имеющего к нему отношения. Когда я в очередной раз бросился за убегающим авианаводчиком, то понял окончательно — ему не до меня. Свернул в курилку и, присев на скамейку, вытянул усталые ноги.

В это время раздался какой-то подозрительный свист: может, мина шальная или снаряд?

— Расслабься. Это сигнальная ракета, — объяснил природу непонятого мне звука появившийся как из-под земли Виталий. — И запомни, если по нам, то вначале — "Ш-ш-ш...", а потом — "Бум-м-м!.."

Бывалый!

Дождусь ребят

Шли пятьдесят восьмые сутки командировки полковника Дегтярева. Срок, означенный в командировочном удостоверении, уже давно истек. И воспользуясь Юрий своим законным правом, мог бы дома чай гонять, сидеть с друзьями "за рюмкой чая", рассказывать им о войне, обнимать детей и жену. Но не спешил к домашнему очагу полковник. По одной простой причине — здесь, на войне, его друзья из великолепной семерки. А когда начальство интересуется, почему не дома еще, отвечает:

— Дождусь ребят, чтобы вместе улететь.

Они привыкли делать все вместе — воевать, коротать вечера во время затишья, вместе есть. Радость возвращения тоже решили пережить вместе.

Полковнику Дегтяреву, как и его друзьям, лиха на этой войне пришлось хлебнуть немало.

— Знаешь, чем нам с подполковником Николаем Зенковым пришлось при штурме Бамута заниматься? Санитарами работать! Думал ли я, танкист, окончивший военное училище и бронетанковую академию, что буду, как заправский санструктор, бинтовать окровавленных ребят, которых пачками выносили из Бамута? Перевязывал, а что делать? Медицина одна уже не справлялась.

... 18 апреля внутренние войска при поддержке армейцев пошли на штурм Бамута. Бой был тяжелый и беспощадный. Бэтээры, работающие за "таблетки", вырывались из самого пекла на считанные минуты — выгрузить раненых и тела убитых, и тут же уносились туда, где кипел жестокий бой.

На войне часто приходится быть на все руки мастером. Летчик спускается на землю и корректирует огонь "вертушек" и штурмовиков. Земной разведчик забирается на небеса и обеспечивает огневое прикрытие вертолетов. Механик-водитель садится за наводчика к орудию, наводчик орудия за механика-водителя к штурвалу БМП.

Полковник Юрий ДЕГТЯРЕВ:

— Вот и мы засучили рукава — и вперед! Когда бой достиг своего апогея и поток раненых резко увеличился, почувствовали — не справляемся. Тогда стали сортировать людей — легкораненых в одну сторону. Тяжелораненых — в другую.

Подполковник Николай ЗЕНКОВ:

— Спасти тяжелых была наша главная задача. Их обрабатывали в первую очередь. Пока перевязывали страшные раны, наш Виталик вызывал "вертушки". Крутил он ими только так. Едва успевала взлететь одна машина, на посадку заходила следующая. Еще раз спасибо ему! Спасибо всем вертолетчикам — все раненые остались жить. А их больше пятидесяти было в тот день.

Полковник Юрий ДЕГТЯРЕВ:

— Потом дошел черед до убитых. Генерал Антонов попросил нас: "Сделайте все, чтобы никто из ребят не был отправлен неопознанным". Именно попросил, а не приказал.

27 человек погибли, и из них ни одного не доставили на базу неопознанным, безымянным. Фамилия первого из погибших была Алексеев. Звали Юрий. Рядовой.

На войне, говорят, люди ко всему привыкают. Не верю. Разве можно взирать безучастно, как погибают в бою твои товарищи, у кого гуляла на свадьбе, детей крестили, с кем "хлеба горбушку и ту пополам"?

Совсем недавно сидели на доньшке окопа, курили последнюю сигарету — одну на двоих, а сегодня он лежит у твоих ног, с чужим пожелтевшим лицом и связанными бинтом руками.

Где взять силы, чтобы выстоять, не сломаться...

— Ребята, сейчас я вам покажу то, что обещал, — сказал полковник Юрий Дегтярев. — Такого больше вы нигде не увидите!

И, вскочив со скамейки, чуть ли не бегом пустился "домой".

Через минуту-другую вернулся с каким-то свертком. Не заходя в курилку, махнул нам рукой: "Давайте за мной!" — и заскочил в "эрэлэсовский" вагончик.

Там, не дожидаясь нас, он стал снимать многочисленные пакетики, холщовые чехлы, обертки с того, что мы "больше нигде не увидим". Этим чудом оказался всего-навсего альбом. Но какой!

На его страницах размещались десятки фотографий родных и близких полковника Юрия Дегтярева — до седьмого колена. Копии наградных листов на его отца — танкиста, участника Великой Отечественной войны, которые Юрий затребовал в архиве. Листы из академических учебных пособий, где в качестве боевых примеров приводились образцовые действия подчиненных Дегтярева-старшего. Снимки, сделанные с кадров киноплёнки. (Как-то раз мама Юрия увидела на экране кинотеатра своего мужа: "Смотри, сыночек, наш папка!". За бутылку угворили кинемеханика выстричь из пленки драгоценные кусочки.)

Грамоты, полученные родственниками из рук знаменитых людей.

Вот снимок, на котором в несколько рядов стоят brave солдаты. Надпись на фотокарточке: "Порт-Артур".

Вот на снимке полный Георгиевский кавалер — родственник Юрия.

Чекисты... Артиллерист... Танкисты... Летчики...

И всех Юрий знает по имени и отчеству, о каждом может рассказывать часами.

Что тут говорить, мы были поражены. Не знаю, как остальные, но я действительно такого никогда в жизни еще не видел.

— Один друг меня спросил, зачем я такую дорогую вещь на войну потащил...

Зачем же? Что ответил Юрий своему другу, мы так и не узнали. Да и нам он ничего на этот счет не сказал. Но я догадываюсь, в чем дело. В трудную минуту, когда на исходе уже духовные силы, обращается он за поддержкой к своим героическим предкам. Многих из них нет сегодня в живых. Но они незримо присутствуют здесь. Они помогают полковнику Дегтяреву на этой войне.

Личные впечатления.

Всем хорош альбом полковника Юрия Дегтярева, но чего не хватает на его страницах, на мой взгляд, так это хороших ... стихов. Хочу предложить Юрию чудесные

строки, написанные участником чеченских событий офицером О. Кучевасовым:

*Жизнь не прожить
без времени, без счета.
Жизнь не начать
без точки отправной.
Вот дед глядит мой
с фронтового фото
В пилотке с закопченною
звездой.
А рядом с тем — другой
портрет нечеткий:
Он — в той войне,
я — в этой навсегда.
И та же звездочка
на выцветшей пилотке,
И те же боевые ордена...
Не надо мной звезда
в цветах горит,
Но, Боже мой, как
близки мне они!
За тех ребят я
на войне убил
На все свои
оставшиеся дни...*

"...Их оставалось только трое из восемнадцати ребят"

Осторожность, предусмотрительность, повышенное чувство ответственности за свою жизнь, а, значит, и за жизнь товарищей — профессиональные черты саперов. Но и эти воинские добродетели не гарантируют им неуязвимости на поле боя. Они также смертны, как и другие солдаты.

Подполковник Николай ЗЕНКОВ:

— В Бамуте из 18 моих саперов в живых осталось только трое. Когда увидел своего подчиненного майора Андрея Бекетова, устроил ему разнос: что вы лезли куда не следует!

А "лезли" ребята сами: и оперативникам, и спецназовцам всем нужны саперы. Дудаевцы ведут полномасштабную войну против федеральных сил. И саперы идут на операции в боевых порядках частей и подразделений. Делают свое опасное дело, невзирая на смертельную опасность.

Вобщем-то подполковник Николай Зенков — военный инженер по образованию. Круг его обязанностей в Чечне весьма широк и разнообразен. Но все-таки сам офицер считает:

— Здесь я больше сапер. Обстановка требует. У боевиков работают саперы-профессионалы высочайшей пробы. С одним из них у меня давно идет заочный спор — кто кого? Вдвоем нам по этой

земле не ходить. Я его присутствие чувствую. Он где-то здесь, рядом крутится.

Дудаевцы горазды на выдумки. "Эфку" (граната Ф-1. — Авт.) с двумя тротиловыми шашками связывают, сверху камень кладут и все это "произведение искусства" ставят на растяжку — думай, сапер!

— В Чечне используют новые приемы ведения минно-взрывной войны, — делится своими наблюдениями Зенков, — которых не было даже в Афганистане. Есть и технические новинки.

Саперы адаптировались к этим изменениям. Но вся беда в том, что накопленный здесь бесценный боевой опыт они увозят с собой. А он должен быть обобщен и доведен до всех специалистов. Хотя бы до тех военнослужащих, кто выполняет или кому предстоит выполнять служебно-боевые задачи в Чечне.

Подполковник Николай Зенков — настоящий фанат минно-взрывного дела. "Сапер должен подходить к mine с холодком под сердцем... Сапер как художник. Талант или есть, или его нет... Если сапер "замылился", потерял чувство опасности, — его надо немедленно отправлять на отдых..." — все эти "минно-взрывные" афоризмы, прозвучавшие из уст Николая, писаны кровью. Помните, сапер ошибается только раз?

Связи надо беречь

Если бы не подполковничьи погоны, Леонида Сапрыкина можно было бы принять за генерала — гвардейская статья, внушительные габариты, осанка генеральская. Голос — при желании вся дивизия, с правого фланга до левого, на плацу услышит зычную команду. Но почему Бархударов?

— Звоню как-то. Очень важный вопрос надо было решить — занято. Перезвоните еще. Перезваниваю еще — опять занято. В третий раз не выдержал:

— Освободите линию!

— А кто говорит?

— Генерал Бархударов!

— Есть, товарищ генерал!

Вот так я и стал генералом Бархударовым.

Генерал Бархударов по профессии — химик. Дел у него в Чечне — выше головы. Установки ДДА в чьем ведении? В его — химика. А "Шмели"?

— Огнеметы в Чечне себя зарекомендовали превосходно. Если раньше, до штурма Грозного, кто и относился к ним скептически, то теперь такие скептики перевелись вообще. Все в один голос: "Дай мне "Шмелей"! И побольше!". Но реактивные пехотные огнеметы — не патроны к авто-

мату. Где ж их столько напасешься? Нет у нас штатных подразделений огнеметчиков. Отсюда определенные трудности со снабжением.

Приходится к "старшему брату" за помощью обращаться. Пока относятся к моим просьбам с пониманием — одно дело делаем.

Последний раз встретил генерала Бархударова, топающего по жаре, по пылице к расположившимся недалеко армейцам:

— Скоро смена моя приезжает. Надо предупредить соседей. — И многозначительно добавил: — Самое дорогое у человека, как думаешь, что? Связи! И их надо беречь.

В вагончике, где живет подполковник Николай Зенков, тесно. Собрались лишь на часок — завтра напряженный день.

— Знаешь, за кого у нас первый тост? — спрашивает Зенков — За всех, кого с нами нет. За всех, кто погиб на этой войне. Мы так решили.

Генерал Бархударов рассуждал по поводу предстоящего отъезда:

— Приедешь домой, и начнется: "Прибей гвоздь!.. Сходи туда... Принеси то..." Разве это жизнь для настоящего мужчины?

— Коль, покажи "броник", который тебе командующий подарил, — просит Николая Зенкова Бывалый.

— Да за ним лезть далеко.

— Ну покажи...

— Николай, когда домой вернется, ночью будет под одеялом шарить и жену спрашивать: "Ты почему без бронжилета?".

— Товарищ "сбитый летчик — герой танковых атак", прекратите подкалывать!

Над военным городком опустилась черная, как деготь, чеченская ночь. Небо то и дело озаряли разноцветные ракеты.

Заслышав вблизи подозрительный шорох, часовые тут же окликали: "Стой, кто идет?".

В районе расположения сторожевых застав дружно заработали огневые средства.

Военный городок постепенно отходил ко сну. В своих вагончиках и палатках с автоматами в обнимку засыпала великопеленая семерка. Засыпала с уверенностью в завтрашнем дне. Каким бы он ни был, встретят его спокойно. Потому что уверены в главном — в своих боевых друзьях. А раз так, то им сам черт не брат.

Подполковник А. ПЕТРОВ.

Чечня - Москва

Премия – боевому репортеру

Фотографии Олега Смирнова публикуются в нашем журнале с тех пор, когда внутренние войска стали воюющими. Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Молдова, Чечня — здесь фоторепортер работал непосредственно в боевых порядках. Документальная фотохроника страшных событий — уникальна.

Олегу Смирнову была присуждена премия журнала "На боевом посту", командование войск наградило его знаком "За отличие в службе" II степени. Недавно боевой репортер был удостоен престижной премии Конфедерации журналистских союзов "За мужество и профессионализм". Эти качества всегда отличали нашего коллегу и товарища.

Искренне рады достойной оценке его творчества. Поздравляем!

КОНФЕДЕРАЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКИХ СОЮЗОВ

Диплом

Смирнов Олег Олегович
 журналист "Литературной газеты"
 (Москва, Россия)

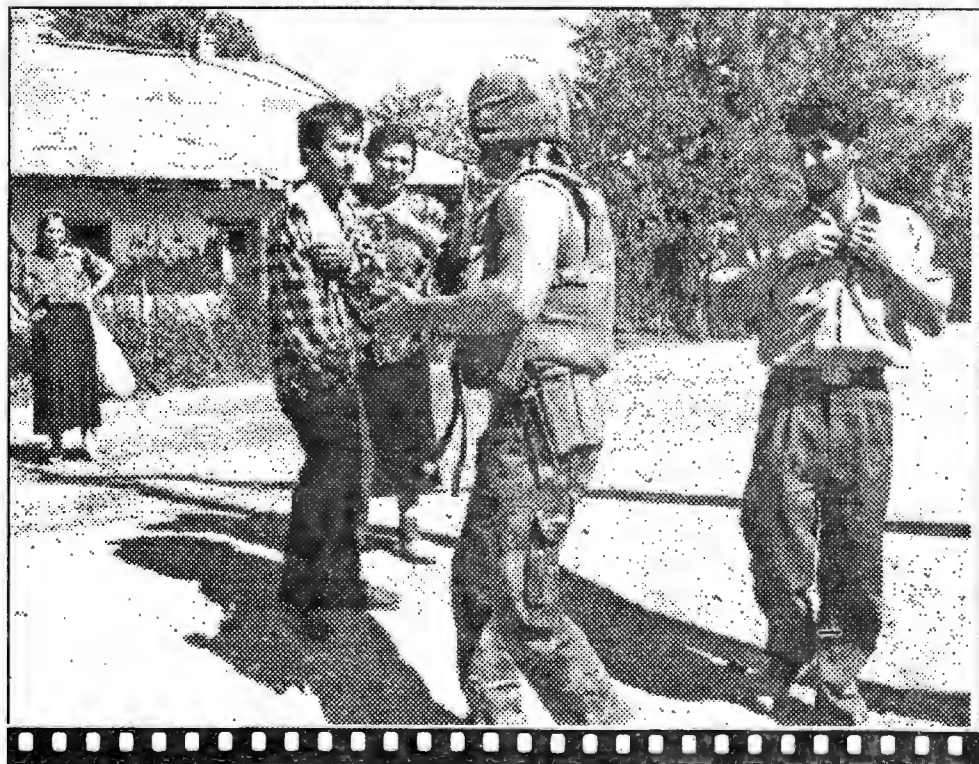
ПРИЗНАН АУДИТОРИЕЙ ПРЕМИИ
 КОНФЕДЕРАЦИИ ЖУРНАЛИСТСКИХ СОЮЗОВ

**ЗА МУЖЕСТВО
 И
 ПРОФЕССИОНАЛИЗМ**

*в номинации "за лучшие
 репортажи из горячих точек"*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
 КОНФЕДЕРАЦИИ
 ЖУРНАЛИСТСКИХ СОЮЗОВ
 1 сентября 1998 г.

В. Сагалов Виталий САГАЛОВ

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

Начало октября ознаменовалось активизацией переговорного процесса по урегулированию обстановки в Чеченской Республике. Он велся практически на всех уровнях: от правительственного до, так сказать, батальонного и ротного. Круг обсуждаемых сторонами вопросов весьма обширен — тут и проблемы формирования политической власти в Чечне, детали повсеместного разоружения незаконных вооруженных формирований и многое другое. Увы, зачастую переговоры либо заходили в тупик, либо не шли дальше заверений сторон, за которыми не следовали конкретные дела.

1 октября. На заседании Специальной наблюдательной комиссии (СНК) в городе Грозном принят календарный план и согласованы конкретные сроки разоружения незаконных вооруженных формирований (НВФ). В соответствии с этим планом тяжелую технику и вооружение чеченская сторона обязуется сдать до 10 октября. Разоружение отрядов под командованием полевых командиров должно закончиться 25 октября. На состоявшейся во второй половине дня пресс-конференции командующий Объединенной группировкой федеральных сил в Чечне генерал-лейтенант Анатолий Романов сообщил, что на заседании СНК были утверждены графики работы с полевыми командирами и российские члены СНК готовы к выезду на места для доведения требований основных нормативных документов до исполнителей.

Обмен взаимно удерживаемыми лицами решено провести по готовности сторон. Отвод федеральных войск в места их постоянной дислокации будет проведен строго по графику, но после полного разоружения НВФ в Чечне.

Позиции федеральных войск были обстреляны 10 раз, из них 4 раза в Грозном. Трое военнослужащих ранены.

В течение дня в Грозном сдано 1 охотничье ружье, изъяты 1 пистолет, 1 автомат, 1 пулемет, 3 гранатомета, 180 патронов, 11 гранат. В населенном пункте Аргун сдано 5 автоматов и 5 гранатометов.

В городах и населенных пунктах Чечни происходит накопление боевиков, что приводит к резкому обострению криминальной обстановки, в том числе растет число убийств, разбоев с применением оружия.

2 октября. На заседании СНК произведен обмен списками взаимно удерживаемых лиц, согласовывался план реализа-

ции соглашения по военному блоку вопросов.

Продудаевские силы активно выдвигают своих сторонников в органы местного самоуправления. В ряде мест боевики открыто призывают покончить с митингами и перейти к боевым действиям.

В темное время суток 20 раз открывался огонь по позициям федеральных войск. Ранен один военнослужащий.

В Грозном изъяты 1 автомат и 2 гранатомета.

3 октября. Федеральные войска блокировали Серноводск, ставший в последнее время прибежищем для незаконных вооруженных формирований.

На очередном заседании СНК принят уточненный график разоружения НВФ. Согласно ему разоружение планируется провести 8 октября практически во всех населенных пунктах Чеченской Республики.

4 октября. Дудаевцы активизировали разведдеятельность, причем не только в самой Чечне, но и в краях и областях, непосредственно прилегающих к Чечне.

Группировки боевиков наращивают психологическое давление на население, пытаются запугать людей. Физически уничтожают тех, кто не поддерживает их. Так, после митинга в Грозном в районе рынка "Минутка" были обнаружены трупы нескольких чеченцев. В населенном пункте Мичурин также были убиты в своих домах 3 чеченские семьи. Все они открыто выступали против Дудаева.

Этот день пополнил списки потерь федеральных войск: 1 военнослужащий погиб, 9 ранены. Среди раненых один военнослужащий внутренних войск.

5 октября. В Отдельной дивизии оперативного назначения внутренних войск состоялась церемония вручения наград отличившимся военнослужащим. Указом Президента России за мужество и отвагу, проявленные при выполнении специального задания на территории Чеченской Республики, орденами и медалями Российской Федерации награждены более 40 офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат прославленного соединения.

Министр обороны России генерал армии Павел Грачев на встрече с ветеранами заявил, что по его сведениям незаконные вооруженные формирования, готовые вести активные боевые действия в Чечне, насчитывают в своих рядах около 6 тысяч человек. Они имеют на вооружении 12 танков, 16 бронетранспортеров и

боевых машин пехоты. По мнению П. Грачева, дудаевцы использовали переговорный процесс для накопления сил и средств.

6 октября. В Грозном совершено покушение на командующего Объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике генерал-лейтенанта Анатолия Романова. Это произошло в полдень, в районе площади "Минутка". Мощный взрыв прогремел в тот момент, когда колонна — два бронетранспортера охраны и две легковые автомашины — проезжала под мостом. По оценкам специалистов, были взорваны заряды, подвешенные к перекрытию тоннеля. Анатолий Романов тяжело ранен в голову, живот, грудь и спину. Помощник командующего полковник Александр ЗАСЛАВСКИЙ и водитель рядовой Виталий МАТВЕЙЧЕНКО погибли. 15 сопровождавших генерал-лейтенанта военнослужащих и 12 пассажиров проезжавшего мимо городского автобуса получили ранения.

Анатолий Романов был срочно отправлен в госпиталь во Владикавказ.

Руководить Объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике назначен первый заместитель командующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Виктор Гафоров.

В Грозном задержаны двое подозрительных, которые могут быть причастны к покушению на генерал-лейтенанта А. Романова. Федеральные и республиканские власти в Грозном осудили теракт и выразили соболезнования семьям военнослужащих, погибших при исполнении служебного долга.

Группировка внутренних войск подвергалась обстрелу 19 раз. Еще один военнослужащий получил ранение.

7 октября. Специальным самолетом находящийся в тяжелом состоянии генерал-лейтенант А. Романов доставлен в Москву и помещен в Главный военный клинический госпиталь им. Н.Н. Бурденко. Здесь ему была сделана операция — четвертая по счету. Раненый в сознание не пришел. Ему вновь возобновлена принудительная вентиляция легких.

Российской стороной в Грозном объявлено, что на два дня прекращает свою деятельность Специальная наблюдательная комиссия.

В Грозном неизвестными взорвано 3 автомобиля и обстреляно здание миссии ОБСЕ, где в это время находились члены российской делегации во главе с первым заместителем начальника территориального управления В. Зориним.

За сутки позиции федеральных войск обстреливались 19 раз. Двое военнослужащих в результате их погибли, 16 — ранены. Среди раненых есть и военнослужащие внутренних войск.

В госпитале Владикавказа от полученных ран скончался рядовой Денис ЯБРИКОВ.

8 октября. Министр внутренних дел России генерал-полковник Анатолий Куликов сделал заявление для средств массовой информации:

— На сегодняшний день не сдано ни одной единицы бронетехники и не разоружен ни один отряд боевиков. Это позволяет сделать вывод, что дудаевская сторона декларирует свою приверженность мирному урегулированию обстановки в Чечне в присутствии миссии ОБСЕ, а на самом деле проводит работу, направленную на срыв соглашения.

Около 13 часов в центре Грозного на гранате-растяжке подорвались 4 военнослужащих внутренних войск. Все они отправлены в военный госпиталь с ранениями различной степени. Еще один военнослужащий войск ранен при обстреле блокпоста.

9-10 октября. Продолжались вооруженные провокации дудаевцев против федеральных войск. Так, с 9 на 10 октября воинские части, КПП, комендатуры, блокпосты обстреливались 32 раза. Это самое большое суточное количество обстрелов и нападений за все время после начала переговоров по урегулированию конфликта. В результате обстрелов погибли двое и ранены семеро российских военнослужащих. За следующие сутки федеральные войска вновь понесли потери: 1 военнослужащий убит, 3 ранены.

Участились случаи захвата боевиками заложников — российских офицеров и солдат. Дудаевцы требуют за похищенных либо выкупа, либо освобождения уголовников, осужденных за тяжкие преступления.

В результате непрекращающихся усилий рабочей группы по организации поиска и контроля за освобождением насильственно удерживаемых лиц и розыску без вести пропавших удалось за последние несколько дней возвратить из неволи четверых военнослужащих.

11 октября. В Отдельной дивизии оперативного назначения состоялся воинский ритуал прощания с погибшим 6 октября при покушении на генерал-лейтенанта Анатолия Романова помощником командующего внутренними войсками МВД России полковником Александром Заславским. Проводить в последний путь боевого офицера приехал министр внутренних дел России. В траурной церемонии прощания приняли участие офицеры ГУКВВ МВД России, многие из тех, кто знал Александра Андреевича, служил с ним в разные годы.

Чеченская сторона заявила о том, что она отказывается от выполнения соглашения по блоку военных вопросов до прибытия в Чечню международных сил ООН. В связи с угрозой для жизни двое из шести членов миссии ОБСЕ в Грозном покинули Чеченскую Республику.

15 раз совершались огневые налеты на КПП, комендантские участки, пункты временной дислокации российских войск. Погиб 1 военнослужащий, еще двое были

доставлены в госпиталь с пулевыми ранами.

12 октября. Командующим Объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике назначен первый заместитель командующего внутренними войсками МВД России — начальник штаба внутренних войск МВД России генерал-лейтенант Анатолий Шкирко.

И в эти сутки не обошлось без потерь: ранены при несении патрульно-постовой службы офицер и два солдата войск.

13 октября. Внутренние войска и органы внутренних дел во взаимодействии с воинскими частями Российской армии продолжали выполнять поставленные перед ними задачи по разоружению НВФ. В районе населенного пункта Самашки задержан полевой командир Хазир Хасанов, имеющий две судимости за тяжкие преступления и с 1992 года находящийся в розыске.

При обстреле позиций погиб наш солдат — **рядовой Александр ВЕКЛИЧ**, 3 военнослужащих ранены.

14 октября. Как сообщили из военного госпиталя им. Бурденко, состоящие генерал-лейтенанта Анатолия Романова остаются крайне тяжелым.

Продолжались вооруженные нападения на военнослужащих федеральных сил. Потери за сутки: 4 военнослужащих погибли, 16 ранены.

15 октября. Незаконные вооруженные формирования подвергали обстрелам российских военных в районах Орехово, Росни-Чу, Гехи-Чу, Шатой, Аргун, Гудермес, а также в Ленинском и Заводском районах Грозного. Боевики продолжают разведку мест дислокации федеральных войск. Такие факты отмечены в станице Нестеровская и в Верхнем Алкуне. Днем наблюдение ведется детьми и пастухами, в ночное время подготовленными наблюдателями с приборами ночного видения.

В ходе огневого столкновения с боевиками получил ранение, а позже скончался **рядовой Алексей РОГОВСКИЙ**.

16 октября. Обстановка в Чеченской Республике остается напряженной. Войска сориентированы на возможное принятие руководством страны решения о введении режима чрезвычайного положения. В Москве, в госпитале им. Бурденко состоялся консилиум. Врачи сошлись во мнении, что состояние здоровья генерал-лейтенанта Анатолия Романова тяжелое, но стабильное. Намечалась положительная динамика по ряду показателей.

Зафиксировано 26 случаев открытия огня по позициям федеральных войск. Обнаружен труп **капитана Юрия ЛАВРЕНЮКА**. На теле зафиксированы следы насилия и огнестрельное ранение брюшной полости.

19 октября. На пресс-конференции в Ханкале командующий Объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике генерал-лейтенант Анатолий Шкирко заявил, что переговоры по блоку военных вопросов возобновятся

только после того, как будет определено место для заседаний СНК вне Грозного.

Поступили сведения, что непримиримые готовят массовые провокации во время возможных конфликтных ситуаций. В течение суток подразделения внутренних войск обстреливались 55 раз, причем огонь велся не только из стрелкового оружия, но и из минометов. Есть потери среди военнослужащих. В госпитале от ранее полученных ран скончался **рядовой Дмитрий ЯШИН**.

20 октября. Этот день для федеральных сил был опять беспокойным: их позиции обстреливались 46 раз. Скорбный список жертв пополнился новыми именами: при обстреле из гранатометов колонны автотехники погиб **прапорщик Евгений БРАЖНИКОВ**; при следовании на автомобиле на mine подорвался **младший сержант Илья МАКАРОВ**, он скончался через несколько часов. Есть среди военнослужащих и раненые.

21 октября. Обстановка в Чеченской Республике оставалась сложной. Не прекращались вооруженные провокации НВФ против федеральных войск. Переговорный процесс по сути зашел в тупик.

22 октября. Резко сократилось количество обстрелов федеральных войск. Во многом это стало возможным благодаря тому, что военные получили добро на открытие огня в каждом случае обстрела. В ближайšie дни намечено возобновить переговоры с привлечением на них полевых командиров, вышедших из подчинения Дудаеву. Не исключено, что этот факт также способствовал некоторой стабилизации обстановки.

23-25 октября. Непримиимые ведут массивную антивоенную кампанию. Увеличилось число разбойных нападений на водителей транспортных средств с целью захвата прежде всего большегрузных автомашин. Не исключено, что в ряде мест Чечни будет проведена намечавшаяся дудаевцами операция "живой щит". В ходе нее в грузовики будут посажены женщины и дети, и, прикрываясь ими, боевики попытаются занять различные населенные пункты.

26 октября. Несмотря на явные признаки улучшения состояния здоровья генерал-лейтенанта А. Романова, специалисты считают, что прогнозы делать о том, как будут дальше развиваться события, трудно. И тем не менее начальник ГВКГ им. Н. Н. Бурденко генерал-майор медицины Вячеслав Ключев считает, что непосредственная угроза жизни раненого уже миновала.

На **27 октября** в Чечне погибли 341 и ранено 1729 военнослужащих внутренних войск.

Подборку подготовили полковник В. АФАНАСЬЕВ, подполковник В. ПАНЧЕНКОВ.

РАЗВЕДКА И КОНТРАЗВЕДКА В "НЕТРАДИЦИОННОЙ" ВОЙНЕ

В № 7 нашего журнала была опубликована статья профессора В. Гиленсена, посвященная ключевым вопросам организации противобоевых операций частями специального назначения США. Хотя в ней и шла речь о некоторых аспектах разведывательной деятельности, учитывая пожелания читателей, мы публикуем статью, в которой эта тема рассмотрена более подробно.

За рубежом придерживаются непреложной истины: без хорошо поставленной разведки и контрразведки эффективная борьба против партизанских формирований невозможна. Причем речь идет не только о действиях спецслужб, для которых этот вид боевого обеспечения, что называется, родной хлеб. Имеются в виду и самостоятельные контрповстанческие операции войск специального назначения. Залог успеха в организации этой работы, по взглядам командования вооруженных сил США и военных теоретиков, — в четком усвоении генералами и офицерами общих принципов проведения разведывательных и контрразведывательных мероприятий в интересах государственных силовых структур.

При подготовке акции по очистке района от повстанцев в первую очередь необходимо ответить на три ключевых вопроса: какие лица состоят в данном партизанском формировании; его местонахождение к моменту начала операции; где оно будет располагаться в ближайшее время. Возможность получения ответов на эти вопросы, считают американцы, зависит от качества информации, определяемой на основе следующих критериев.

Во-первых, степень точности. Она должна быть максимальной. Неточный по содержанию разведывательный материал объективно, вне зависимости от причин, является дезинформацией.

Во-вторых, степень свежести (новизны) полученных данных. Даже самые ценные и достоверные сведения о противнике, положенные в основу решения, могут привести к провалу операции. К примеру, запланированный на основе устаревшей информации о месте расположения партизан удар обрушится... впустоту, а мятежники тем временем совершат дерзкий налет там, где их не ожидали.

Как показывает богатая практика, для того чтобы командование контрповстанческой группировки всегда имело точные оперативные данные о действиях бандформирований, нужно создать в мятежном регионе разветвленную сеть источни-

ков информации и систему бесперебойной связи с ними. Однако и этого недостаточно. Грош цена "разведывательному продукту" — так в США называют обработанную информацию, — представлено командиром, который не обладает аналитическими возможностями (аппаратом, способным интерпретировать полученные сведения, то есть оценить их значение для принятия оперативных решений или составления кратков- и долгосрочного прогноза).

Таковы, по американским взглядам, общие требования к разведке в системе противоповстанческих операций.

А теперь остановимся на некоторых практических аспектах, касающихся структуры информационного массива, источников и способов добывания разведанных, организации переработки сырой информации в готовый "разведывательный продукт".

Определяя требования к содержанию, объему и характеру информации, необходимой и достаточной для успешного управления силами, ведущими борьбу с вооруженными отрядами мятежников, зарубежные коллеги исходят из специфики решаемых задач, объекта операции, условий, в которых протекают боевые действия. При этом, полагают они, важнейшим путем достижения намеченной цели является регулярный сбор сведений о состоянии формирования (банды, группы). Имеются в виду ее организация, состав, характеристики рядовых боевиков и руководителей (личные качества, сильные и слабые стороны характера, семейные и иные связи), а также местонахождение баз, пункты сбора перед диверсионными рейдами, излюбленные маршруты движения, уровень боевой подготовки и моральный дух повстанцев, квалификация их командования, используемые тактические приемы, вооружение, снаряжение, наличие боеприпасов, источники снабжения стволами, продовольствием, медикаментами и другими материальными средствами, качество разведки и контрразведки, контакты с нелегальными организациями на территории страны, с закордонными эмигрантскими центрами, союзниками.

Следующий блок информационного массива — характеристика местного населения. При планировании операций обязательно берутся в расчет удельный вес жителей, которые на стороне повстанцев, в соотношении с теми, кто настроен к ним враждебно или нейтрально, возможности продовольственного снабжения партизан за счет местных ресурсов, степень уязвимости поддерживающих законную власть перед терактами боевиков или подпольных организаций. Изучается вопрос о вли-

янии мер по восстановлению (укреплению) общественного порядка на политическую позицию граждан. Подобная информация дает ясные представления об обстановке, способствует предупреждению нежелательных эксцессов во взаимоотношениях военнослужащих с мирными жителями.

Ну и, конечно же, немаловажное слагаемое успеха в борьбе с мятежниками — детальное знание региона, охваченного пламенем партизанской войны. Углубляться без подробных топографических данных в незнакомый населенный пункт, в горы, лес или пустыню, где орудуют банды мятежников, — значит обресть операцию на провал. Вот почему в массив развединформации обязательно закладывается детальное описание мест, наиболее удобных для устройства баз, лагерей, укрытий (схронов), концентрации и передвижения партизан. Фиксируются подходы к горным дорогам, участки, пригодные для использования в качестве посадочных площадок и выброса грузов на парашютах, безводные районы, скалы, на которых невозможно передвижение людей. И, разумеется, особое внимание — местам, удобным для устройства засад, позиций снайперов, тропам, ведущим из контролируемых повстанцами территорий за кордон или в соседние регионы страны, где население сочувствует мятежникам. Кроме того, собранный материал должен указывать на трудности, подстерегающие спецназовцев при подходе к местам дислокации противника, преследовании остатков разгромленных банд: сильнопересеченная местность, непроходимые джунгли, болото, пустынный район, просматриваемый на многие мили; наличие скрытых путей возможного отхода партизан; населенные пункты, становища кочевников, которые могут быть использованы повстанцами для пополнения запасов воды и продовольствия.

Большой интерес представляют взгляды американских специалистов по такому важнейшему вопросу, как источники и способы получения информации о противнике. Эти взгляды, базирующиеся на глубоком анализе практических действий регулярных частей в мятежных регионах, значительно отличаются от принятых несколько десятилетий назад классических канонів. Так, в годы второй мировой войны германская военная разведка абвер в борьбе с партизанами опиралась в основном на секретную агентуру. Аналогично поступали французы, англичане, американцы в Алжире, Малайе, во Вьетнаме. Сегодня, считают военные эксперты США, делать акцент в организации разведки лишь на конспиративные средства

и методы — непростительная ошибка. И вызвано это не только развитием технических средств контроля и связи (космические спутники, беспилотные самолеты, инфракрасные и термовизионные приборы, малогабаритные радиолокационные аппараты, портативные радиостанции и т.п.). Опыт показывает, что для полноты информации командование противоповстанческих формирований должно активно подключать к сбору разведанных офицеров, сержантов и солдат своих подразделений. По принципу: пара глаз хорошо, а две — лучше. Так и поступают в американском спецназе.

Возвращаясь из автономного рейда, каждый командир оперативного патруля (истребительно-поисковой группы) в обязательном порядке представляет доклад о проделанной работе, аккумулирующий, наряду с личными наблюдениями и выводами, сведения, полученные всеми его подчиненными в ходе выполнения боевой задачи. Причем берутся на заметку даже самые незначительные, на первый взгляд, факты, которые при последующей обработке специалистами могут пролить свет на скрытые действия противника. Что касается разведанных первостепенной важности, то информация о них незамедлительно передается на базу с места несения службы.

Естественно, выполнение этих требований немислимо без предварительной подготовки военнослужащих к роли нештатных разведчиков. Вот почему на занятиях, инструктажах особое внимание уделяется навыкам визуального осмотра, фотографирования, видеозаписи, проведения допроса пленных и иным премудростям, столь необходимым спецназовцу, выполняющему боевую работу в составе малой группы.

Допустим, по условиям оперативной обстановки нет возможности доставить на базу для детального исследования специалистами ранее не встречавшиеся оружие, снаряжение, боеприпасы. Или возникла необходимость немедленно получить интересующие сведения о противнике у захваченного боевика. Будьте уверены, в этой ситуации хорошо обученные бойцы и сержанты не станут тратить драгоценное время на размышления. Без лишних слов допросят языка. На основе осмотра трофеев командиром будет составлено подробное описание стволов и предметов снаряжения, включая марку, год изготовления, страну-изготовителя (фирму), тактико-технические характеристики, степень пригодности для использования. Если в руки спецназовцев попадает аппаратура связи, обязательно указывается частота, на которой велась работа в момент захвата. Тщательно описываются

фотографируются или снимаются видеокамерой обнаруженные базы, схроны, тайники.

При освещении методики разведывательной деятельности войск спецназначения в американских материалах подчеркивается, что поиск и передача полученных данных представляют лишь первую фазу "выпечки разведпродукта" как исходного информационного массива для последующих решений командования. Чтобы довести "продукт" до готовности, сырую информацию нужно провести через четыре последовательные стадии обработки. Сюда входят сверка, оценка, анализ и в заключение — подготовка итогового разведывательного доклада оперативному руководству.

Рассмотрим вкратце содержание каждого этапа работы над "сырьем".

Итак, сверка. По взглядам заокеанских коллег, это начальный и в то же время исключительно важный аспект изучения полученной информации, определяющий целесообразность ее дальнейшего использования. Суть заключается во внимательном сопоставлении свежих данных с параллельно или ранее поступившими. Отсеиваются сведения, не представляющие интереса, и выделяются те, которые необходимо оценить. Цель оценки — установление правдоподобности развединформации. (Эта работа традиционно считается одной из главных функций всех зарубежных разведывательных служб.) Причем следует отметить, оцениваются по специальной шкале одновременно как источник, так и содержание переданных сведений: источник (высокой степени надежности, достоверности; обычно надежный; не всегда надежный; ненадежный); сообщение (реальные факты; субъективное мнение источника; несущественные данные; неизвестные).

Такая методика, естественно, применяется только в тех случаях, когда сведения поступили от агентуры. Для оценки информации, полученной с помощью технических средств, она не годится. Правдоподобность последней проверяют на предмет ошибок, связанных с возможными неполадками аппаратуры, а также уловками мятежников, пытающихся ввести разведку в заблуждение путем сооружения ложных баз, имитации сосредоточения сил, инсценировки засады и т.п.

Обработанные разведанные составляют базу для анализа проблемы и выдвижения разведывательной гипотезы относительно местонахождения партизанского лагеря, боеспособности отряда, возможных намерений полевых командиров на ближайшее будущее и других сведений, необходимых при подготовке к опера-

ции. Эти выводы оформляются в виде доклада, представляемого оперативному руководству.

По мнению зарубежных специалистов, эффективность разведки в решающей степени зависит от ее целенаправленности и систематичности, которые можно рассматривать и как принципы, лежащие в основе планирования, определяющие главные требования к нему. Планы должны быть конкретными, жестко привязанными к задачам подразделений спецназа и, конечно же, реально выполнимыми, построены на строго объективной оценке собственных сил и средств. При использовании различных источников информации обязательно предусматриваются координационные меры, включая постановку однородных задач обеспечивающим разведслужбам и своему личному составу. Таким образом, поступившие по нескольким каналам сведения дополняют друг друга, помогают устранить ошибочные оценки, а порой и дают возможность обнаружить дезинформацию противника, разоблачить его агентов-двойников. Вместе с тем в ряде случаев не рекомендуется по несколько раз подряд обращаться в разведорганы с запросом о подтверждении уже имеющихся данных. Особенно осторожно надо подходить к применению авиаразведки, поскольку интенсивные полеты в одном районе могут насторожить партизан и сорвать контрповстанческую операцию. Наконец, при планировании разведывательных мероприятий необходимо тщательно взвешивать: что может быть получено, при гарантированном качестве информации, собственными силами, с помощью боевой разведки, а что — посредством использования скрытых, конспиративных источников.

Как свидетельствует практика, в организации борьбы с партизанами огромное значение придается контрразведке, рассматриваемой в качестве особой сферы, специфической разновидности разведывательной деятельности. Следуя аксиоме, согласно которой сила бандформирований зависит не только от численности, вооружения, уровня боевой подготовки, но и от коварства, изощренности "спецслужб" повстанцев, она включает обширный комплекс различных по содержанию, методам и средствам мероприятий, объединенных общей целью — парализовать разведку противника, не допустить раскрытия планов командования, воспрепятствовать сбору любой информации, представляющей интерес для экстремистов.

Контрразведка в ее активной форме направлена на решение поставленных задач путем выявления вражеской агенту-

ры в органах власти и управления (прежде всего в структурах сил безопасности и полиции), а также среди местных жителей. В комплексе используемых методов наиболее эффективным и сложным является так называемый контршпионаж — внедрение своих людей в разведывательный аппарат партизан. Эксперты по проблемам "нетрадиционной" войны обращают внимание на то, что в случае удачи создаются предпосылки для проведения боевых операций с максимальной вероятностью успеха, вплоть до ликвидации как партизанского отряда, так и целой их системы (соединения) вместе с подпольем на территории района. Более того, хорошо продуманные оперативные комбинации могут дать результаты в региональном и даже национальном масштабе, привести к разложению оппозиции, часто являющейся главным вдохновителем вооруженных боевиков. Однако это уже находится за пределами компетенции войск специального назначения.

Наряду с работой, нацеленной на обезвреживание "глаз и ушей" противника, командование организует пассивные мероприятия, основной задачей которых является затруднение деятельности "спецслужб" повстанцев. Считается, что они могут и должны осуществляться непосредственно личным составом подразделений.

Что же включается в диапазон предупредительной (пассивной) контрразведки? Тщательный отбор, предварительная (и периодически повторная) проверка всех военнослужащих и лиц, поддерживающих с ними постоянный контакт. Соблюдение режима секретности и вообще сохранение в тайне любых сведений, которые могут быть полезны партизанам. Далее. Тщательная маскировка оперативных баз противоповстанческих формирований. Скрытность передвижений во время подготовки и проведения боевых операций и иных акций. Систематическая дезинформация противника — всеми доступными методами. Их перечень зависит от изобретательности, находчивости, фантазии командиров всех степеней. Ну и, само собой, высокая бдительность бойцов и офицеров при нахождении на территории, где действуют экстремисты.

В заключение хотелось бы отметить, что разведывательная тактика, аналогичная американской, взята на вооружение спецчастями практически всех иностранных государств, принимавших участие в наиболее значительных контрпартизанских кампаниях в Азии, Африке и Латинской Америке.

В.ГИЛЕНСЕН,
полковник в отставке, профессор.

НЕТ ПОКОЯ У КОНВОЯ

Отчего страдали и продолжают страдать Россия и ее воинство? Не мною сказано: во многом оттого, что нет у нас традиций законопослушности, без которых путь демократического развития превращается в бесконечную полосу препятствий. Как там у классика? "Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения". И другая беда: желания "верхов", издающих правовые акты с целью "улучшить", "усовершенствовать" и "облагодетельствовать", зачастую не совпадают с реальными возможностями "низов", призванных неукоснительно руководствоваться мудрыми "исходящими".

А как, согласитесь, было бы здорово: каждое распоряжение глубоко продумано, экономически просчитано; любой указ, приказ, постановление имеет под собой прочную финансовую и материальную основу; государственные службы, проникшись главной заботой — о благе человека, работают дружно, слаженно, согласованно; а рядовой исполнитель уважает закон, как добрый солдат — устав. Но куда там... С ужасающим скрипом, словно тачка без смазки, функционирует механизм реализации державных вердиктов...

Впрочем, ближе к делу.

Из высоких государственных соображений 22 апреля 1994 года Президентом был подписан Указ о сокращении численности внутренних войск МВД Российской Федерации. На основании его, а также статьи 12 Закона "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" бывший министр внутренних дел генерал армии В.Ерин 8 июня 1995 года отдал приказ №221 "О передаче от внутренних войск учреждениям и территориальным органам управления уголовно-исполнительной системы МВД России некоторых функций по конвоированию осужденных".

Судя по названиям этих документов, личному составу конвойных частей и подразделений в пору с облегчением вздохнуть: наконец-то сократится служебная нагрузка, вконец измотавшая солдат и офицеров. Увы, в том-то и заключается печальная диалектика: руководящие уста-

новки и вздыбленная неуправляемым рынком жизнь — постоянно борющиеся противоположности. Точь-в-точь по половице: гладко было на бумаге...

Короче говоря, вздыхать приходится по другому поводу.

В части, где командиром полковник Григорий Телеба, требования о передаче всего объема задач по охране ИТУ сопредельному ведомству, как и повсюду в войсках, незамедлительно приняты к исполнению, переложив свою нелегкую ношу на органы ГУИН МВД. И... нажили головную боль: во весь рост встала проблема перевозки спецконтингента на автомобилях, порожденная... Как вы думаете — чем? Парадоксально, но факт: приказом №221, который предписывает военным вначале отдать "колониетской" охране большую часть "автозаков", а потом, в течение месяца, решить вопрос с освобождением от функций планового и встречного конвоирования по автодорожным маршрутам.

Ситуация! День простоять да ночь продержаться, выполняя служебные задачи, — еще куда ни шло, а месяц, с минимумом-то колес... Сами посудите: по штатному расписанию было четырнадцать машин, осталось четыре; объем перевозок — прежний. Поневоле за голову схватиться при таком невеселом раскладе! Это значит, по боку нарушение Устава внутренних войск о раздельном "этапировании" различных категорий осужденных и лиц, заключенных под стражу. При дефиците автомобилей оно попросту невыполнимо. Далее: не может быть и речи о нормальном размещении конвоируемых. Ну и водителям, само собой, не позавидуешь, на каждого ляжет троекратная нагрузка.

Но делать нечего, собрав волю в кулак, пережили эту сумасшедшую напряженку; бывало и хуже — привыкли. Хотя говорить об окончании служебного аврала можно с огромной натяжкой. Ведь помимо планового автодорожного конвоирования остается дополнительное, и связанные с ним задачи, по-видимому, еще долго будут висеть на войсках, а вместе с ними — и транспортная проблема. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По словам старшего помощника начальника штаба части офицера Михаила Луценко, ликвидация дефицита спецавтомобилей — пока только розовая мечта. В условиях рыночного "постсоциализма", как известно, первую скрипку играет рубль. За все надо платить. А полковая казна пуста, людям вон жалованье месяцами задерживают, на котловое довольствие солдатам вечно денег не хватает... До колес ли тут?! Обещали, правда, в связи с реорганизационными мероприятиями пригнать одну машину. Да только обещанного три года ждут. Вопрос так и повис в воздухе.

Зато обеспечение еще трех плановых железнодорожных маршрутов возложили на воинский коллектив без задержек. Заставив командование ломать голову над решением новой проблемы. Дело в том, что внутренние войска не имеют собственного парка спецвагонов, их арендуют у Министерства путей сообщения. Точнее, эксплуатируют в долг по причине отсутствия денежных средств. На сегодняшний день часть не выплатила МПС более 357 миллионов рублей. И ввиду острого финансового кризиса нет никакой надежды выкарабкаться из долговой ямы. А областному транспортному руководству заботы военных — до лампочки. Требование одно: или платите по счетам, или приостановим аренду. Взывать к сочувствию железнодорожников, напоминая о государственной важности выполняемых войсками задач, не приходится. Рынок диктует свои жесткие правила. И если защитников Отечества ставят на грань выживания парламентарии, озабоченные экономией государственного бюджета, если в нарушение всех законов, регулирующих порядок финансирования силовых структур, Минфин не стыдится оставлять служивых с пустыми карманами, то почему путейцы должны делать скидку государственным нищим, когда у самих проблем — вагон и маленькая тележка?

Конфликт пока не дошел до точки кипения лишь только потому, что военным удастся всеми правдами и неправдами оттянуть тот момент, когда партнеры вопрос об уплате долгов поставят ребром. Однако векселя доверия не бессрочны. Рано или поздно у железнодорожников терпение лопнет. И к кому тогда идти на поклон отцам-командирам, на какой закон уповать, дабы в полном объеме выполнить возложенные на подразделения служебно-боевые задачи?

Обидно за державу! В который уже раз войска предстают не мощной, достойной уважения структурой, а униженными просителями, бедными родственниками, подметающими крохи с барского стола. И

когда нет порядка в системе реализации правовых актов о воинской службе на межведомственном уровне, что уж говорить о тактических звеньях.

Ни для кого не секрет: существует целый ворох директив, приказов, распоряжений — с грифами и без, коротких и длинных — с похожим содержанием: комплектовать подразделения по конвоированию спецконтингента на сто процентов грамотными, морально устойчивыми офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами. Да и как иначе? Личный состав правит службу с боевым оружием, в отрыве от пунктов постоянной дислокации. Денно и ночью соприкасаясь с уголовной публикой. Тут, что называется, себе в убыток — назначать в караул бессонный и строгий неумех со слабыми нервишками, хилыми мускулами или, того хуже, с нравственной червоточинкой, готовых пойти на поводу у подлого жулика. Тем не менее, говорит командир батальона подполковник Александр Ливинцов, к нему в подразделение направляют далеко не лучших бойцов. По принципу: на тебе, Боже, что нам не гоже. Один весь в справки медицинские упакован, от ветра качается, другой — из разряда казарменных квакиных, бузотер отъявленный, по третьему и вовсе дисбат плачет. С такими каша не сварись. Не то что ствол — штык-нож и тот доверить страшно. А деваться некуда. Увольняются, к примеру, в запас "дембеля", выезжают оперативные подразделения в учебный центр — кому закрывать образовавшиеся бреши в боевых порядках или, положим, в наряд по столовой и внутренний караул заступать? Вопрос риторический. Чем (вернее — кем) богаты, тем и рады: призывников-то нынче и маковым калачом в армию не заманишь...

Напоминать о приказах, директивах? Полноте — не до жиру, ответят. Разве что по чепшному случаю снимут стружку за игнорирование требований о качественном комплектовании конвойных подразделений, и снова тишина — до нового ЧП. Словом, пока гром не грянет — мужик не перекрестится. И не его, мужика, в том вина. По приказу — одно, а по жизни — другое: при всем желании выше пояса не прыгнешь.

Замаячит ли свет в конце тоннеля, куда военных невеселые обстоятельства загнали? Даже заядлые оптимисты, поморщив лоб, отвечают словами красноармейца Сухова: "Это вряд ли..."

А служба идет своим чередом. Нет покоя у конвоя!

Лейтенант А. ИСТОМИН.

Московский округ внутренних войск

441

Без ретуши

КАТАСТРОФА

В №3 нашего журнала было опубликовано письмо жены старшего лейтенанта медицинской службы Никая Шавструка под заголовком "Трое в "лодке", не считая собаки". Напомним, в нем супруга офицера — кстапи, участница ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС — победала о судьбе своей и своей семьи. Сетовала на отсутствие элементарных жилищных условий. Вместе с ребенком и собакой они занимали одно из помещений в медпункте боинской части.

И вот пришло еще одно письмо. Теперь уже от самого, к сожалению, бывшего старшего лейтенанта медицинской службы Н.Шавструка. То, что произошло с офицером и его семьей, иначе как катастрофой не назовешь.

Добрый день!

Пишет вам бывший старший лейтенант медицинской службы Шавструк Николай Иванович. Кое-что из нашей жизни вы уже знаете, так как письмо моей жены было опубликовано.

Как пишут в рапорте военнослужащие, довожу до вашего сведения, что наша "лодка" пошла ко дну. Мы всей семьей стараемся удержаться на плаву, хотя это удается с огромным трудом. Новый 1995 год преподнес нам свинью. Правда, не на новогоднем блюде, а в обычной нашей жизни. Мало того, что мы и до 1995 года жили в свинских условиях, а теперь и такое проживание под большим вопросом. Постараюсь изложить все последовательно.

21 октября 1994 года нас наконец прописали при части — временно. На год! Данная прописка, со слов военных и гражданских юристов, представительей администрации Красносельского исполкома, а также многоуважаемого полковника Мезенцева (командира части), права на трудоустройство в г. Санкт-Петербурге не дает, а следовательно, не дает права на нормальную жизнь. Моя жена, не имея прописки, не могла трудоу-

строиться, хотя неоднократно обращалась с просьбой о помощи к моим командирам — так как фактически трудоустроиться без прописки можно было только в одной из воинских частей. Но все обращения остались без внимания. А теперь мы оба не работаем и, кроме российского гражданства и палаты на медпункте, не имеем ничего! У нас была однокомнатная квартира в общежитии семейного типа в Самаре. А когда были направлены служить во внутренние войска, квартиру сдали Министерству обороны. Теперь мы — одной ногой на улице. Судьбе было угодно спутать все карты — мы поехали служить в Питер, так как место и должность, которые нам пообещали в Мурманске, оказались заняты.

Начались события в Чечне. Пришло распоряжение из вышестоящего штаба об отправке в служебную командировку одного из врачей. Но из семи врачей нашей части ехать должен был почему-то именно я — так решил, невзирая ни на какие обстоятельства, командир. А они были — жена на тот момент ждала госпитализации в отделение для "чернобыльцев" Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова. Чего нам стоило добиться разрешения на госпитализацию — отдельная история.

Поскольку, в случае помещения моей супруги в стационар, не с кем было бы оставить нашу 6-летнюю дочь, я написал рапорт, где объяснил, что в данный момент поехать в командировку не могу, и изложил все причины. Написал, что готов отправиться к месту назначения сразу же после обследования жены.

В итоге, 15 марта сего года я был первый раз уволен без содержания. Подал в суд Санкт-Петербургского гарнизона.

Решением суда от 4 апреля — восстановлен. В ответ на это командованием части была направлена кассационная жалоба в окружной суд. Решением последнего (по тем же материалам дела, без дополнений) 6 мая с.г. вновь уволен, а 29 мая с.г. исключен из списков части. И, как сказано в определении

суда округа, "...если военная служба мешает решать семейные проблемы, суд предлагает решить их в НАИБОЛЕЕ БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ" (выделено авт.). У нас очень "благоприятные условия" — нет постоянной прописки, нет работы, нет денег. Недаром покойный Владимир Высоцкий пел: "Жираф большой — ему видней!". Вот уж великая истина!

По-прежнему считаю свое увольнение неправомерным. В результате, я и моя семья оказались на улице, без каких-либо правовых и социальных гарантий. Мы с женой отучились по 6 лет, работали. Я мечтал о карьере военного врача со школьной скамьи, это мечта и моей матери. Считаю, что своей службой и работой мы приносили пользу. И немалую.

Мы, конечно, судимся дальше. Как нам сказали в администрации Красносельского исполкома: "Такого быть не может, чтобы вы были на улице". А оказывается может, и даже очень!

Вот такая история. В результате, "лодка" ушла на дно, а мы пока барахтаемся.

С уважением и наилучшими пожеланиями — абсолютно бездомные и безработные — бывший офицер, старший лейтенант медицинской службы Шавструк Николай Иванович. Моя жена — участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 году, безработный врач Шавструк Наталья Владимировна, наша 6-летняя дочь Дарья, а также та самая собака.

P.S. Высылаю вам копию моей жалобы в суд I инстанции, думаю, она более понятно объяснит мою ситуацию.

Мы представляем вниманию читателей лишь некоторые фрагменты этого документа, не повторяющие ранее изложенного в письме.

С августа 1993 года проживаю с женой — участником ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году; ребенком 6 лет в палате медицинского пункта. Условия жизни таковы: за одной стеной — изолятор для инфекционных больных (который редко когда пустует), а за другой — стоматологический кабинет, где постоянные пациенты, шум от работающей бормашины. Занимаемая нами палата — площадью не более 12 кв.м. Удобства — только холодная вода. Кухня, спальня, банно-прачечная — это все умещается на площади 12 кв.м. Постоянная влажность, сквозняки, циркулирующая инфекция привели к тому, что мой единственный ребенок постоянно болеет (ОРВИ, острые бронхиты, трахеиты, фарингиты, рини-

ты). Мы с женой врачи и то уже не знаем, чем и как лечить дочь. Вынуждены были по этому поводу сделать ребенку 6 марта с.г. иммунологический анализ крови, чтобы определить полноценность его иммунной системы. Так как по частоте заболеваний наша дочь относится к группе ЧДБ (часто и длительно болеющих).

Прибыв в часть, я написал рапорт о постановке меня и моей семьи в льготную очередь на получение жилья, так как моя жена является участником ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году и ее льготы о внеочередном получении жилья распространяются на всю нашу семью. На что мне полковник Федяев ответил, что в этой ситуации жена никакого отношения со своими льготами ко мне не имеет. И нас поставили в общую очередь.

Жена неоднократно была на приеме в комитете социальной защиты граждан мэрии Санкт-Петербурга, в представительстве общественной организации "чернобыльцев" Северо-Западного округа. Там ей разъяснили, что ее льготы как участницы ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС распространяются на всю семью. Это было сказано в беседе полковнику Федяеву, и лишь 31 января 1995 года на заседании жилищно-бытовой комиссии части нас поставили на льготную очередь. Официально это было сделано уже после отправки моих документов на увольнение. Получилось, что мы полтора года занимались доказательством права на льготы, которые изложены в Законе о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации, вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Мне известно, что в части в скором времени будет распределяться жилье — 5-6 квартир. Ситуация, в которой находимся я и моя семья, такова, что в настоящий момент мы оказались выброшенными на улицу. Командир части вызывал меня на беседу и в присутствии начальника отдела кадров сказал, что через месяц, после исключения из списков части мы будем выселены из медпункта. Куда? У меня нет паспорта и вряд ли я быстро получу его, а в паспорте не будет прописки — где меня и семью прописать? Я не смогу устроиться на работу и мне некуда будет переселиться. У меня в этом городе нет родственников и мне остается жить на улице.

Я считаю, что так быть не должно. У меня маленький ребенок, больная жена, которая в настоящий момент проходит обследование в Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова. Сейчас у нас нет средств к существованию, так как жена и ребенок находились на моем иждивении. А что теперь

делать? Источника доходов у нас нет и в ближайшей перспективе не предвидится.

Одну сторону жалобы я изложил — у нас нет жилья, нет средств к существованию, мы будем в скором времени выброшены на улицу, не сможем решить вопрос с пропиской и жильем. Мне нужна помощь в решении данных вопросов.

Другая сторона жалобы — мое увольнение, которое я считаю неправомерным и несправедливым, учитывая ряд обстоятельств, которые я указал в рапорте.

Излагаю суть. В начале января 1995 года пришло распоряжение вышестоящего штаба командиру нашей части — откомандировать одного врача в Моздок. В нашей части на службе 7 врачей. Никакого обсуждения кандидатур в такой ситуации не было. Врио начальника медслужбы части майор Головин В. М. предложил командиру мою кандидатуру, что сразу было одобрено. Он распорядился оформить мне проездные документы.

В это время я обратился к помощнику начальника клиники военно-полевой терапии подполковнику Кочерегину с просьбой об обследовании и лечении моей жены, так как в этом была необходимость. За время проживания на медпункте состояние здоровья жены значительно ухудшилось, появился ряд опасных симптомов, которые требовали немедленного обследования и лечения. С 31 января по 6 марта моя жена находилась на обследовании и лечении в 6-м отделении клиники ВПТ. За это время перенесла 2 операции, а с марта находится на обследовании и лечении на кафедре акушерства и гинекологии ВМА им. С. М. Кирова.

По предоставленной мне справке из академии я написал рапорт о предоставлении мне больничного по уходу за ребенком (так как дочь не посещает детский сад и ее не с кем оставить). Я частично выполнял свои функциональные обязанности — дежурил по медпункту, консультировал больных, оказывал медпомощь.

Официально приказом по части я отдан не был. Получилось, что меня уволили в тот момент, когда я находился в отпуске по уходу за ребенком. В данной ситуации меня просто подставили, сделали крайним, унизили в глазах сослуживцев. Статья, по которой меня уволили, перечеркнула мою карьеру военного врача. Меня лишили единственного источника доходов. В 29 лет я с семьей оказался на улице.

В рапорте на имя командира части я просил отменить его решение о наложении на меня вышеупомянутого взыскания. К рапорту была приложена медицинская справка, для проверки подлинности которой был послан бывший начальник медслужбы. Подлинность справки подтвердили. Но командир

своего решения не отменил, и я был лишен 10 процентов "тринадцатой зарплаты".

Еще один момент. После написания рапорта об отказе ехать в командировку и отправке моих документов на увольнение (с их содержанием я не был ознакомлен и даты отправки не знал) я написал жалобу в вышестоящую инстанцию. Эта жалоба зарегистрирована и по ней со мной проведена беседа генерал-майором Игнатьевым. Ответа на интересующие меня вопросы я так и не получил.

Прошу разобраться и решить вопрос о предоставлении моей семье благоустроенного жилья, о восстановлении меня в должности.

ШАВСТРУК Н. И.

ОТ РЕДАКЦИИ. Вот такая история произошла со старшим лейтенантом медицинской службы Николаем Шавструком и его семьей. Кто в ней прав, а кто виноват, сказать сложно, тем более что даже товарищи судьи расходятся во мнениях на сей счет.

В чем мы не сомневаемся ни на йоту, так это в том, что стали свидетелями большой человеческой трагедии. В том, что до сих пор жилищная проблема остается остройшей из острых на сегодняшний день. Отсутствие не только жилья как такового, но и самой перспективы его получения толкает людей на самые отчаянные поступки. Как сложилась бы судьба старшего лейтенанта медицинской службы Шавструка и его семьи, получи он с предписанием о прибытии к новому месту службы ключи от новой квартиры? Скорее всего иначе.

В том, что живем мы еще в государстве пока лишь декларирующем приоритет закона и права. Борьба "чернобыльцев" за свои здоровьем оплаченные льготы стала притчей во языцех. "Ликвидаторы" годами добиваются того, что им положено по закону.

В том, что уже пора ставить ребром вопрос о соблюдении в нашей многострадальной России установленных законом прав человека.

То, что общество, государство в долгу у военных — долг этот измеряется триллионами рублей — прилюдно признал Президент России. Признал он и то, что подобное отношение к Вооруженным Силам чревато самыми тяжелыми последствиями для страны.

Государство вернет долги военным — хочется в это верить. Но один счет все равно останется неоплаченным — счет за покалеченные людские судьбы.

Фронтвики — и гордость, и пример

ЭХ, ДОРОГИ...

О стрельбища было рукой подать, когда старший прапорщик Богданов вдруг остановился и, помедлив секунду-другую, направился к поваленному дереву.

— Отдохнем чуток.

Молодой солдат, следовавший за ним, понимающе кивнул головой:

— Устали?

— Тут дело посерьезнее, — сказал Виктор Иванович и стал молча растирать правую ногу. Закончив неприятную для себя процедуру, пояснил: — Пуля зарубку оставила. Рана вроде и пустяковая, а ноет. К непогоде, что ли? — Решительно поднялся, стряхнул с шинели снег: — Пошли!

Ступал широко, размашисто. У самого стрельбища замедлил шаг.

— Сколько тебе лет, сынок? — в серых глазах — искорки любопытства.

— Недавно восемнадцать исполнилось. А что?

— Это так, для порядка. В твои годы я первый бой принял. Под Смоленском. Жарко было. Земля от взрывов ходуном ходила, пули шмелями жужжали. А нервы что струны. Натянуты до предела. Боязно. А тут еще атака. Вдруг слышу: "Цэ бувае, хлопчэ. А гнаты фашиста трэба". С Украины боец. Когда выбили гитлеровцев из деревни, разыскал меня, похвалил: "Добрэ бывся, сынку. Ой добрэ!".

Старший прапорщик Богданов умолк и больше о себе не рассказывал. Воин, шагавший рядом, не беспокоил старшину. Понимал: фронтвик вспоминает пройденные пути-дороги. Зачем мешать?

Стрельбище жило привычной ратной жизнью: через определенные промежутки времени гремели автоматные очереди, хлопали пистолетные выстрелы. Иногда в этот "хор" включался дробный перестук пулемета. Укутанный снегом лес откликнулся эхом и снова замирал в своей величественной красе. Виктор Иванович доложил командиру роты о прибытии, взглянул на рубеж открытия огня.

— Кто стреляет?

— Рядовой Киракосяна.

— Этот не промажет.

— Откуда такая уверенность?

— Моя школа, — улыбнулся краешком губ старшина.

Чтобы так утверждать, нужна веская причина. У Богданова она была. Когда производился ремонт казармы, Апетнак незаменимым помощником был. И стены

штукатурил, и потолки белил. Работу сдавал с первого предъявления.

— Талант, — похвалил как-то солдат Виктор Иванович. — Определенно талант! А учеба? Тут, сынок, подтянуться надо. А то что получается? Здесь такую красоту наводишь, а с огневой не в ладах.

У Апетнака румянцем вспыхнули щеки:

— Я постараюсь.

— Верю. Парень ты головастый, с рабочей хваткой.

Стал сам помогать воину. Выкроит время — и урок огневого мастерства преподнесет, дельную мысль подскажет.

— Перво-наперво, — поучал он Киракосяна, — надо назубок оружие знать. С этим у тебя порядок. А вот волнение... Стрелку оно ни к чему. Коль вышел на рубеж открытия огня, кремнем будь, все переживания в тылу оставь...

Апетнак не подвел, стрелял наверняка. Виктор Иванович повернулся к командиру:

— Я же говорил!

Подошел к "молнии" и, увидев неудовлетворительные оценки, покачал головой:

— И погода вроде отличная, а стреляют...

Одного из неудачников эти слова задели за живое.

— Автомат такой, попробовали бы сами.

— Автомат, говорите? А ну дайте его мне.

Попросив разрешения у командира выйти на рубеж открытия огня, снарядил патронами магазин.

— Напрасно ты это, — упрекнул первогодка кто-то из бывалых. — Наш старшина на фронте снайпером был. Уж кто-кто, а он не промажет.

Гремят выстрелы. Три мишени — три попадания. Вернувшись в тыл стрельбища, Богданов передал оружие покрасневшему солдату.

— Прекрасный автомат...

Тогда-то и пристали к Виктору Ивановичу воины: расскажите да расскажите о своей фронтовой жизни.

— Хорошо, ребята, — сдался ветеран.

— О войне говорить надо...

Когда в назначенное время старший прапорщик пришел в казарму, все ахнули: на груди у старшины тесно от медалей. На правой стороне парадного кителя — орден Красной Звезды.

— Не знаю с чего начать, — смущенно улыбнулся ветеран.

— А вы по порядку, — подсказал кто-то. ...О том, что фашисты вероломно напали на нашу землю, Виктор Иванович, тогда просто Витя Богданов, узнал в Боровичах, где учился в ремесленном. Помнит, кто-то на рассвете затарабанил в окно и бросил страшное слово: "Война!".

В июле 41-го училище эвакуировали в Новосибирск. Виктора вместе с другими земляками определили на завод имени Чкалова. Мастер, окинув взглядом притихших подростков, поинтересовался:

— Откуда вы, ребята?

— Новгородские мы, — сказал кто-то. — Из Боровичей.

— Вот что, "боровички", — улыбнулся мастер. — Зачисляю вас в шестой цех. Дисциплина чтоб железная. Ясно?!

Богданов работал, а мыслями был на передовой. Однажды не выдержал, пришел в военкомат.

— Хочу записаться добровольцем.

Седой, с кубарями в петлицах военком взглянул из-под очков на парнишку:

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

— Где работаешь?

— На заводе имени Чкалова, в шестом цехе.

— Если не ошибаюсь, там мины изготовляют?

— Точно, мины. Откуда вы знаете?

— Мне все положено знать. — Военком поднялся из-за стола, подошел к Виктору. — Вот что, Богданов. Ты нужен здесь. А на фронт тебе еще рано.

— Товарищ... — взялся было возражать парень.

— Все, точка, — перебил его военком, повернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Не раз и не два Виктор обивал пороги военкомата, а все же добился своего — с группой сибиряков его вскоре послали в школу снайперов. В бой Богданов вступил под Смоленском, впервые понюхал пороха. А потом и счет боям потерял. Бил фашистов под Москвой, освобождал Белоруссию.

— Есть в Витебской области местечко Рамино, — вспоминает Виктор Иванович. — С ходу взять его не удалось, немцы сильным огнем пригвоздили нас к земле.

...В цепи наступающих был и сержант Богданов. Лежал и прислушивался к разрывам мин и снарядов. Кто-то рядом застонал. Упал ничком комвзвода. А мины рвутся совсем рядом. "Пристреляются и накроют", — подумал Виктор. И он принял решение. Поднялся во весь рост, повернулся лицом к воинам.

— За мной! В атаку! — прозвучал его зычный голос.

Громкое "Ура!" всколыхнуло воздух. Бойцы, стреляя на ходу, ринулись на позиции врага. Вот она, траншея. Совсем близко.

— Вперед, ребята! — подбадривал сержант, ничуть не смущаясь, что его больше никто не слышит.

Вдруг острая боль пронзила правую ногу. Богданов сделал еще один шаг и упал на землю. Над ним склонилось чье-то встревоженное лицо:

— Живы, товарищ сержант?

— Жив, жив. Я сам. — Взял перевязочный пакет. — Гоните фрицев дальше. Только подсобите малость вон туда добраться.

Когда после госпиталя Виктор вернулся в родную часть, командир перед строем роты прикрепил к его гимнастерке медаль "За отвагу". Сделал шаг назад, улыбнулся: — Герой!

Орден Красной Звезды вручили Богданову за бой под Кенигсбергом. И в том бою смельчак не растерялся, до подхода подкрепления сдерживал с подчиненными бешеный натиск гитлеровцев. А когда поднял отделение в атаку, его ранило осколком в живот. Спасла жизнь сержанту фронтовая медсестра Саша.

Она нашла его, полузасыпанного землей, без сознания. Припала ухом к груди — сердце билось. Открыла санитарную сумку, туго перебинтовала рану. Рядом остановился разгоряченный боем солдат.

— Помочь, сестричка?

— Я сама...

Путь был долгим, и худенькой на вид девушке пришлось туго. Но она крепилась. Через каждые полчаса делала передышки. Когда близко рвались снаряды, прикрывала Виктора собой. Перетаскала раненого в безопасное место, облегченно вздохнула. Богданов застонал, открыл глаза:

— Где наши?

— Ведут бой. Не разговаривайте, товарищ сержант. Нельзя вам.

Виктор улыбнулся пересохшими губами.

— Как тебя звать?

— Саша я.

— Спасибо тебе, Сашенька, — и потерял сознание...

— Жаль, что не знаю, где она теперь. — Старший прапорщик сделал паузу. — А то поклонился бы ей низко. Ведь на волосок от смерти был. Спасла она меня.

Есть у фронтовика медали "За оборону Москвы", "За боевые заслуги" — всего тринадцать наград. За каждой из них — страничка боевой жизни Богданова.

Нынешняя должность у ветерана хлопотная — старшина. Посвятил ей ни много ни мало — двадцать три года.

Гордость Виктора Ивановича — казарма, в ремонт которой вложил немало труда. Красивым получился солдатский дом. Казалось, можно и отдохнуть от хозяйских дел. Но не таков фронтовик, чтобы успокаиваться. Пришла ему в голову мысль разбить вокруг казармы сквер. Собрал воинов и вынес задумку на их суд.

— Я уже все прикинул и план составил.

— Все это хорошо, но где саженцы возьмем? — поинтересовался кто-то.

— Саженцы будут, я уже договорился с лесником. Дело за вами. Думаю, надо организовать воскресник.

Воплотил в жизнь задумку старшина. Каждым летом у казармы шумят листвою березы, зеленеют ели, ярким пламенем полыхают рябины.

Как-то зимой к одному из воинов приехала мать. После разговора с командиром, по неписаному закону армейского гостеприимства, пригласили женщину в столовую. Матери она понравилась. Светлая, уютная, на окнах цветы.

— Кто это у вас такой хозяйственный? — спросила у сына.

— Наш старшина.

— Вижу, заботливый он человек.

А когда на стол подали салат из свежих огурцов и приправленные зеленым луком щи, женщина удивилась еще больше. За окном трещит мороз, а тут такое изобилие зелени.

— Откуда все это?

— Из нашей теплицы.

— Тоже дело рук старшины?

— Его, мама. Знаешь, какой это человек!

— Теперь знаю. От меня ему большое материнское спасибо...

Таких благодарностей, адресованных Богданову, десятки. И материнские, и командирские, и от подчиненных.

— Солдатское спасибо, — признался как-то ветеран, — для меня всего дороже. Раз говорит воин добрые слова, значит, я в его жизни хороший след оставил...

Служил в роте рядовой Пазий. На первых порах намучились с ним командиры. Пришлось старшине вызвать солдата для откровенной беседы. О чем толковали ветеран и молодой воин — неизвестно. Только через какое-то время Пазия было не узнать, сержанты не переставали удивляться. Увольняясь в запас, пришел к Богданову проститься.

— За все вам спасибо, Виктор Иванович. За то, что житейской мудрости учили. Доведется бывать в наших краях, заезжайте. Самым дорогим гостем будете.

...Скрипнула дверь, и в бытовку вошел старшина. Стоявший у стола солдат отложился в сторону утюг, а его товарищ потянулся к ручке транзисторного приемника.

— Пусть играет, — остановил его Виктор Иванович. — Песня-то какая...

Присел на табурет, заслушался.

Эх, дороги,

Пыль да туман...

Песня давно закончилась, а Виктор Иванович все молчал. Наконец произнес:

— Уволюсь я скоро, ребята. Пора на отдых. Уйду, и не будет в роте больше старшины Богданова. Хотя постойте. А сын? Мой Андрейка ведь тоже прапорщик. А что? Это мысль. Пусть идет отцовской дорогой.

В. СЛОБОДЯНЮК.

Стали лауреатами

В

1994-1995 годах по решению Правительства Российской Федерации проводился Всероссийский творческий конкурс на лучшие журналистские произведения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. В нем приняли участие более двухсот творческих коллективов, а также большая группа отдельных журналистов. Представительное жюри, в которое вошли Комитет Российской Федерации по печати, Союз журналистов России, Министерство обороны Российской Федерации, подвело итоги.

Нам приятно сообщить читателям, что среди отмеченных в конкурсе есть и редакционный коллектив военно-публицистического и литературно-художественного журнала внутренних войск "На боевом посту". Лауреатами Всероссийского конкурса на лучшее журналистское произведение, посвященное полувековому юбилею Победы, стали и представленные журналом наши авторы — писатели-фронтовики Герой Советского Союза Михаил Федорович Борисов, Юрий Иванович Семенов и Игорь Викторович Семенчик. Они удостоены дипломов.

Ю.И. Семенов — член Союза писателей России, наш давний автор. Его повесть "Командировка в неизвестность" (1993, № 9-12) удостоена высшей оценки в литературном конкурсе, проводившемся журналом в честь 50-летия Великой Победы.

В апрельском номере журнала опубликована большая подборка стихотворений Михаила Федоровича Борисова — ветерана внутренних войск, полковника в отставке. Именно она составила костяк новой книги поэта-фронтовика — "Судьба моя — войны жнивьё", о которой в сентябрьском выпуске журнала тепло отозвался доктор филологических наук, профессор Б.А. Леонов.

Активно сотрудничает с журналом и екатеринбуржец Игорь Викторович Семенчик, с творчеством которого читатель мог познакомиться в нескольких номерах журнала за 1994 - 1995 годы.

Мы от души поздравляем лауреатов Всероссийского конкурса, желаем всем им крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Страницы воспоминаний

Внутренние войска в Германии

Моржественно, провожаемые под гром военных маршей ушли из Германии советские войска. Как память о минувшей войне одиноко высится в Трептов-парке созданный талантом Е. Вучетича монументальный русский солдат, прижимающий к груди спасенного немецкого ребенка. Сотни тысяч советских воинов навсегда остались лежать в земле Германии.

Молодые офицеры и даже родившиеся уже после Победы генералы часто спрашивают меня: верно ли, что в Германии находились и наши внутренние войска. Какие задачи там выполняли? Какое время?

Не претендуя ответить на эти вопросы с исчерпывающей полнотой, попытаюсь все же извлечь из закоулков памяти какие-то сведения, факты, поделиться наблюдениями, чтобы помочь нынешней войсковой молодежи составить представление о внутренних войсках в Германии. Пускай далеко и не полное. Обобщения и выводы, безусловно, субъективны, далеки от холодного академизма. Но за достоверность фактов ручаюсь.

О том, что в побежденной Германии остались войска НКВД, я узнал в 1945 году, когда их подчинили Главному управлению внутренних войск. А самое примечательное — я оказался одним из последних возвращающихся на Родину представителей этих войск: 11-й стрелковый полк, в котором я был начальником политотдела, последним из частей ВВ покинул Германию и в сентябре 1957 года был расформирован во Львове. Дислоцировавшийся с 1945 года в Берлине 105-й пограничный полк подчинили Главному управлению погранвойск. Внутренних войск в Германии больше не оставалось.

Какова предыстория их появления в ГДР?

Известно, что во время Великой Отечественной войны были созданы войска НКВД по охране тыла действующей Красной Армии (ОТДКА). Сначала они находи-

лись в составе внутренних войск, а с мая 1943 года были выделены в самостоятельный род войск. Их главное управление располагалось в том же здании, где и ГУВВ, на Б. Бронной, 23, только этажом выше. Его офицеры носили пограничную форму.

Управление войск ОТДКА — по типу погранокруга — разворачивалось при каждом фронте. Количество входивших в него полков зависело от состава фронта: один полк обычно обеспечивал армию. С окончанием войны и упразднением фронтов к осени 1945 года ликвидируются и войска по охране тыла. Большинство личного состава переводится на формирование новых и укрепление действующих пограничных отрядов, прежде всего на восстановленную западную границу СССР.

Главному управлению внутренних войск переподчиняются части по охране тыла, закончившие войну в Германии, Австрии и Польше. При Центральной и Северной группах войск — в Вене и Легнице — наши части находились лишь до 1946 года. А вот в Германии функционировали целых двенадцать послевоенных лет, обрета и новое качество, и специфическое предназначение. Здесь внутренние войска, называвшиеся вначале войсками НКВД (МВД) по охране тыла группы оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), сформировались в основном за счет управления и частей по охране тыла 1-го Белорусского фронта, которым командовал Г. К. Жуков. Но вошли туда части и из других фронтов. Скажем, полк, выполнявший задачи в Гюстрове и Шверине, относился прежде к фронту К. К. Рокоссовского, а части, дислоцированные на юге советской зоны, — к фронту И. С. Конева.

Я впервые побывал там в трехнедельной служебной командировке в начале мая 1946 года. Выезжал туда несколько раз и после этого, участвовал в инспектировании. Воспоминаниями о первой своей

встрече с Германией хочется поделиться более подробно.

Управление войск разместилось в благодатнейшем, чистом, почти не пострадавшем от боев окраинном берлинском районе Грюнау. Уютные особняки, коттеджи, прекрасное озеро, манившее рыбаков и ныряльщиков. Тут прежде отдыхали любители водного спорта, парусных регат. Сейчас выселенные бывшие владельцы вилл и яхт вынуждены были искать жилье в уцелевших квартирах, жили, как и все немцы, скудно, впроголодь.

Окупанты же — а именно так, совершенно официально, без кавычек и привкуса ругательства мы именовали себя — жили пусть и не роскошно, но вполне безбедно. Продовольственные и промышленные товары отпускались по карточкам, а ловкие интенданты кое-что добывали и сверх того: в Германии начинал возрождаться рынок, налаживалось производство ширпотреба. Все эти преобразования находились под неусыпным оком СВАГ — Советской военной администрации в Германии, где, кстати, верховодили боссы НКВД — И. Серов, Б. Кобулов и другие.

В дни нашей командировки командование войсками принимал прибывший из Австрии генерал-майор И. С. Кузнецов. Штаб возглавил опытный офицер полковник А. М. Волков. Начальником политотдела был человек из плеяды довоенных комиссаров полковник М. Д. Шляхтин, до 1942 года носивший в петлицах ромб. В 1948 году на его место прибыл полковник А. И. Клещев, которого в 1954 году сменил Ф. В. Тертишников. Пост начальника войск в Грюнау последовательно занимали хорошо известные в войсках МВД СССР люди — генерал-лейтенанты М. И. Сладкевич, С. И. Донсков, С. М. Буньков. Считалось, что служба в Германии по-особому ответственна, бесспорно престижна да и материально выгодна.

Я точно не помню, сколько полков входило тогда в состав войск в Германии. Кажется, 5 или 6. Они пришли туда с боями, имели на знаменах государственные награды, носили имена освобожденных городов. Для меня остается непонятным и по сей день, почему их потом один за другим расформировали, а для выполнения возраставшего объема службы формировали и отправляли новые части?

В то время войска сохраняли пограничную штатную структуру — заставы, мангруппы. Личный состав красовался в зеленых фуражках (а мы объявились там в своих энкавэдэвских — с васильковым околышем), и лишь позднее всех, в том числе и командлируемых, перевели на единую общевойсковую форму.

Тогда довелось мне побывать на нескольких заставах 105-го полка, несшего службу в Берлине, Потсдаме и окрестностях столицы. Одна из застав размещалась рядом с изуродованной громадой имперской канцелярии, во дворе которой находился бункер фюрера, его последнее логово. Доступ туда любопытным преграждал наш часовой. Под обрушившимися сводами канцелярии слышалась английская, французская, немецкая, русская речь. В самом Берлине между секторами каких-то границ не существовало, и военнослужащие союзнических армий свободно передвигались всюду. Здесь они охотились за сувенирами — стекляшками от огромной люстры, рухнувшей на пол, кусочками мрамора и т. п. С комсоргом полка А. Кокоревым мы спустились в убежище, обошли служебные и подсобные помещения, кабинет Гитлера, где любители сувениров уже успели вырезать кусочки дерева из кресел, дивана, других предметов. Говорят, потом за океаном за них выручали большие деньги.

Позднее, как известно, развалины имперской канцелярии снесли, площадку выровняли, превратив в зеленую лужайку. Теперь там — огромная автостоянка.

В рейхстаг, находившийся уже в английском секторе, на самой его границе с советским, из-за опасности для жизни заходить не разрешалось. Сфотографировавшись на фоне этого сооружения, мы прошли в Тиргартен, поклонились первому в Берлине памятнику героям штурма города. Позднее я встретил сделанный возле рейхстага снимок в одной из экспозиций. Там о запечатленных на нем офицерах, в том числе и обо мне, говорилось как об участниках боев за Берлин. Не установив первоисточник, пришлось объяснить, что это недоразумение.

Тогда же, лавируя на трофейной малолитражке между бесформенными горами развалин, в лабиринте берлинских улиц, где не замечалось еще никаких признаков восстановительных работ, я поймал себя на одной крамольной мысли. Находясь в плену эйфории победы, я тем не менее подумал, что стремление любой ценой выполнить политически престижную задачу — взять столицу Германии силами именно советских войск, вряд ли было оправданным. Слишком дорого обошлось нам это в апреле сорок пятого. Союзники, не будь дураками, ввязываться в кровавую свалку на улицах Берлина не спешили, а пришли в город на готовое, ступив своими начищенными ботинками на камни, политые кровью советских солдат. Не лучше ли было обложить логово со всех сторон объединенными силами союзников и принудить к капитуляции, пусть и малость позднее, не приурочивая водружение флага к красной первомайской

дате? Наверное, дилетантски философствуя, как многие доморощенные стратеги, я не прав, не спорю, но чисто по-человечески такую точку зрения поддерживают многие.

В ту первую свою командировку кроме Берлина побывал я в Лейпциге, Дрездене, Хемнице, Бауцене, еще в нескольких небольших южных городках, где находились наши гарнизоны. Тихие, в зарослях цветущих каштанов, магнолий и олеандров, эти маленькие городки, как правило, почти не знали кошмара боев и после наскоков выжженной и разоренной Смоленщины или Белоруссии, через которые лежал наш путь в Берлин, выглядели таким земным раем.

Скелетами зданий и пещерными руинами целых кварталов оцетинился Дрезден. О его варварской, бессмысленной с военной точки зрения бомбардировке союзной авиацией в феврале 1945 года написано немало. Мы видели развалины Цвингера, комплекса зданий знаменитой Дрезденской галереи. Ее сокровища немцы догадались заблаговременно укрыть в подземных шахтах. Спасенные от гибели в сырых штольнях, они некоторое время хранились в Москве, а затем вновь возвратились в родные стены.

В Лейпциге, пострадавшем от войны меньше, осмотрели мы памятник Битвы народов, побывали на первой после войны довольно бедной ярмарке. В Бауцене зашли в охраняемую нашими солдатами тюрьму, в которой прежде томились узники гитлеровского режима и где перед казнью в Бухенвальде содержался Эрнст Тельман. У парикмахера из числа тогдашних арестантов, недавно обслуживавшего нацистскую верхушку, мы с В. Бойцовым, комсомольским работником войск, осмелились даже побриться — признаюсь, не без опаски.

Исходя из характера выполняемых служебных задач, в первый период пребывания в Германии организацией и оперативным руководством деятельностью войск занимались высшие представители НКВД — МВД СССР (с 1947 по 1953 г. — МГБ) в Германии. Подразделения охраняли места заключения, резиденции уполномоченных МВД — МГБ в Берлине и германских землях (впоследствии — округах), обеспечивали различные чекистские мероприятия. Надо иметь в виду, что немцы в своем подавляющем большинстве восприняли поражение рейха с поразительно фатальной покорностью. Никаких проявлений партизанской борьбы, никакого мало-мальски организованного или индивидуального сопротивления, террора и т. п. там не было. Ну а наш всеильный наркомвнудел без работы никогда не оставался, врагов для него в ту пору в Германии хватало. Там и в самом деле зата-

илось, не успев или не захотев перемахнуть в западные зоны, немало всевозможной нечисти как немецко-фашистского, так и нашего отечественного происхождения. А события 17 июня 1953 года, когда в Берлине враждебными силами был спровоцирован вооруженный путч, убедили, что расслабляться, снижать бдительность непозволительно. К 1955 году все части, кроме 105-го полка, были нацелены исключительно на охрану объектов АО "Висмут".

"Висмут" — это мощная промышленная машина по добыче и обогащению урановых руд в богатых ими Рудных горах на юге советской оккупационной зоны. Освоение и разработка их велась еще прежними хозяевами, Советский Союз продолжил начатое. Трудились на объектах "Висмута" и наши, и немецкие специалисты и рабочие. Сам факт существования этого производства секретом, разумеется, не был, поскольку жители обширного района, целых городов, были полностью к нему привязаны, жили и кормились им. Но немало показателей — объемы, качество продукции, технологии и т. д. (сам я в этом, признаюсь, некомпетентен) — составляли тайну, и надежность ее охраны, наряду с другими органами, обеспечивалась войсками.

Первого президента, или, если не ошибаюсь, генерального директора АО "Висмут" Мальцева считали в Германии самым богатым капиталистом. Не знаю, так ли это на самом деле, но то что он, как и сменившие его потом Богатов, Собко и другие посланцы всемогущего средмаша, создававшего ядерный щит державы, впрочем колоссальными средствами и был действительно промышленным магнатом, это точно.

По мере расширения фронта работ на "Висмуте" к службе привлекались новые части, специально формируемые в Союзе. Среди последних были 12-й и 18-й стрелковые полки, сформированные в 1950 году. Затем после периода некоторой стабилизации начался процесс поэтапного сокращения и этих частей — сначала по одному (14-й, 141-й полки), а летом 1956 года — сразу четырех полков. Это было связано в первую очередь с переменами в политической и экономической ситуации в стране, с образованием Германской Демократической Республики. В то время в войсках работала авторитетная комиссия из Москвы во главе с первым заместителем министра внутренних дел СССР генерал-полковником С. Н. Переверткиным (Герою Советского Союза, командиром корпуса, который брал рейхстаг). Помимо других, его сопровождали генерал-лейтенанты Н. А. Романов и А. С. Сироткин. Последний занимался реформированием нашего 11-го

полка в соответствии с новыми условиями и возросшим объемом служебных задач.

Высокие столичные представители совместно с руководителем "Висмута" и другими заинтересованными инстанциями уточнили, какие объекты оставить под охраной единственного остающегося нашего полка, какие охранять совместно с немцами, а какие — речь шла прежде всего о всех шахтах — полностью передать им. Наш полк срочно принял под охрану жизненно важные объекты, охраняемые прежде тремя выводимыми из ГДР полками, выставил новые гарнизоны, растянувшись от Дрездена до Иоганнсгеоргенштадта, что на самой границе с Чехословакией — рукой подать до Карловых Вар. За нами оставались лишь спецчасти с документацией, склады и цехи готовой продукции на обогатительных фабриках и ее охрана в эшелонах на пути до Бреста. Для этих целей в полку имелся специальный батальон сопровождения грузов.

В феврале 1957 года генералы Н. А. Романов и А. С. Сироткин вновь прибыли в полк, чтобы окончательно определиться с передачей охраны всех объектов "Висмута" бригаде *Bereitschaftspolizei*, а до решения вопроса — наладить взаимодействие, обеспечить необходимые условия, не снижающие надежности охраны и безопасности объектов, смены часовых. *Bereitschaftspolizei* — буквально полиция готовности — это своего рода аналог нашим оперативным частям. Освоить несение службы на "Висмуте" бригаде помогла присланная из Москвы группа наших советников.

Замечу, что почти годичный взаимопольный опыт совместной охраны ряда объектов нашими и немецкими подразделениями был уже накоплен. Поначалу, правда, случались и накладки, даже были инциденты. Один пример. Обогатительную фабрику в Цвиккау по периметру охраняли немецкие часовые, они же несли службу и на КПП. Внутри объекта на нескольких постах стояли солдаты нашей роты. По тревоге и при учебной проверке боеготовности подразделения на те внутренние посты должно было высылаться усиление. В тот раз его возглавил сам командир роты, человек горячий, не выдержанный. На требование немецкого часового на КПП назвать пароль офицер групповато оттолкнул его плечом и провел группу усиления на объект. Немец, конечно, к оружию прибегать не стал, зато потом нам пришлось улаживать конфликт, принести извинения, извлекать уроки на будущее. Для войск, находящихся в Германии, первой заповедью, которая формулировалась в приказах, бросалась в глаза с транспарантов и лозунгов, звучала во всей системе воспитания, был лозунг: за рубежом родной земли бдительно охра-

нять созидательный труд советского народа. В этом, собственно, заключался смысл пребывания войск за пределами СССР, их предназначение. Именно так понимали в конечном счете свою миссию и воины внутренних войск.

Действовал там и другой магистральный лозунг, вторая священная заповедь. Она требовала: за рубежом родной земли высоко нести честь и достоинство советского воина как неперемное условие успешного выполнения миссии вооруженных защитников Родины, коим доверено находиться за границей.

Две эти заповеди составляли сердцевину, суть всей учебной и воспитательной работы с личным составом. Думаю, они сохранили свою неослабевающую силу до последнего часа пребывания наших войск за рубежом.

Как на практике нами осуществлялась вторая заповедь, хотелось бы рассказать поподробнее. Тогда, в сорок шестом году, в поведении части наших людей присутствовала непозволительная вольность, подчас граничащая со злоупотреблениями. Не разделяя позиции тех, кто рисует идиллические картины благородного рыцарского обращения наших бойцов с немцами, я решительно возражаю и против другой крайности, когда советских солдат в Германии огульно чернят, изображая ордой азиатов, варваров, насильников, грабителей, как это сделала, например, некая М. Конисская на страницах "Нового мира". Мне уже приходилось по горячим следам давать ей сердитую отповедь.

Не имея ничего общего с чудовищными преступлениями гитлеровцев на оккупированных землях, отношение наших военнослужащих (да и членов их семей) к немецкому населению однозначно, одноцветно положительным тоже не выглядело. Это был вопрос сложный и острый, особенно в начальную пору оккупации. Немцы после капитуляции в большинстве своем отличались покорностью, послушанием, присутствовало чувство страха перед возможной расплатой за содеянное гитлеровцами. Победителями же владело сознание вседозволенности; даже высокомерия и чванства, не свободное, однако, от понимания превосходства побежденных в быту, в аккуратности, в трудолюбии, в заботе о природе. Так что попытки изобразить всех наших солдат и офицеров этакими паиньками, неким эталоном благородства, бескорыстия и гуманности фальшивы и лицемерны. Бывало всякое. Однажды, еще в сорок шестом, прибегает в роту плачущий немец и рассказывает: пришли несколько русских солдат, забрали все, что попало на глаза, оставив на клочке бумаги издевательскую расписку, что имущество реквизировано "в счет репараций". Чьи это солдаты, откуда при-

шли, куда потом испарилась — узнать удавалось не всегда. Да подчас и искали лишь для вида.

Помню, как у многих наших несведущих и идеологически зашоренных читателей и зрителей вызвала негативную реакцию сцена в романе Ю. Бондарева и одноименном фильме "Берег", где сержант пытается взять силой немецкую девушку. Как? Разве можно бросать тень на незапятнанный облик освободителя-победителя? Писатель, к сожалению, ничего не придумал и не спустил краски, а взял из жизни то, что лежало, как говорится, на поверхности. Люди есть люди. Одних не покидало чувство мести за гибель родных и близких людей от рук фашистских извергов, за погибших в боях товарищей, за разоренный кров, других обурежала жадность, алчность, соблазн легкой добычи, элементарная распушенность. Расписывать известные мне факты нравственного падения отдельных военнослужащих смысла не вижу. Многие из них за это расплачивались выдворением оттуда и увольнением из войск.

С необычайной остротой эти вопросы встали в самом конце сороковых — начале пятидесятых годов. Известно, что с образованием в октябре 1949 года Германской Демократической Республики произошли кардинальные перемены в государственных отношениях между Советским Союзом и Германией. Упраздняется Советская военная администрация (СВАГ), и принадлежащие ей до того функции управления переходят к правительству ГДР. Группа советских оккупационных войск (ГСОВГ) преобразуется в ГСВГ. Сам термин исчезает. А после заключения в 1955 году Договора об отношениях между СССР и ГДР специальным межгосударственным соглашением о временном пребывании советских войск на территории ГДР четко определяется правовой статус советских воинов, членов их семей и гражданского персонала. Главным заложением в него принципом было невмешательство во внутренние дела ГДР, обязательное согласование численности войск, их дислокации, районов учений и т. п.

Это наложило свою печать на всю жизнь и деятельность войск. Строжайшим образом следили мы за тем, чтобы ни в чем не был нарушен суверенитет ГДР или ущемлены права ее граждан. Любое заявление немца, всякая жалоба, касающаяся войск, поведения отдельных военнослужащих или членов их семей, расследовались самым тщательным образом. Меж тем сила инерции, привычки иногда давала о себе знать.

Весьма и весьма непросто было на территории ГДР положение солдат и сержантов срочной службы. Три года казармы

и неудобных, связанных подчас с опасностью для здоровья постов. Ведь только уходя на пост, и покидал казарму солдат. Никаких увольнений за пределы военного городка, никакого общения с населением даже на официальном уровне не было. Лишь позднее делаются робкие попытки наладить связи с коллективами предприятий, организуются вечера дружбы, устраиваются экскурсии. Естественную потребность хоть ненадолго вырваться на волю 19—20-летний парень мог удовлетворить, лишь махнув через забор в самоволку. Самые отчаянные шли на это, отбывая потом срок на гауптвахте. Кстати, вокруг всех наших гарнизонов почти постоянно паслись девицы легкого поведения, подавая в окна зазывные сигналы. Впрочем, самоволка — ничто, сущая безделица по сравнению с вещами более страшными, за которые летели головы и погоны. Я имею в виду пресеченные попытки и состоявшиеся уходы на Запад. Нас сия горькая чаша миновала. Посредством поистине невероятных детективных ухищрений проникало в казарму и спиртное. Казалось бы, перекрыты все каналы, профессионально, дотошно проверяются вещи каждого прибывшего из краткосрочного отпуска солдата. Водители машин без офицеров не выезжают за пределы части ни на метр. И пьянок вроде не зафиксировано, а вот весной под окнами казарм вытаивали из-под снега бутылки.

Изо всех сил старались мы заполнить немногие часы солдатского досуга, в пределах возможного разнообразить его. На высоком уровне организовывали кинообслуживание, никаких приказных норм показа фильмов не придерживались: ведь именно при нашем полку находилась войсковая кинофильмобаза, аккуратно пополняемая самыми свежими копиями. Телевизоров, правда, тогда еще не имели. В полковом клубе регулярно шли концерты художественной самодеятельности, пусть и нечасто, но появлялись гости из Союза — композиторы, артисты, знатные люди.

С солдатами все-таки было проще, удавалось поддерживать дисциплину на довольно высоком уровне. Не грех похвалиться: в полку численностью около 2,5 тысячи человек, имевшем одиннадцать гарнизонов, за восемь месяцев 1957 года — до вывода полка из ГДР — не было ни происшествий, ни преступлений. Куда сложнее с семьями офицеров, за которые мы, командование части, будучи в своей вотчине, по сути, одновременно и советской властью, несли полную ответственность.

Работа с семьями — одна из злободневных проблем за рубежом. Пока не было семей — а такой период ограничения их въезда продолжался, если не ошибаюсь, года два — одолевали одни хлопоты, при-

ехали жены, дети — возник новый круг постоянных забот. И не только об обеспечении их жильем, устройстве быта, снабжении. Квартирами в основном сумели наделить отдельными, что на родине еще оставалось, как правило, чем-то недосягаемым. Работать женам, за самым малым исключением, было негде. Детей в школу возили автобусом части. Гораздо тоньше, деликатнее и болезненнее было все, что связано с поведением некоторых офицерских жен. Ходячие анекдоты о Дуньках в Европе родились не в пылком воображении юмористов, а из прискорбных реалий. Кое-кто явно не вписывался в самый минимум культуры общения как внутри коллектива, так и особенно в немецком окружении. Надо было поддерживать доброе имя советского человека, спасая его от насмешек и издевок любой продавщицы или модельерши. Занимались этим командиры, политработники, актив женсовета. Удавалось это не всегда. Кого-то губила алчность, зависть, отсутствие вкуса и просто непроходимая серость.

Слесари-сантехники, электрики из полковой КЭЧ, обслуживающие жилые дома, рассказывали товарищам байки о поразившей их антисанитарии в квартире того или иного командира взвода, роты, требовавших блюсти чистоту и гигиену в казарме. Когда их информация дошла до командира полка, полковник И.Г.Шпак затеял не нравоучительную беседу, а лично вместе с заместителем по тылу, медиком, представителем женсовета обошел все до единой офицерские квартиры. Брались на заметку просьбы что-то отремонтировать, поправить. А нерях и грязнуль стыдили, предупреждали, приглашали на женсовет. Какого-то результата достигнуть удалось, но зато сколько врагов нажили мы из числа злоязычных сплетниц! Даже до Москвы дошел анонимный пасквиль о том, что командир полка вместо того, чтобы укреплять политико-моральное состояние воинов, обнюхивает клозеты, а начальник политотдела ему потакает.

Моя работа в полку в 1956—1957 годах совпала с серией крупных, даже переломных политических событий в жизни страны и социалистического содружества. Это и XX съезд партии с разоблачением на нем культуры личности Сталина. Это и венгерские события осенью 1956 года, и возникшие одновременно с ними волнения в Польше. Зашевелились тогда какие-то силы и в ГДР, хотя дальше антисоветских листовок и антисоциалистических надписей на тротуарах и заборах дело не пошло. Зато встревожились за судьбу детей жены офицеров, требуя срочно выдать документы на выезд. Кое-кто, поддавшись панике, успел даже покинуть пределы Германии. Принялась упаковывать чемоданы и жена командира полка. Я

зашел к нему и попросил не разрешать ее отъезд, не подавать дурной пример остальным. Со скрипом, чуть ли не со скандалом (а мы жили на одной площадке) убедили-таки "командиршу" (мать троих детей) не спешить с отъездом, утихомирили и остальных взволнованных женщин. Потом, когда страсти улеглись, и стало ясно, что опасность преувеличена, они сами благодарили меня за выдержку и настойчивость.

Летом 1957 года, после пленума ЦК, произошла почти полная смена высшего партийного и государственного руководства и получил хождение известный идеологический штамп об "антипартийной группе Маленкова, Молотова, Кагановича...". Никто, кроме нас самих, в условиях ГДР не мог помочь людям разобраться в сложнейших вопросах текущего момента, правильно (как это преподносилось и нам) разъяснить их не только личному составу, но и членам семей. С солдатами было проще: они, как правило, на веру принимали сказанные офицерами. Вместо портретов Сталина в ленинских комнатах появились портреты Хрущева... Для нас, людей, прошедших войну, участвовавших в послевоенном возрождении страны, XX съезд явился громадным нравственным и политическим потрясением. Кому верить? Кому и чему поклоняться? Как все это могло случиться? Просто и безболезненно кризис воззрений и устоявшихся взглядов пройти не мог. Только болтуны и люди "без царя в голове" могли этак запросто реагировать на случившееся.

Не могу не сказать о наших взаимоотношениях с Советской Армией. Войска МВД и каждая их часть на территории Германии всецело подчинялись высшему армейскому командованию — Главному группам войск и начальникам гарнизонов. Наша ведомственная автономия распространялась лишь на сферу служебной деятельности. Мы получали приказы главкома, соответствующих командиров, являющихся старшими начальниками в гарнизонах, и обязаны были исполнять их, не ссылаясь на специфику. Предшественник И.Г.Шпака не только изрядно запустил полк, но и до крайности обострил отношения с соседями. В свою очередь командующий армией генерал-лейтенант И.И.Якубовский, под военной властью которого находились наши части, охраняющие "Висмут", смотрел на них с откровенной неприязнью, чего не только не скрывал, но и афишировал на каждом совещании. "Опять эти войска МВД", — небрежно, даже презрительно бросал он, несмотря на то, что бед и огорчений наши части доставляли куда меньше, чем непосредственно подчиненные ему.

А вот Маршал Советского Союза А.А.Гречко, в ту пору главнокомандующий группой войск, на вещи смотрел трезво, по-государственному. Дело в том, что полк делил территорию военного городка, некогда занимаемого гитлеровской механизированной дивизией, с артиллерийским соединением Советской Армии. Причем нам достался более лакомый кусок — с капитальными гаражами, складами, клубом. Несколько обделенные соседи, намекая на "инородную" природу полка, подталкивали свое начальство в Вюнсдорфе, получая там поддержку, к тому, чтобы выжить полк из городка. Неофициально нам не раз намекали, что придется искать другую крышу над головой. И вот однажды во время визита А.А.Гречко в армию И.И.Якубовского его уговорили лично убедиться в том, что пора исправить допущенную несправедливость и забрать весь городок. В обеденный перерыв, когда никого из командования в кабинетах не было, без предупреждения, неожиданно в гарнизон влетела кавалькада машин главкома и его многочисленной свиты. Дежурный по части капитан (фамилии его не помню) не растерялся и чеканно доложил самому маршалу, которого впервые увидел не на портрете, чем занимается полк, где находится его командир. В сопровождении дежурного А.А.Гречко прошелся по плацу, посмотрел вокруг, подивился образцовой чистоте и ухоженности территории и, обернувшись к свите, резюмировал: часть как часть, видно, что порядок здесь любят и его здесь побольше, чем в некоторых хозяйствах Якубовского, не худо бы им здесь поучиться кое-чему... После чего, садясь в машину, сухо приказал своим помощникам вопрос о городке снять.

Когда перепуганный необычным визитом командир полка по сигналу помощника дежурного прибежал в городок, он увидел лишь пыль, поднятую колонной машин. А раздосадованный неудачей своей инициативы артиллерийский генерал, проводив маршала, сказал:

— Повезло тебе, полковник. Будь другой дежурный по части, какой-нибудь рохля, наверняка бы главком вынес иной приговор. Ценит Андрей Антонович точность рапорта, четкость, строгость, подтянутость.

Не возражаю: все могло быть в этом непредсказуемом мире.

Только нас больше никто не посмел беспокоить до того самого часа, когда мы, уходя из ГДР, чинно, достойно передали по акту свое казарменное, складское, жилое и прочее хозяйство в приличном состоянии тому самому генералу от артиллерии.

И. БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке.

Календарь

Ноябрь в истории войск

1918

Реввоенсовет Республики установил порядок комплектования корпуса войск ВЧК на общих основаниях с Красной Армией.

1919

Главное управление войск внутренней охраны Республики (ВОХР) переименовано в Штаб войск ВОХР РСФСР.

1923

Государственное политическое управление (ГПУ) преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

Приказом ОГПУ объявлено Положение о штабе войск ОГПУ.

1926

Создано Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ.

1927

Постановлением СТО охрана промышленных предприятий и государственных сооружений, имевших важное значение для обороны страны, возложена на войска ОГПУ.

1940

На войска НКВД возложена охрана 139 шоссеино-дорожных мостов, имевших для страны важное стратегическое и оборонное значение.

1941

Части и подразделения дивизии им. Ф.Э.Дзержинского, 2-й мотострелковой дивизии особого назначения, ОМСБОНа и 42-й бригады конвойных войск НКВД приняли участие в военном параде 7 ноября на Красной площади в Москве.

1942

Командир взвода 276-го стрелкового полка внутренних войск НКВД младший лейтенант П. К. Гужвин в бою с гитлеровцами (21 ноября) закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 31 марта 1943 года ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

1968

Союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка (МООП) переименовано в Министерство внутренних дел СССР, Главное управление внутренних войск, внутренней и конвойной охраны (ГУВВВико) в Главное управление внутренних войск (ГУВВ) МВД СССР.

1981

Создано Пермское высшее военное командное училище МВД СССР, ныне — Пермское высшее военное командно-тыловое училище внутренних войск МВД России.

**Информация предоставлена
Центральным музеем
внутренних войск МВД России.**

Иван Козлов

В ЖИВЫХ ОСТАНУТСЯ БЕССМЕРТНИКИ

*Повесть**

На вопросы Егорова Ол. Райт отвечал неохотно.

— Меня ваши уже обо всем пытали, так что ничего нового не скажу — так начался их разговор в больничной палате.

— Избили вас, надо полагать, за то, что все-таки увидели в продаже журнал?

— Наверное.

Избили профессионально: редактор получил сотрясение мозга и приобрел утраченную, как у индейцев, раскраску лица. Так бьют, когда хотят оставить о себе долгу память.

Егорова интересовало, как отреагировал Плотников на требование неизвестного продать ему тираж и слайд. Оказалось, никак. Плотников вообще человек, умеющий сдерживать эмоции.

— Мне, Владимир Владимирович, подумалось, что и ему должны были звонить, угрожать — сыр-бор-то разгорелся из-за снимка! Но если верить Илларионовичу, по этому поводу никто его не беспокоил.

— И вы поверили?

— Честнейший же человек!

— Слайд покупателям он сам отдал?

— Все материалы каждого номера хранятся в отдельных конвертах, эти конверты лежат в шкафу моего кабинета и доступ к ним имею только я.

— А Плотников ранее не просил его вернуть этот слайд? Может, он хотел предложить его в книгу, альбом?

— Слайд стоит того. Я бы, конечно, отдал его Илларионовичу без лишних слов. Но таких просьб не было.

Егоров поинтересовался, отдыхал ли фотограф на югах два, три года назад? Не может ли быть такого, что снимок с обнаженной женщиной сделан не в эту поездку, а гораздо раньше? Оказалось — не может: Плотников вообще за всю свою жизнь впервые побывал на море.

— И все равно зима не лучшее время

для отдыха на черноморских курортах. Почему Плотников не дождался, к примеру, весны, лета?

Этого Олег Давидович не знал. Мало того, он даже сам советовал фотографу взять отпуск попозже, обещал помочь с путевкой в санаторий, но тот был непреклонен: "Мне надо ехать туда сейчас". И уехал.

Сочи — город немаленький, и Егорову хотелось знать, где конкретно останавливался Василий Илларионович? Райт только хмыкнул:

— Вы знаете, это человек без претензий. Гостиничных квитанций он мне не сдавал.

— А о женщине, которая на снимке, он ничего не рассказывал? Не был он с ней знаком? Может, где-то адрес ее записал или фамилию?

— Она даже не знала, что ее фотографируют. По крайней мере, Илларионович так говорил.

— Ладно, Олег Давидович, отдыхайте, утомил я вас своими расспросами. На журнальчик-то этот скандальный как можно взглянуть?

Райт приложил руку к груди:

— Поверьте, ни одного номера в редакции не оставил, все отдал!

Павлик мучился с геометрией, когда к нему подсел Егоров, держа в руке нечто, завернутое в газету. Посмотрел через плечо сына в тетрадь. Начертанные треугольники оказались ему кособокими, по черк небрежным, поля чересчур узкими.

— Па, у меня все правильно сделано, — недовольно сказал Павлик в ответ на бурчание отца. — К тому же по геометрии выходит твердая четверка, так что поверь: ошибок не допускаю.

— Допускаешь! — И Егоров, развернув газету, положил перед сыном журнал с

* Продолжение. Начало в № 10.

голой женщиной на обложке. — Убедись: вещдок, обнаруженный матерью в твоём столе.

Сын слегка смутился, но тут же воинственно вздернул подбородок:

— А я ничего и не думал прятать! Я уже не ребенок, па! Что, нельзя такие вещи смотреть? Это не порнуха, а эротика, искусство. Как многие картины в Третьяковке.

— Ладно, ты меня Третьяковкой не умасливай. — Егоров остановил несколько растерянный взгляд на цветной обложке, потом спешно прикрыл ее газетой. — У меня, Паш, другой к тебе вопрос. Ты купал этот журнал?

— Нет, ребята посмотреть дали. Мне его, между прочим, вернуть надо.

— Бери, возвращай. А из твоих друзей его никто регулярно не приобретает?

Сын промолчал, недовольно сопя. Видно, вопросы отца он воспринял как вопрос.

— Паш, это пятый номер за прошлый год. А мне нужен третий номер за этот. Хотя бы на денек. Усек? С отдачей, естественно.

Павел ждал нотаций и нравоучений, а тут — такая просьба... Он неуверенно пожал плечами:

— Попробую достать. А этот ты мне точно отдаешь?

— Так не порнуха же, эротика, — передразнил он сына. — Приобщайся к искусству.

И оба рассмеялись.

Уже часа через три сын позвонил от какого-то то ли друга, то ли знакомого, то ли друга знакомого... Есть такой журнал! На денек могут дать, но — за блок сигарет.

— "Кэмэл", па, нужен.

"Хорошо, что не коньяк или патроны", — пробурчал себе под нос Егоров, а вслух дал указание:

— Соглашайся.

Этим же вечером Егоров с журналом в руках сидел в кабинете Мяснова и который уже раз рассматривал цветную фотографию, сделанную Плотниковым. Ол Райт не врал, здесь было на что посмотреть. Объектив запечатлел женщину чуть сбоку, сквозь листву дерева. Легкий загар, длинные стройные ноги, на правой, выше колена небольшой темный эллипс, видно, родимое пятно. Груды маленькие, девичьи, но с вытянутыми сосками, талия и бедра манекенщицы, короткая стрижка.

В момент съемки женщина, судя по выражению лица, что-то говорила или напевала. И смотрела при этом вправо. Егоров

очень хотелось знать, куда она смотрела. Старший лейтенант Мяснов из-за этого просматривал, наверное, уже сотую пленку из архива Плотникова.

— А может, негативов больше и нет, Владимир Владимирович? Был один, тот, который Ол Райт отдал покупателем. И все.

Егоров покачал головой:

— Плотников в идеальных условиях каждый кадр по несколько раз дублировал, ту же Серебряковскую возьми. Нет, Гена, фотопленку он, я так думаю, разрезал на кадры, один отнес в редакцию, остальные... Остальные скорее всего дома. Так что в конвертах искать надо.

— Я их уже столько перерыл, и ничего похожего... — Мяснов вдруг застыл, как в охотничьей стойке, не отрывая взгляда от снимка в журнале. Потом, будто удивляясь самому себе, сказал: — Да нет, было похуже! Листья такие же громадные. Платан. Речка горная на дальнем плане... Серый конверт. Где он?

Геннадий потянулся к столам пересмотренных конвертов, нашел нужный, протянул Егорову три идущих один за одним кадры. На каждом из них двое мужчин и женщина, пухленькая блондиночка без талии и бюстгалтера. На снимки голых женщин Мяснов уже так успел за сегодня насмотреться, что эта его внимание не привлекла, тем более на журнальную она абсолютно не походила. Блондиночка сидела за низким раскладным столиком, уставленным бутылками и закуской. Рядом с ней возвышался то ли азиат, то ли кавказец — худощавый, высокий, усатый. Чуть дальше резал кинжалом батон колбасы полный и лысоватый малый. Резал, а сам смотрел куда-то в сторону речки. Слева от него стояло пустующее раскладное креслице.

Старший лейтенант был прав: съемки журнальной красавицы и застольной компании велись из одной точки. Из-под одного платана с широкими лапчатыми листьями.

— Все это надо распечатать и сделать кучу запросов. Авось это хоть что-нибудь да даст.

* * * *

Дома Лидя встретила его упреком:

— Ты, вообще, в отпуске или как? Не захотел в дом отдыха отбыть, так хотя бы рыбалкой занялся или по лесу побродил. Посмотри, какие глаза у тебя воспаленные.

— Это они у меня блестят лихорадочно,

потому что добычу чувствуют, — улыбнулся Егоров.

— Нет, Володя, ты не шути со здоровьем. Ты лучше откликнись на призыв своего нового друга.

— Это ты о чем?

— Лесняк тебе звонил. Говорит, передайте мужу, что на прудах карась пошел. Если надумает, то завтра в шесть пятнадцать на Ярославском под табло встреча. Есть у твоего Лесняка на примете хороший водоем. Поедешь? Я тебе еду собрала, уже в пакете в холодильнике...

Анатолий Иванович и с удочками выглядел пижомом. Во-первых, сами удочки он нес на ремне за плечом, да к тому же были они в замшевом чехле. Во-вторых, добротный походный костюм сидел на нем так, будто только вчера он вернулся со слета охотников и рыбацких Швейцарии, где, как казалось Егорову, даже пескостроители выуживают при галстуках и в шляпах.

Свободные места в электричке они нашли без проблем, оба уселись у окна, напротив друг друга. У Лесняка, оказывается, есть машина — старый, еще "четыреста двенадцатый", "Москвич". Но к озерцу дороги нет, туда по лесной тропинке надо минут двадцать от трассы шагать, а оставлять технику без присмотра на обочине в наше время...

— К половине восьмого будем на месте, — взглянул на часы Анатолий Иванович. — Конечно, желательно зорьку возле воды провести, но сейчас многие электрички отменили. Нам лучше бы шестичасовой ехать, но я до нее из дому не успеваю... Сейчас Фроловскую проезжать будем, где Серебровского убили. Что, Владимир Владимирович, никаких пока зацепок не нашли? Ведь три трупа сразу.

— Да я ведь этим вплотную не занимаюсь, я в отпуске. Лишь ради того, чтоб кровь не закисла, делом интересуюсь. Кажется, пока операм нашим похвастаться нечем.

— Я у вас случаем не на подозрении?

— А что, чувствуете, что дали повод для этого? — в свою очередь спросил Егоров.

— Чувствую, — рассмеялся Лесняк. — Я ведь обманул вас в нашу последнюю встречу. С рыбой. Никто мне ее не привозил, и никакого она не домашнего засола. В "Океане" купил. Но черт его знает зачем захотелось похвастаться. Наверное, затем, чтоб балык вкуснее показался. А потом я анализировать начал. Вот выйдет сейчас Егоров от меня, зайдет в магазин, увидит точно такой же расфасовки лосось и скажет: "Стоп, а не врет ли писатель? А

если врет в малом, то что ему стоит?.." Ну и так далее. В общем, струхнул я малость.

— И потому пригласили меня на рыбалку?

— Надо же искупать грех!.. Все, Владимир Владимирович, следующая остановка — наша.

Небыстрым шагом к озеру они шли полчаса. Оно скорее походило на болото: темная вода, у берегов заросшая осокой, вязкое илистое дно. Легионы комаров бдительно охраняли это мокрое царство Водяного. Никаких следов пребывания человека: ни тропок, ни кострищ, ни консервных банок, ни пустых бутылок. Егоров вздохнул: судя по всему, сидеть тут — безнадега. Интересно, на кой черт притащил его сюда неизвестный российский классик? Неужто вправду грех замаливать?

— У вас длинные удилица, Владимир Владимирович? Бросайте за камыш.

Нет, а действительно, для чего Лесняк притащил его туда, где вряд ли и лягушки водятся? Руководствовался же он чем-то?

Егоров еще только собирался забрасывать вторую удочку, как увидел боковым зрением, что красный кончик высокого поплавка, стоявший под самым камышом, резко качнулся, перо легло на воду и, будто по течению, заскользило вправо. Он схватил удилице, успев при этом подумать, что рано подсекать, что надо выждать еще немного, но рука с шестиколённой телескопичкой уже пошла вверх и почувствовала тяжесть сопротивляющейся рыбы...

Это был хороший, граммов на двести пятьдесят, карась, темный, отливающий золотом, с круглым брюшком. Егоров начал снимать его с крючка и неожиданно для себя рассмеялся.

— Вы что, Владимир Владимирович? — спросил Лесняк.

— Да так... Вы знаете, Анатолий Иванович, какой первый признак свинцового отравления?

— Боюсь ошибиться, но по-моему, умственная деградация. Римская империя пала, потому что цвет нации глушил вина из свинцовых кубков.

— Точно! На себе испытал. Пью, правда, из стекла, но свинец имел несчастье схлопотать. И глупые мысли рождаются начали.

— Какие?

— Да так...

До полудня они поймали по десятку карасей, на платформе электричку почти не ждали, в первом же вагоне, куда зашли,

разыскали свободные места... В общем, настроение у Егорова стало превосходным.

Проехали Фроловскую, и майор, глядя через окно на толпу пассажиров, ожидающих на платформе встречную электричку, спросил Лесняка:

— Озеро, между прочим, стоит того, чтоб туда и с ночи приехать. Вы не знаете, Анатолий Иванович, расписания?

— Около четырех часов — первая электричка. Так что долго ждать на вокзале придется.

"Около четырех, — повторил про себя Егоров. — Надо сказать об этом Мясову. Хороший парень. Жаль, учить его некому. Кадры в отделении неплохие были, да разбежались. А как не бежать при нынешнем бардаке?.."

* * *

У Мясова куча новостей. Оказывается, и в органах есть люди, которые хоть иногда, но отдыхают на югах. Пикник длинноногая красавица и трое ее знакомых устроили на берегу речки Кудепсты, под Сочи. Место, запечатленное на фотографии, узано сразу двумя: в свое время и они примерно там же жарили шашлыки. Поблизости есть дом отдыха и санаторий. Скорее всего именно там и отдыхали те, кого Плотников поймал в объектив. К тому же краснодарские коллеги провели соответствующую работу и выяснили, что сам Василий Илларионович покупал путевку на месте, в доме отдыха, где и жил семь дней.

Который на фотографии с усиками — Жидегэн Султанович Зиганшин, инженер автобазы из Татарии.

Блондинка без талии — Мария Яковлева Склрярова, заведующая книжным магазином со Ставрополя.

Полный и лысый — Владислав Юрьевич Радус, московский коммерсант, занимается скупкой-продажей недвижимости, тридцать один год, женат, один ребенок, "мерседес", хоть и не "шестисотка", но вполне приличная тачка...

— Стоп, — сказал Егоров. — Что-то ты стал красноречив. О продавце и инженере по паре слов сказал, а о последнем — песню поешь.

— Так он же стоит того, Владимир Владимирович, — заулыбался Мясов. — Радус, Склрярова и Зиганшин отдыхали в санатории, Радус в люксе, а те — в двухместных.

— А наша голая красавица?

— Голая красавица прописалась в том

же люксе как жена Радуса, Юлия Натаэловна. Но настоящая Юлия Натаэловна в это самое время никуда из Москвы не выезжала, водила в школу и из школы сына и разъезжала на "Жигулях" по магазинам.

— Ты же сказал, у них "мерс".

— "Мерс" у мужа, а у нее "девятка".

Немного помолчали, и Егоров, переварив и усвоив уже принятую порцию информации, спросил: — Значит, о той, чей портрет в журнале, больше никаких данных у тебя нет?

— Скорее всего есть, Владимир Владимирович, — все с той же улыбкой на губах ответил старший лейтенант. — За день до того, как убили Плотникова, в одном подмосковном прудике выловили труп женщины. Она так и оставалась неопознанной, никто ее в столице не ищет, а по всем приметам это та самая. И родимое пятно на ноге, и рост, и стрижка. Даже те же золотые кольца в ушах.

Егоров нахмурился, почему-то сердито взглянул на Мясова.

— И чему же ты радуешься? О смерти все-таки говоришь... Что по утопленнице еще есть?

Геннадий по-мальчишески обиженно шмыгнул носом — ждал похвалы, все-таки вон сколько успел сделать! — и потускневшим голосом сказал:

— Насильственная смерть, камень к ногам привязан. Перед этим избili ее: зубы выбиты, ребро сломано, трещина в челюсти. С Радусом еще не беседовали: он уехал в командировку в Ставропольский край, возвращается завтра. А когда убили эту незнакомку, он тоже был в отъезде — в Ростове-на-Дону. Алиби железное, проверили.

Егоров заметил перемену в настроении Мясова, молча ругнул себя и пошел на примирение:

— Ты не сердись, Гена. Я действительно никак не ожидал, что такая красивая фотомодель и... Не сердись. Значит, мы имеем теперь четыре трупа кряду. Доставай карту, показывай, где нашли утопленницу. Не по соседству ли с Серебровским?

— Совсем в другой стороне, Владимир Владимирович. От Фроловской километров семьдесят.

— Да? Тогда без карты обойдемся... Кстати, о Фроловской. Тебе, Геннадий, не приходила в голову простенькая мысль о том, что убийца художника с той платформы мог ведь и не в столицу-матушку ехать, а от нее?

— От нее?

— От нее, от нее! Подсказываю: элект-

ричка через Фроловскую проходит в четыре с копейками. Так что покрутись. И насчет этой убитой... — Он опять посмотрел на снимок в журнале. — Мне даже жена сказала: красотка идеальных форм. Такая в толпе не потеряется. Чувствуешь, куда я клоню?

— Попробуем искать? — спросил Мяснов.

— Что значит "попробуем"? Ты меня, юный друг, в это дело не впутывай. Я на больничном. А вот ты пораскинь мозгами: может, она на конкурсах красоты мелькала, или в манекенщицы себя предлагала, или... Нет, туда тебе еще рано, по бабам, так и быть, я сам пойду.

* * *

Так получилось, что со столичными протитутками Егоров давно не имел никаких рабочих контактов. Потому, листовая блокнот, он не был уверен, что отыщет кого-нибудь из старых своих знакомых: профессия их предполагает бурную текучесть кадров. Но на первый же звонок откликнулась Сися Карамелька, в миру Валентина Баштовая. Она сразу узнала его по голосу:

— Я пока не у дел, Владимир Владимирович, из больницы недавно, так что в любое время приезжайте.

Сисе не повезло: достался клиент-дурак, многого хотел... Ребята его потом, конечно, отутюжили, но прежде он попортил славное личико Карамельки. Была она курносая — теперь заимела греческий профиль.

Сися внимательно и долго смотрела на фотографию в журнале, потом уверенно заявила:

— В наших краях такой не было, слово даю! Поезжайте на юго-запад, к Верке Колыме. Она, Владимир Владимирович, у нас феномен, у нее зрительная память на морды. Вам дать ее координаты или так знаете?

...Верка Колыма длинноногую красавицу из журнала видела давно, да и то мельком.

— Могу ошибиться, но когда-то я была у Саблезубой... Той, что негру пол-уха оттапала, помнишь? Так вот, Владимир Владимирович, там я эту кралю и видела.

* * *

Ирэн Саблезубая, в миру Даша Пискунова, приняла Егорова в четыре часа дня. Нормально приняла: когда-то он вытащил ее из одной переделки, спас, можно сказать, и она не забыла этого. Усадила в кресло, поставила на крохотный инкрустированный столик коньяк, лимон, шоколад.

— Извини, — сказала, — компанию тебе не составлю, мою работу знаешь, так что я к вечеру в форме должна быть.

— Ты, Ирэн, всегда выглядишь отлично.

— Не надо, Вовочка! Тут я даже тебе не верю. Это когда-то принцессой была, а теперь уже вышла в разряд ломовой лошади.

Ирэн уселась на кровать, стала себя рассматривать в зеркальную стену над изголовьем. Егоров отметил, что она действительно уже не та: кожа постарела, нет блеска в зеленых глазах.

— Все, Вовочка, я рисую сейчас себе морду, — она взяла с полки косметичку, — а ты спрашивай, что тебе надо.

— Твоей любви, жрица!

Ирэн даже не улыбнулась, ответила вполне серьезно, накладывая тушь на ресницы:

— Не шути так, а то припру к стенке — не отвертись. Ты же знаешь, что совратить тебя — это моя пока не осуществленная цель.

— Ах, Ирэн, когда-нибудь Бог даст мы ее осуществим. А сейчас у нас с тобой, пожалуй, маловато времени. Потому...

Егоров вынул из дипломата журнал, открыл его на нужной странице и положил на колени Саблезубой. Никакого конкретного вопроса он не задал, да это было и не нужно. Пискунова сначала мельком взглянула на снимок, потом отложила кисточку, взяла журнал в руки. Вдохнула:

— Вот кто не меняется. Была красавицей и осталась такой же. Везучая, дура! — Она бросила быстрый взгляд на Егорова. — Или я ошибаюсь? Если ваша контора Верунчиком заинтересовалась, то у нее, значит, не все в порядке, так? Влипла девочка? И серьезно?

— Серьезней некуда, — ответил Егоров. — Убили Веру.

Лицо Пискуновой в миг посерело:

— Клиент?

"У кого что болит", — подумал Егоров, а вслух сказал:

— Не знаю, но хочу выяснить, и надеюсь на твою помощь. Рассказывай о подруге все, что только знаешь.

— Мы не были подругами. — Ирэн убрала обратно на полочку косметичку, налила себе коньяку и выпила, не притронувшись ни к лимону, ни к шоколаду. Гри-маса горькой улыбки исказила лицо. — Нас на какое-то время профессия объединила, в одном ресторане мужиков снимали.

— Ты ее фартовой считала. Что так? Хорошие бабки заколачивала?

— Не только поэтому...

Вера Пулатова, кличка Депо, двадцать пять лет — так звали красавицу, чей снимок привел в восторг Олега Давидовича Райта. В столицу приехала из-под Воронежа, поначалу в институте училась, потом бросила. К другому у нее талант раскрылся. Воистину талант: состоятельного мужика за квартал чувствовала. И потом, другие-то устают от своей работы, тошнит девок от клиентов, а этой, ударнице, все в радость было. Даже когда лишь свои собирались — путаны, водилы, охранники — выпить, анекдоты потравить, дела обсудить, она больше получаса не выдерживала: "Мальчики, горит все внутри, эшелон со спермой нужен, кто готов?" Вот почему — Депо.

Ирэн работала с ней около полугода, потом Пулатова неожиданно пропала из виду, месяца на три-четыре. А объявилась — ну прямо королева Англии! Накрыла подружкам стол, новостями с ними поделилась. Оказывается, взял ее на полный пансион мужичок один, одел, побрякушками увесил, квартиру сделал, но условие поставил: чтоб только с ним любовью занималась. "Но вы ж меня знаете, девки: он в меня капитал вкладывает, а мне надо, чтоб и другое вкладывали. А поскольку с другим у него неважно, то и гуляю потихонечку. Вот и сегодня сюда заглянула оскоминку сбить".

По рассказу Веры, этот богатч кобелем не был. Лет ему около пятидесяти, вдовец, и Пулатовой он прямо заявил о серьезности своих намерений. В качестве свадебного подарка обещал путешествие в Грецию или Италию.

— Ну не фарт ли, а? — Ирэн вновь взялась за бутылку, но потом раздумала и себе не налила. — Мне б такое предложили, я б операцию сделала, чтоб вновь девственницей стать и навеки невинной остаться. А эта... — она бросила взгляд на снимок, прикрыла ладонью рот, прошептала. — Прости меня, Господи!

Фамилии вдовца Ирэн не знала. Кому из девочек Пулатова могла рассказать о нем? Наверное, никому. Секретами она делилась только с ней, с Ирэн.

Когда Егоров уже стоял на пороге, Пискунова сказала:

— А знаешь, Володя, у меня предчувствия нехорошие были. Еще зимой, когда ваш мент начал меня о ней спрашивать, почувствовала: залетит девка! И как в воду глядела!

— Мент? Какой мент?

— Ну этот... Нестоитин который. Когда, я тебе говорила, Пулатова исчезла, он и

притопал, начал винохивать: не появляется ли тут Вера, не имеет ли постоянных клиентов... Ко мне с этим подвалил. Но ты же меня, Вовочка, знаешь, у меня что зубки, что язычок острые, я твоему Нестоитину так подробно на все ответила, что он отвалил и больше не появлялся...

В январе к Ирэн, оказывается, приходил Нестоин, бывший майор, уволившийся из органов год назад и получивший лицензию частного сыщика. Егоров его неплохо знал. Неглупый мужик, но завистливый. Постоянно то чужие деньги считал, то чужих женщин. Из-за первого и ушел со службы, решил, что откроет свою контору и начнет воровать миллионами. Из-за второго ему дали прозвище Нестоитин. Решил гульнуть раз в жизни, да ведь одного решения мало — способности нужны. А они оказались невелики, вот кличка и привязалась...

Зачем Нестоину нужна была Вера Пулатова?

5.

Нестоин запросто купился на обещание Егорова накачать его пивом.

— А повод? — только спросил он в трубку.

— Совет твой нужен, Гриша, потому и раскошеливаюсь. Пивную у Новослободской еще не забыл?

Егоров знал, что он рисковал. Гриша Нестоин и с'виду вовсе не тщедушен, а уж если выпить на шару!..

С момента их последней встречи он почти не изменился, разве что взгляд стал поуверенней. Для начала взяли по паре кружек, принялись чистить рыбу. Нестоин хитрым прищуром, как ему показалось, пронзил бывшего сослуживца:

— Догадываюсь, Володя, о чем речь пойдет... Ты, я слышал, ранен был, так?

— Зацепило чуток.

— Ладно тебе, чуток. Щеки до сих пор парафиновые... Хорошее пиво, свежее. Словом, прикидываю я, что ты решил увольняться и идти по моим стопам, да?

Егоров неопределенно хмыкнул. До того неопределенно, что Нестоин сделал вывод:

— Значит, я угадал. — Он вновь отпил из бокала и снисходительно пояснил: — Я, старичок, психологией занимаюсь, целовека насквозь вижу. И если тебе действительно мой совет нужен, то вот он: не суй голову в ярмо. То, чем я занимаюсь, далеко не мед. Во-первых, клиентура мелкая и, соответственно, денег кот наплакал, во-вторых...

Он сделал паузу, отхлебывая пиво, и Егоров продолжил за него:

— Во-вторых, на хрена тебе конкуренция, да?

— Во-вторых, очень много рутинной работы. А конкуренции я не боюсь. У меня порядочная фора перед тобой: отлажены контакты, есть своя агентура. Стиль-то у меня другой. Вас там целая кодла одно дело крутит, а я — один. Слава Богу, логическим складом ума обладаю, что не каждому дано... Нет, конкуренции я не боюсь.

Говоря это, Нестоин был абсолютно серьезен, и Егоров понял: не шутит Гриня. "Ну погоди, подлец, сейчас ты у меня попляшешь!" Так он решил про себя, а вслух сказал:

— Без логики, конечно, никуда... но я, Гриша, частным извозом пока не собираюсь заниматься. Я пришел к тебе, чтоб попытаться старого товарища из большой беды вызволить. Догадайся кого?

Нестоин скривился:

— У тебя все в товарищах ходили и ходят. Ты, старичок, распыляешься. Всем помогать бросаешься... Раньше парторганизация поручения такие навешивать могла, а сейчас по своей воле чего лишние хлопоты себе искать?

Егоров для виду подумал и согласился.

— А может, ты и прав. Хотя на человеке серьезное дело повиснет. Представляешь, сдал девочку бандитам, те ее порезали. И заплатили: за это, так сказать, посреднику.

Нестоин присвистнул:

— И какую же сумму твой товарищ огреб?

Егоров как раз подносил бокал ко рту. Посмотрев поверх него в глаза Нестоина, он резко спросил:

— Сам и скажи. Сколько на Вере Пулатовой заработал?

Рука Гриши заметно дрогнула, пиво из посуды пролилось на стол:

— Ты... Ты чего буровишь? Какая Пулатова?

— Та, о которой ты еще в январе начал собирать информацию. Потом продал эту информацию. Потом гражданку Пулатову убили. Теперь я все ясно говорю?

Нестоина мигом перестала мучить жажда, и Егоров понял, что больше Гриня сегодня пить не будет. Не до пива ему просто. Уверенность в глазах потухла, голова втянулась в плечи, даже уши вроде бы увяли.

— Пулатову убили?

Егоров рискнул:

— И не только Пулатову. Ты послал

Плотникова за женщиной на юг, он привез тебе нужные снимки. За это и ему вогнали в голову пулю. Или ты и про смерть Василия Илларионовича ничего не слышал?

Нестоин убрал со стола заметно задрожавшие руки, положил их на колени. Вместо ответа на вопрос сам спросил:

— Вы что, пасете меня?

Егоров промолчал. Таки не дождавшись ответа, Нестоин продолжил:

— Я, между прочим, о смерти Плотникова через неделю после его похорон узнал. Не надо на меня вешать... И Пулатову — не надо! Мало ли, кто и что с ней сделал. Ревнивый жених выследил, не справился с нервами...

— Ну вот, — усмехнулся Егоров. — Ты Пулатову вообще не знаешь, то не знаешь, что ее убили, а теперь и подробности выкладываешь.

— Да не знал я про убийство, честное слово! — Нестоин это почти выкрикнул, и на них стали оглядываться сидящие за соседними столиками. Гриша заметил это и перешел почти на шепот. — Не знал! А если бы даже знал? Меня к этому никак не пристегнешь, так что не пугай. Нет таких ниток, чтоб пришить меня к делу, понял? Как бы вы ни старались!

— Тут, Нестоин, наших особых стараний и не потребуется, — Егоров принялся за вторую кружку, смакуя блестящую от жира спинку воблы. — Ты веришь, что мы возьмем убийц?

Гриша промолчал.

— Верь, Нестоин. Мы знаем, где, так сказать, работал на югах Плотников, с кем отдыхала там Пулатова... Даже если ты не захочешь помочь, мы выйдем на след преступников. А они тут же укажут на тебя пальцем. Ты подстрекал их, ты им фотографии всучил, ты навел... Может быть такое? Измажут они тебя в дерьме, Нестоин, с ног до головы. Но это, чувствую, будет для тебя лучший вариант.

Нестоин, переваривая слова собеседника, покусывал губы и прервал это занятие лишь для того, чтоб спросить:

— А что, есть и худший?

— Ты напал на серьезных ребят. Ты и Плотников знали то, что не надо было знать. Плотникова уже убрали. Думаю, те, на кого ты работал, не дураки, они возьмут в расчет, что мы можем выйти на тебя. Добавь к этому их генную ненависть к ментам, даже бывшим... Добавил? И что у тебя получается? Что твой логический склад ума тебе шепчет?

Нестоин от природы был трусоват, это

Егоров знал. И рассчитал все верно. Поплыл Гриша.

— Послушай, Володя, а я разве тебе говорил, что скрою какую-то информацию? Все, что вас интересует, — пожалуйста! Мне таиться нечего...

* * *

Заказчика звали Шакуров Николай Константинович. Был он почти квадратным: широким в плечах, низкорослым. К Нестоину Шакуров пришел в декабре, в отличие от других клиентов, начал разговор не с финансовых вопросов, а с самой сути. Он бросил на стол сыщику фотографию Пулатовой и назвал ее адрес.

— Уточни, гуляет или нет. Только мне не сплетни нужны, а факты, понял?

— Кем она вам доводится? — спросил Нестоин и открыл блокнот, чтоб записать интересующие его данные.

— Кем доводится, это я сам решу и выясню, — совсем неприветливо ответил Шакуров. — Я плачу, а за что именно — уже объяснил.

— Вы еще ничего не платите, — попробовал было прояснить ситуацию Нестоин, но тотчас после этих слов клиент небрежно бросил прямо на фотографию столько, что Гриша любопытничать тут же перестал и с уважением, более внимательно оглядел клиента.

Шакурову было на вид за пятьдесят. Дубленая темная кожа, густые, выгоревшие до белизны брови, глаза цыганские, угольные, тонкие губы, неровные ряды крупных зубов, удивительно маленькие для такого лица уши. Не красавец, далеко не красавец. Бурлак с репинской картины. Но одет так, будто собрался на прием в посольство. Тяжелый синий костюм, ладно сидящий, и галстук в тон, рубашечка, добротные кожаные ботинки... Из всего этого Нестоин сделал вывод: мужик или от сохи, или в зонах загорал, напал на золотую жилу, потянулся на старости лет к цивилизации.

Кого опекает? Дочку? Вряд ли: красавица с фотографии, слава Богу, ничем на него не похожа. И потом, взрослых детей так тщательно уже не контролируют. Скорее всего этот диковатый хрыч купил себе молоденькую жену...

Нестоин скоро убедился в верности своих мыслей. Больше месяца он добросовестно отработывал полученные от Шакурова деньги, докладывал тому о поездках Пулатовой по городу, встречах с подругами. Общались они с ним по телефону, и только однажды, в феврале, Николай Константинович пригласил детектива к

себе домой. Было что-то около двенадцати дня, вроде еще не время для застолий, но у Шакурова сидел гость и стол был сервирован, как в самом элитном ресторане.

Гость был намного моложе хозяина, одет тоже с иголочки, плюс к этому и наружностью обладал приятной, разве что уже начавшее перевешиваться за брюшной ремень брюшко...

— Мой партнер по бизнесу, Владислав Юрьевич Радус, — представил его Шакуров.

Так и познакомились. Даже когда выпили, величали друг друга лишь по имени-отчеству. Правда, это не просто пьянка была: скорее, производственное совещание. В суть его и посвятили Нестоина.

Радус уезжал на пару недель в Сочи. Он и поспорил с Шакуровым, что уговорит поехать с собой красавицу Верочку и будет там делать с ней что хочет.

— Ты только отпусти ее, Николай Константинович.

— Отпущу, отпущу. Она давно к матери просится съездить, вот и дам ей дней десять-пятнадцать.

Мужчины говорили обо всем спокойно, без эмоций, будто обсуждали важную торговую сделку. Да оно в принципе так и было. Пери заключили на такую сумму, которую Нестоину и за пару лет не заработать.

— Я поверю тебе, Владислав Юрьевич, только тогда, когда мой агент предъявит неоспоримые доказательства, понял?

— А мое честное слово? — спросил Радус.

— В таком деле что твое честное слово, что мое... — и Шакуров небрежно махнул рукой. — А вот какие доказательства меня убедят — это уж ты соображай, Нестоин. Одно скажу: убедишь — пять лимонов тут же даю.

— И я столько же добавляю, — сказал Радус.

— Мне лично надо туда с вами ехать? — спросил Нестоин.

— Можешь вообще никуда не ехать, по космическому спутнику за всем наблюдать, — позволил себе улыбнуться Шакуров. — Но и ты учти: словам я верю мало...

Вот тогда Нестоин вспомнил о Плотникове. Фотограф был его человеком, когда Гриша еще погоны носил. У Плотникова сын наркотой баловался, чуть под статью не угодил, да отец вовремя прибежал в милицию, со слезами на глазах... С тех пор кое-какие поручения Нестоина он выполнял. За вознаграждение, разумеется.

* * *

— Как только я от Шакурова ушел, позвонил фотографу, объяснил ситуацию, встретился, дал миллион...

— Из десяти всего один? — хмыкнул Егоров.

Они уже не сидели в пивбаре, а неспешным шагом шли к метро. Несмотря на тихий теплый вечер, настроение Егорова было пакостным. Словно он вошел в лифт, в котором нагадила какая-то сволочь. Егоров шел и боялся взорваться, боялся наорать на Нестоина. Тот еще не все сказал, еще кое-какая информация выходит из его нутра:

— Да, из десяти один. Я ведь тоже рисковал. Плотников мог ничего стоящего и не привезти с побережья. Отдохнул бы, позагорал за мой счет. И все.

— Но он что-то привез?

— "Что-то", не то слово! Потрясающие кадры! Групповуха на природе, интим в номере. Представляешь, фотограф прятался, а Радус заранее, до прихода к нему этой шлюшки Пулатовой, специально кровать пододвинул так, чтоб в объектив все попадало, ну и позы в соответствии с этим принимал...

— Мразь! — сказал Егоров.

— Это Радус-то? Или Шакуров? Брось, Володя! У них было чисто деловое пари: девочку на вшивость проверили. Что, было бы лучше, если б старик женился на такой? Видел бы ты, как у него морда побелела, когда я ему снимки выложил!

— Ты мразь, — уточнил Егоров. — Ты человека убил, понимаешь? Ты убил Пулатову!

— Да брось ты в нравственность играть! Я делал свое дело! Так можно оружейников обвинить за что, что они пистолеты выпускают. Но если Шакуров и Плотникова убрал... Тогда он действительно и на меня охоту устроит, а?

Дневник сыщика Егорова

Все. В этой истории, кажется, можно ставить окончательную точку. Неясностей, конечно, масса. Убив Пулатову, Шакуров скорее всего решил избавиться и от свидетелей. Он ворвался в комнату Плотникова, застрелил его самого и гостью. Это понятно. Но как он вышел на Виля Серебровского? За что расправился с тем? Думаю, на допросах он даст ответ. Также думаю, что и тело Радуса тоже надо искать в каком-нибудь пруду. Шакуров не прощает другим своих неудач.

Специально бегал на службу. В нашем ком-

пьютере Шакуров Николай Константинович, тысяча девятьсот сорок третьего года рождения, есть. Шакуров, он же Шах, он же Шерхан. Две ходки, обе в колонию строгого режима. Правда, давненько они были, те ходки. Последний раз Шерхан вышел на волю в восемьдесят восьмом. Оба раза сидел за схожие преступления: разбойные нападения с целью ограбления. В шестьдесят четвертом напал на таксиста, сначала оглушил ударом по голове сзади, выгреб деньги из карманов и "бардачка", потом так и не пришедшего в себя водителя ударил несколько раз ножом, причем по лицу, разрезал мужжику рот до ушей...

На допросе объяснил свой садизм так: "Я не хотел на него нападать, но он меня рожжей поганой назвал, когда я признался, что не хватает рубля для расплаты с ним. Я ему и показал рожку, чтоб запомнил..."

Второй раз загремел на нарвы в восьмидесятом. Брал с подельником квартиру завмага, женицины. Она одна дома в тот час была. Ствол ко лбу — не пистолет был, муляж — и дама выдала им все: наличные, камешки, золото. Досталось им даже больше, чем рассчитывали. И ушли бы спокойно, но у той началась истерика, она принялась кричать, обзывать грабителей уродами, Шакуров это опять принял близко к сердцу — комплексовал он из-за своей внешности, — и набросился на хозяйку с кулаками. Бил лишь по лицу, свернул ей нос, рассек губы, наверняка бы и до смерти забил, если бы дружок не оттащил.

Это я к чему пишу? К тому, что Веру Пулатову наверняка убивал лично он. Если бы поручал кому-нибудь проститутку ликвидировать, то все бы произошло иначе. Киллеры бы пустили пулю в голову, привязали камень к ногам — и все. Челюсти бы девке не ломали, ни к чему это киллерам. А вот Шакурову — "к чему". Над ним, над уродом, в очередной раз надсмеялись, и за это последовала жестокая месть...

Бил он Пулатову скорее всего и ногами, кровь может остаться на брюках, туфлях. Надо Мясову это подсказать. Надо поиздеваться Радуса, живого, а скорее мертвого.

Но зачем же все-таки Шерхан убил Серебровского? Зачем раздвигал Плотникова? Как сделал, что пистолет, из которого убили фотографа и Ольгу, опять оказался в "Москвиче"?

Тут есть интересный ход. Убийца, застрелив Вилю, оставляет пистолет сразу в машине, но в кармане его уже лежат стреляные гильзы. В доме Василия Илларионовича он воспользовался другим ТТ, но потом подобрал гильзы, а подкинул свои...

Нет, для Шакурова это очень сложная

комбинация, он прямолинеен и туповат, Шакуров. Во всяком случае, фирма, где он трудится вместе с Радусом, процветает лишь благодаря компаньону. Занимаются они торговлей недвижимостью, основал фирму Шакуров, есть сведения, что сделано это на средства общака — зековской кассы, чтоб отмывать капиталы. Те, кто устроил это, наверняка знают способности бывшего зека, потому дали ему в пару человека соображающего.

Не дошел бы Шакуров своим умом до того, чтоб подбрасывать гильзы. До того чтоб раздевать Плотникова.

Неужели рано еще об окончательной точке говорить? Ладно, гадать не будем, скоро, думаю, появится возможность обо всем узнать от самого Шерхана.

6.

С утра позвонил Анатолий Иванович Лесняк.

— Простите, Владимир Владимирович, что потревожил, но всю ночь Вася почему-то снился. Вот — не утерпел, позвонил. Никаких новостей по его делу нет?

— Так дело это я ведь не веду, Анатолий Иванович. Я вообще, как вы знаете, в отпуске.

— Понимаю. Но вы же сами говорили: Плотников — ваш родственник. Значит, интересуетесь, как расследование идет.

Егоров виновато вздохнул:

— Плохой я родственник. При жизни с дядей Васей всего раз и встречался, а сейчас... Сейчас действительно чаще о нем думаю. Но особых новостей нет. Так, кое-что, по мелочи.

— Ежов вам ничего существенного не сообщил?

— Да я все только собираюсь с ним встретиться. И даже представить не могу, что даст наш разговор.

— Но, Владимир Владимирович, я же, кажется, говорил вам: Ежов брал у Васи деньги на покупку дома в деревне. Несколько миллионов.

— Вы думаете, из-за такой суммы убивают?

— Я думаю, что сегодня все возможно.

Правильно думает Лесняк, отметил про себя Егоров. Раньше все-таки причины убийств четче укладывались в хрестоматийные правила. Убивали из ревности, из-за денег, по пьяной лавочке. Теперь плотину прорвало. Не делится мирно власть — и появились профессиональные наемники-убийцы, нетерпимой становится чужая слава — и опять в работе то яд, то

стволы. Кто-то на кого-то не так взглянул — получишь "перо" в бок. Не тем тоном заговорил — вот тебе свинец в лоб.

Егоров вспомнил историю своего ранения, невольно коснулся ладонью груди, ощутил шрам через тонкую ткань рубахи. Да, пулю схлопотать сейчас ничего не стоит. Потому что оружие по рукам гуляет, кто хочет, тот и может его приобрести. Потому что нескончаемые войны уже который год страну будоражат. Мальчики, которые вчера еще страшились из рогаток воробьев бить — не переносили, когда кровь из клювика капает, друг в друга бабахают. Кто не первым выстрелил, тот упал, кому повезло, тот с медалью "За отвагу" в тыл вернулся, не убитым, но ущербным. Перешагнувшим то, что кроется под понятием "болевого порог". Он уже пролил кровь, и ничего страшного не случилось, и мир не перевернулся, и люди не отшатнулись от него, и друзья рассматривают на ладонях его медаль. "Многих замочил?" — "Не считал". — "Ну и правильно!"

Пушки по людям лупят. "Айда поглядим, водку захвати, чтоб веселее было". Самолеты гробы с Кавказа десятками везут — как будто так и надо. Чуть заволнуется народ, когда по телевизору смерть очередного коммерсанта покажут, но и то лишь от любопытства заволнуется. Все приелось. Мины, яды, ножи в быт вросли. Газеты без кровавых историй не выходят.

Исчез "болевого порог". Все дозволено, всем дозволено...

— Владимир Владимирович, алло, алло...

— Я слушаю вас, Анатолий Иванович.

— Что-то замолчала трубка, я уж подумал, связь оборвалась. У меня предложение к вам, Владимир Владимирович. Не махнуть ли нам на рыбалку, а? На речку Озернику. Далековато, конечно, но зато я когда-то там таких карасей ловил! До килограмма, честное слово!

— Спасибо за приглашение, но я до конца недели занят буду. А вот со следующей...

* * *

Егоров, как всегда, примостился на подоконнике, обхватил ладонями чашку с чаем, Мяснов сидит за столом, рассказывает, как брали Шакурова.

— В квартире у него — белая арабская мебель, офигенная кухня, в ванной, туалете — черный с золотом фарфор. Хрустальные люстры, ковры на полах. На прикроватной тумбочке — коробки с сигаретами, а рядом — пачки "Примы". Шакуров,

оказывается, только "Приму" курил, а сигары держал так, для понту.

— Гена, ты конкретней говори. На арабскую мебель да на люстры мы с тобой и в магазинах полюбуемся, сейчас это запросто. По существу давай.

— Есть что и по существу сказать, Владимир Владимирович. У него стоит огромный платяной шкаф...

— Арабский, белый... — усмехнулся Егоров.

Мяснов на секунду смутился, виновато улыбнулся и продолжил:

— А в шкафу том с десяток костюмов висело. На брюках одного обнаружены капли крови. Шакуров поначалу-то отпирался, да, говорил, живет со мной Пулатова, мы с ней расписываться собираемся, а сейчас она уехала погостить к родным... Но как увидел, что мы кровь на штанах нашли, так сразу и поплыл. Делаю, говорит, добровольное признание: на почве ревности порешил невесту...

— Больше с ним ни о чем не говорили?

— Вы имеете в виду — о Плотникове? Нет, конечно. У нас же никаких фактов на руках.

— Оружия в доме не нашли?

— Ну как же, такой человек, и без оружия? Два ствола, "макаров" и ТТ.

Егоров отхлебнул чай и совершенно не почувствовал его вкуса.

ТТ. Неужели Шакуров все же додумался до того, чтоб подбросить гильзы в квартиру Плотникова? Убил фотографа и Ольгу из своего пистолета, а гильзы оставил от ствола Серебровского? Тогда он не так глуп...

— Думаю, Владимир Владимирович, признается он и по Плотникову, и по Вилю. Он убивал, он. Больше никому!

— А что с электричкой? — неожиданно поменял тему разговора Егоров. — С той, которая от Москвы шла? Конечно, и там никто ничего не видел?

— Да нет, Владимир Владимирович, как раз видели! Черт, почему я сам до этого не допер, а? Видели! Два пацана из Фроловской регулярно с вечера в Москве газеты закупают и с утра начинают их носить по электричкам. Именно с первой, которая в четыре с копейками идет, и начинают. В это утро они чуть не опоздали на нее — тропинку замело, снег прямо в лицо, — в самую последнюю минуту в вагон впрыгнули. И заметили, как в соседний вагон тоже перед тем, как дверям захлопнуться, мужчина вскочил. Они потом мимо него проходили, он в тамбуре стоял и снег с себя отряхивал. Предложили еще газету

купить, но он к окну отвернулся, ничего им не сказал.

— Но хоть что-то они заметили? Рост, возраст, бельмо на глазу, шрам на щеке?

Мяснов покрутил головой:

— Ну вы скажете, бельмо... Значит, так. Мужчина этот невысокий, лет под пятьдесят, может, чуть старше. Нижняя часть лица, от подбородка до носа, красным мохеровым шарфом была укутана, на глазах темные очки... Ночью — и в темных очках, представляете?

— Представляю. Все?

— Нет, не все. Нос ребята рассмотрели, красный у него нос, как и у Шакурова.

— От холода и у твоих пацанов носы не белее должны были быть, — проворчал Егоров.

— Но и рост подходит, и возраст, и в плечах мужик вроде широкий был... Уверен, на очной ставке опознают его ребята.

— А как же, — сказал все тем же недобрым тоном Егоров. — Особенно если только нос разглядели... А во что он был одет?

— Пальто темное, длинное, шапка темная, гладкошерстная, в руках то ли трость, то ли просто палка. Думаю, это просто палка была. Шакуров в трости не нуждается, при обыске ничего подобного мы не обнаружили. А вот темное пальто было, и шапка схожая.

— И у меня темное пальто есть. И шапка, кажется, такая, если ее еще моль не съела.

— Владимир Владимирович, — поднялся из-за стола возмущенный Мяснов. — Я не пойму, откуда ваш пессимизм? Ну все же сходится! — Он нарисовал ладонью крест в воздухе. — Вот причины, вот следствие! Шерхан не мог простить Плотникову, что тот доказал распутство Пулатовой. Логично? Что же вам покоя не дает?

— Трусые мне покоя не дают!

Егоров спрыгнул с подоконника, подошел к электрочайнику, потрогал ладонью его теплый бок, включил в розетку. Потом выплеснул остатки чая из своей чашки в пластмассовую урну и направился к подоконнику.

— Ты, Гена, меньше горячись, ты больше анализируй. На сколько, ребята твои сказали, этот очкарик в электричке выглядел? На пятьдесят, а то и старше. Так? А Лесняку сколько? А Ежову сколько? Тот же возраст. Ежова я не видел, а Анатолий Иванович Лесняк и в плечах не узок, и роста такого же, как Шерхан.

— Так вы же и Шерхана не видели...

— О Шерхане я все данные на компью-

тере прочел. И рост, и вес, и где какая у него татуировка... Прочел и подумал, что вряд ли Шакуров стал театралом, вряд ли был вхож в бомонд. Понимаешь, к чему я клоню?

Мяснов нахмурил лоб, потом покачал головой.

— Объясняю. Тебе надо доказать, что Шерхан был хорошим знакомым Серебровского, понял? Только в этом случае преступник мог войти в дом к художнику и вытащить у того пистолет из стола. Только в этом случае Шерхан мог знать, что Ольга утром будет у Плотникова. Ведь зачем раздевали убитого фотографа? Чтоб мы с тобой решили: это дело рук Серебровского. Так? Есть у тебя данные, что Шакуров был вхож к Серебровским? Сейчас, как я понимаю, наши нувориши на всех тусовках мелькают, к культуре если не приобщаются, то примазываются, так что вполне возможно, и Шерхан приобщался, но есть ли данные? Хотя намек на знакомство бывшего уголовника с художником?

— Буду узнавать, Владимир Владимирович.

— Узнавай.

Закипел чайник. Егоров прямо в чашку насыпал заварки, залил ее кипятком.

— Ну вот, теперь аромат чувствуется. А то, понимаешь, пожалел ты для меня индийского, и получилось что-то вроде ослиной мочи.

— Да я из этой же пачки заваривал...

— Свистишь!

— Это вы все шутите, Владимир Владимирович. Лучше скажите, почему вы предположили, что убийца Серебровского мог с платформы Фроловской ехать не к Москве, а от нее?

— А почему ты исключал это? — вопросом на вопрос ответил Егоров.

— Как почему? Убийце надо было спешить к фотографу.

— Спешить как раз и не надо было, он вполне успевал. — Егоров вытащил из кармана расписание электричек. — У тебя, Геннадий, как с математикой? Бери карандаш, считай. В четыре двадцать преступник заскочил в вагон и двадцать минут ехал до остановки "Дачная".

— Но до Дачной еще три остановки было, почему бы ему не выйти на одной из них?

— Это все ему не подходит. Многие электрички здесь не останавливаются. И потом обычно на маленькой станции мало людей, и люди эти друг друга знают и начинают чужаков разглядывать... Нет, убийца вышел на Дачной, в четыре сорок.

И тут тридцать восемь минут ему пришлось ждать: в такое раннее время интервалы движения на этой ветке большие, видишь? Плюсуй тридцать восемь минут. В пять восемнадцать он отправился в Москву, ехал, грубо говоря, час. Теперь уже можно говорить грубо, потому как и ты видишь: тот, кто застрелил Серебровского, прибыл на Ярославский вокзал еще до семи утра. От Ярославского до квартиры Плотникова на метро, а потом автобусом минут пятьдесят езды... Так что у убийцы было больше чем достаточно времени на то, чтоб и переодеться, и поесть, и даже поспать.

— Так кого же вы все-таки подозреваете?

— Всех пятидесятилетних. Если это, к примеру, Шакуров, то ему от вокзала до подъезда своего дома двадцать минут хода. Ежов — сосед Плотникова, мы с тобой уже посчитали, за сколько минут он мог бы добраться. Лесняк — он бы час на дорогу положил.

— Вы хоть Лесняка не подозревайте, Владимир Владимирович. Писатель как-никак.

— Ладно, Гена, не буду, уговорил. Что у тебя по Радусу, никакой информации?

— Жив-здоров он. Через пару дней возвращается в Москву.

— А чем на Ставрополье занимается?

— Пьет, гуляет и на свою фирму работает. Уже заключил несколько контрактов... Очень профессионально действует, у него, говорят, бульдожья хватка. Так что искать его на дне подмосковных прудов нам не придется.

Последнюю фразу Мяснов сказал, желая явно подколоть Егорова. Но тот, кажется, не обратил на нее никакого внимания. Сидел на подоконнике, попивал чаек и рассеянно смотрел в дальний угол кабинета.

* * *

Мужчина лет пятидесяти — пятидесяти пяти, невысокий, широкий в плечах, шел по тротуару, чуть прихрамывал, опираясь на легкую тросточку. У него — обветренное лицо человека, проводящего на свежем воздухе большую часть времени. Нос большой, багровый. На нем восседали черные старомодные очки.

День стоял безветренный, жаркий, и идущий был одет соответственно — легкие светлые брюки, такая же легкая и светлая курточка.

Егоров пожалел, что сейчас не дует холодный ветер и не идет снег. Что бы, интересно, тогда напялил на себя Ежов?

Майор сидел на скамейке за пустующим в разгар дня столиком доминошников, врытым возле подъезда дома. Он знал, когда примерно Ежов возвращается с работы, и потому пришел сюда минут за пятнадцать. Похвалил доминошников: удачное место выбрали, хороший обзор.

— Александр Федорович, вы не торопитесь? Присаживайтесь рядышком.

Ежов остановился, сощурил глаза:

— Это кто же тут у нас такой ласковый? Почему не знаю?

Тон говорившего был совсем не дружелюбный, скорее, даже злой. Такая неосознанная злость бывает, когда весь день без похмелья, болит голова.

— Так я не против, можно и познакомиться. Бутылка есть.

Глаза Ежова не потеплели, но голос чуть дрогнул:

— Ты что меня алкашом последним считаешь? Пить с кем попало?

— Я вас, Александр Федорович, считаю соседом одного моего очень хорошего старого знакомого — дяди Васи. Мы в коммуналке с ним когда-то жили. Я вчера из командировки приезжаю и узнаю, что... В общем, надо бы хорошего человека помянуть.

Ежов присел рядом на скамейку, положил руки на колени. Пальцы его заметно дрожали.

— Что-то я никогда не видел тебя у него.

— Был пару раз. Мы по телефону часто общались.

Подозрительность Ежова не улетучивалась.

— А кто тебе о гибели Василия сказал?

— Да я как только приехал, Лорику позвонил, сыну его.

Не совсем удачный ответ. Ежов напрягся так, что пальцы замерли:

— Вы с ним, с Илларионом, значит, одна компания?

Егоров тоже поменял тон, теперь он говорил обиженно:

— Я не музыкант и не педик. Я старый знакомый Василия Илларионовича. Звоню утром, днем, вечером — у него никто не берет трубку. Потому связался с Лориком.

Ежов кивнул головой: мол, все понятно. И тут же задал новый вопрос:

— Ну, а ко мне-то чего приперся?

— Я же говорю — помянуть хотел с тем, кто его знал хорошо. Да вижу, ошибся.

— Ну почему ошибся? — теперь Ежов заговорил более миролюбиво. — Раз водка есть, пойдем. Чем загрызть — най-

дется. Илларион тут недавно приходил, кое-какие вещи забирал, так мне оставил тушенку, рыбные консервы, приправы. Вася все закупал, как на случай голодухи. Пожил в нищете... Ладно, встали и пошли.

Встали и пошли.

Егоров ожидал увидеть квартиру холостяка в более запущенном состоянии. Но полы были вымыты, стекла протерты, даже стеклянная пепельница на кухне не зловонила. Хозяин тоже вроде бы несколько удивленно и одобрительно оглядел жилье.

— Раиса приходила, — заключил он. — Работящая женщина, хозяйственная. Цветков мне понатаскала, все подоконники в горшках. И полы вот отмыла. Может, разумеется? Я тебе шлепки дам.

Видно, обычно Ежов не разувался, и сейчас больно нерешительно топтался у двери. Егоров сбросил туфли.

— Не баре, можно и в носках походить.

— Дам, дам. — Ежов открыл тумбочку для обуви и к удивлению Егорова протянул ему шлепки с загнутыми вверх носками. — Бери, теперь у меня две пары таких. Васины, он их, наверное, так и не надевал, и мои. Персидские, между прочим.

— Лесняк подарил?

— Он. Давно уже, сколько-то лет назад, может даже, десять. Я их редко надеваю. А ты что, и Лесняка знаешь?

— Немного.

— Писатель. Хрен с бугра, а не писатель. Ты его что-нибудь читал? Детектив или о любви? Я не читал и не видел. Вот Васины работы видел, Вася и меня классно щелкал... — Ежов сел на стул, кряхтя, нагнулся, развязывая шнурки на туфлях. С трудом развязал один, поднял голову. — Тебя как зовут? Володя? Ты налей мне прямо сейчас, сразу, рюмашку, а? Пальцы не работают, понимаешь?

— А как же ты сегодня работал, Александр Федорович? — спросил Егоров, наполняя рюмку.

— Тактам же не со шнурками разбираться. Там метла, веник. Я мусор убираю вокруг ларьков кооперативных, клумбу поливаю, пятючок асфальтированный, где столы стоят. И все. Ну, если еще попросят что поднести, вынести, машину разгрузить... Так и то, там пальцы не нужны. А вот шнурки развязать — беда...

Он выпил, шумно потянул носом воздух.

— Ну вот, полегчало. Еще бы теперь закурить.

— Чего нет, того нет. Не курю.

— А если б и было? Я только "Нашу марку" потребляю, и все. А ее сейчас сис-

кать трудно. Все вокруг импорт курят, а по мне он отравя или баловство. "Марка" же хороша... Ладно, пойдём к столу.

Подозрительность Ежова совсем рассеялась, и Егоров повел разговор в нужном для себя русле. Для начала спросил, много ли мусора у киосков накапливается. Оказалось, не очень, в основном, окурки, обертки от жвачек, бутылочные пробки. Для уборщика — шутейная работа.

— Летом — конечно, — согласился Егоров. — А зимой, когда снег навалит?

— Это да, зимой пот по спине течет, так порой лопатой намахнешься... Да и недавно, в апреле, помнишь, как снег валил? Я раньше нужного к киоскам прибежал, чтоб ких пересменке все успеть. Хорошо, пацаны там работают вежливые, понятливые. Налили, согрели.

— Прямо с утра и налили?

— В полвосьмого. Я им уже все расчитил, тут как раз смена подошла — они ж и ночью работают, от семи до семи тридцати их меняют. Ну все: "Молодец, дядя Саня, спасибо, заходи". А чего не зайти? Я ведь, между прочим, им не только убираю, я им и рекламу сочиняю. — Ежов засмеялся. — Мне, значит, в то утро хорошей водочки налили, и я выдал: "Пьют ведром и не блют. Лучший кофе — "Абсолют". Они за животы похватались. Обещали на плакате мои стихи написать, да, видно, художника хорошего нет. Ты пишешь красиво?

— У меня корявый почерк, Александр Федорович... Так говорите, рекламу сочинили в тот день, когда снег шел?

— Не, днем он уже не шел. Ночь шел, и с утра. А к обеду и растаял весь. Я у ребят почти до обеда и просидел. Пока выпил, перекурил... Домой прихожу, а у Васи, значит, уже милиция, медики...

Егоров сидел так, что в открытую дверь кухни ему хорошо была видна вешалка, стоящая в прихожей. На ней висело длинное поношенное пальто, а поверх него — красный мохеровый шарф. Вверху на полочке покоилась облезлая ондатровая шапка. Все сходится, за исключением одного маленького недоразумения, как говорит в подобных случаях следователь Раскачаев. И пальто темное, и очки, и тросточка...

Но по тем расчетам, которые они проводили с Мясновым, Ежов с Фроловской мог добраться в Москву, на свою квартиру, только к семи часам...

— Ты, Александр Федорович, говоришь, что раньше в снегопад на работу вышел. Что значит, раньше?

— Да в шесть уж там был. Я ведь чело-

век с понятием. Если ко мне там по-доброму относятся, то и я...

Не ехал же он от платформы на такси? В такой снегопад такси не поймашь... Да что о такси думать, если Ежов до обеда гостил у кооператоров? Значит, не он стрелял в Плотникова и Ольгу, не он гильзы подбрасывал. Тут вряд ли Ежов врет. Это же элементарно проверяется.

— Закусь у тебя классная, Александр Федорович. Говоришь, Илларион все тебе оставил?

— Ну да. Я ему адресок дал... Я же Васе дом в деревне купил, он мне деньги на это выделил. Так я, значит, Васиному сыну рассказал, как к этому дому проехать, к кому там обратиться. Пусть с домом поступает, как хочет. Это теперь его дело, так же?

— А он тебе ничего не сказал, что с ним сделает? Продаст, наверное?

— Шут его знает. Он мне вообще предложил: езжай, гворит, дядя Саня, и живи там хоть до скончания века, мне, мол, деревня ни к чему.

— Не жадный, значит, Илларион до денег?

— Я же говорю: дом в деревне отдает. Он пацан со странностями, конечно, но не жадный. Вон сколько жратвы мне оставил. И чужое никогда не возьмет. Видно, по нечаянности у меня с зимы еще шарф вон тот, мохеровый, прихватил, долго я его найти не мог. А теперь, вижу, висит. Значит, когда этот раз приезжал, привез.

— Илларион брал у тебя шарф?

— А чего ты удивляешься? Брал, не брал. Говорю же, может, нечаянно. А может, и не он вовсе: ко мне-то много людей ходит. У меня Васе девять дней отмечали, может, кто из гостей принес... Но я думаю, Илларион. Он как-то зимой ко мне заскочил, ну, не ко мне, к отцу, но того дома не было. Так мы вдвоем посидели, и сдается мне, тогда он шарф и нацепил... А может, и нет? Не помню! Знаю только: искал я его тут в снегопад-то — не нашел. А теперь — пожалуйста! Висит, когда он не нужен!

Егоров представил, как выглядит Плотников-младший: высокий, узкоплечий, бледная кожа...

Нет, в ночной электричке от платформы Фроловской ехал не Илларион.

* * *

О том, как он расправился с Верой Пулатовой, Шакуров рассказывал подробно и бесстрастно.

Эта женщина его оскорбила. Она наста-

вила ему рога. Шакуров испытал унижение. Можно ли такое простить?

Раньше он никогда не был женат, хотя и говорил всем своим новым знакомым, что является вдовцом. Так для его возраста сподручней звучит, никому ничего объяснять не надо. Не хочется объяснять, что не имел возможности жениться. Первый раз сел за решетку в двадцать лет — казалось, молод еще, чтоб семью заводить. А когда вышел оттуда... Ясное дело, хорошая баба на шею зеку не бросится, а плохую зачем в загс тащить? Да и перерыв между ходками в зону выпал не такой большой, как хотелось бы.

Второй срок отмотал полностью, без всяких амнистий, решил с прошлым завязать. Дело свое открыл, приборахлился. Хозяюку в доме надумал завести. Подобрал, можно сказать, со свалки, все ей дал, а она...

— Может, Пулатову оклеветали?

— Если бы кто вздумал клеветать, тот бы долго об этом жалел, — Шакуров кисло улынулся. — Нет, все так и было. Это и ваш дружок подтвердить может, сыщик-профессионал по фамилии Нестоин. Снимки принес, где она с мужиками развлекается, деньги взял и несколько раз еще повторил: убить, мол, такую мало. Ну, а раз мент... простите, раз милиционер такое советует... Нет, я не ошибаюсь и ни на кого клеветать не собираюсь. У меня эти снимки аккуратно хранятся, проверьте, на них наверняка есть следы пальцев вашего сотрудника...

В таком духе давал показания Шерхан.

Еще задолго до того, как появились фотографии, они решили с Пулатовой расписаться перед майскими праздниками. Ну а после снимков — о какой женитьбе речь могла идти? Правда, Шакуров их Вере не показывал, прибрал в укромное место и вроде как забыл. Но не забыл, клокотала внутри злость. Думал, соберется с духом, выгонит ее из дому, отберет все, что надарил... А вышло иначе. Апрель кончается, а Пулатова каждый день круги пишет: когда, мол, регистрируемся да когда? Ну допекла, и решил он с ней объясниться. Фотографии на стол — бац! Рассчитывал, побелеет, на колени упадет. А она — в смех. "Я же красивая и молодая, посмотри, на что я тут способна! Ты гордиться мной должен". Раз так, садись в машину, поедem регистрироваться. Ну и поехали... Побить хотел и отступать, да сил не рассчитал, в раж вошел...

Шакуров говорил таким тоном, будто сюжет скучного кино пересказывал. Не оживился он, и когда разговор пошел об

избиении редактора журнала Олега Давидовича Райта.

Портрет Пулатовой в журнале — это как соль на старую рану. Глядит шлюшка Верка со всех витрин, улыбается, вроде как над ним смеется. И вторая причина. Многие знакомые Шакурова с этой распутной женщиной в компаниях видели, для них журнал — лишний раз косточки Шакурову промыть. Потому и решил скупить тираж, ликвидировать его, так сказать. А Райт не выполнил при этом договора. Что с ненадежным партнером делают? Так что редактор пусть спасибо скажет — легко отделался.

"Кто такой Плотников? Не слышал никогда о таком. Ах, фотограф, который Пулатову снимал... Как к нему Шакуров относится? А что, хороший фотограф, к нему никаких претензий нет. При других обстоятельствах за такой снимок Пулатовой, не для печати, конечно, а в семейный альбом, Шакуров из своего кармана ему бы хорошо заплатил. Что, убит Плотников? Ну ясно, зачем вы мне об этом говорите. Вы теперь всех убитых по Москве на меня готовы повесить... У своего Нестоина спросите, фотограф, как я понимаю, на него работал. Вот пусть он и ответит, что с вашим Плотниковым произошло. Пулатова — на мне, но она свое заслужила, я думаю, это теперь всем ясно. И Райту морду набили тоже с моей подачи. Все. Больше никого не трогал, как на духу признаюсь.

Так говорил Шакуров.

Дневник сыщика Егорова

На летние каникулы у Павлика задание по литературе: написать сочинение про осень. Нешаблонное, естественно, не про спелые яблоки и холодные ночи, а с философским уклоном. Папка уселся напротив меня и начал выштытывать: "Па, что для тебя осень?"

Философ из меня никудышный, осень для меня — те же спелые яблоки и холодные ночи, что и для большинства людей, но Зоя Георгиевна, знаю, любит только оригиналов.

— У философов, сын, — начинаю врать я, — осень — это когда не на улице, а на душе холодно и слякотно. Когда люди понимают, что приходит всему конец, когда нет веры ни близким, ни друзьям, когда теряет цену сама человеческая жизнь... Когда душа отмирает, понимаешь? Философы говорили, что душа есть и у птиц, и у деревьев, и у цветов. А вот выйди осенью в поле — что увидишь? Сухую стерню, палки колючие. Значит, души ото

всего живого уже отлетели. Все умерло, только оболочки остались.

— А бессмертники? — спросил Пашка. — Они же цвет не теряют, па.

— А у них, — ответил я, — это тоже лишь оболочка, только покрасивше, чем у других. Запаха нет, не вянут, солнце и дожди им до лампочки. Это они с виду живые, но души-то нет.

Пашка слушает, что-то записывает на листочке, потом опять спрашивает:

— Па, а вывод какой сделать? Зоя Георгиевна требует, чтоб сочинение на вольную тему всегда выводом заканчивалось.

— Вывод один, — ответил я, — мир входит в свою осеннюю пору. Мы уже столько утратили, что и представить сложно...

Накануне я встретился с Владиславом Юрьевичем Радусом. Розовощекий тридцатилетний крепши, нестираемая улыбка на губах. Странный у нас получился разговор.

— Вы с Шакуровым заключили пари на Пулатову?..

— Да, я его выиграл. Знаете, к Шакурову можно относиться по-разному, но он порядочный человек: отдал все до копейки.

— Обнаружен труп Веры.

— Слышал, слышал. Знаете, эти шлюшки в большинстве случаев так и заканчивают свой путь: в петле, в подворотне. У них, я бы сказал, predetermined судьбы.

— Вы знали, что вас с Пулатовой фотографировал Плотников?

— Да, веселое было приключение. Мы для него тайничок придумали...

— Из-за этих снимков Шакуров убил женщину.

— Его где-то можно понять. Он в нее столько денег вложил, а она оказалась стервой.

— А своего греха вы не чувствуете?

Радус удивленно взглянул на меня, словно пытаясь понять, не шучу ли я. Потом махнул рукой:

— Да бросьте вы, Владимир Владимирович! Сейчас не то время, чтоб лекции о нравственности читать. Что получилось, то получилось, и если еще по пустякам сами себя бичевать станем... Я ведь, кроме экономического, и гуманитарное образование имею, так что была бы охота, тоже мог бы часами на эту тему сюсюкать.

— А вам не страшно жить, Радус?

— Нет. Вас, Владимир Владимирович, nostalgia по прошлому мучает, вы человек старой формации, вы придумали сказку, что раньше было лучше...

— Да Бог с ним, с прошлым. Я о настоящем.

Человек погиб, а вы об этом рассуждаете запросто...

— Это и есть настоящее. Вы Пулатову человеком называете, а она же тварь неблагодарная! Вместо того чтоб ноги Шакурову целовать, другим отдавалась.

— Вам, к примеру?

— Мы о Пулатовой говорим, а не обо мне. Знаете, каждое создание должно быть ответственно перед тем, кто его кормит. Перед тем, кто кормит меня, я всегда честен. А Пулатову кормил Николай Константинович. Понимаете, к чему я клоню?

— Это ваша мораль?

— Это мораль нынешнего времени.

— Значит, я напрасно переживал, что Шакуров прибьет и вас.

— Меня? За что? У нас не было претензий друг к другу, мы честно выполняли свои обязательства...

Вот такой получился у меня разговор с Радусом. О нем я и вспоминал, когда говорил сыну про бессмертники. Действительно, черт-те что ведь вокруг творится. Вот убит Василий Илларионович, а кто в кругу подозреваемых? Сын его, друг его, сосед его... Я запросто об этом рассуждаю и понимаю, что даже если Илларион убил отца, то мир от этого не содрогнется. Мир в последнее время и не такое видел.

А я, значит, привыкаю к новой морали.

... — Па, ты помедленнее о выводе. Смерть души — это чего, я не понял?

— Это когда убийство любого человека не воспринимается нами как трагедия. Когда мы сознательно, ради каких-то целей, принносим в жертву других, а не себя, когда перестаем дорожить друг другом. Когда станем бессмертниками, не реагирующими ни на что. И такое время, кажется, пришло.

— Бессмертниками... Время пришло...

— Ты что там пишешь?

— То, что ты диктуешь. Про осень.

— погоди, Паша, погоди. Вырывай страницу. Мы все по-другому напишем. А то Зоя Георгиевна маме опять накапает про наши творения.

— Жалко. Хорошо так получалось.

И мы написали сочинение по-другому.

А в моем дневнике все это пусть остается.

7.

Шакуров, как выяснил Геннадий, действительно не причастен к убийству Серебровского. Сбросив в воду тело Пулатовой, он вернулся домой около одиннадцати ночи. Свидетели видели, как он припарковывал свою автомашину. В двенадцати

том часу к нему постучала соседка, попросила уменьшить звук магнитофона: тот у него на полную мощь орал. Шакуров был выпивши, а одет в пижаму и тапочки.

— Мы же, Владимир Владимирович, располагаем сведениями, что Виль Серебровский накануне смерти сидел в театральном буфете и ждал кого-то. К спиртному не притрагивался, потому как ему предстояло куда-то ехать на "Москвиче". В десять вечера раздался телефонный звонок, буфетчица сняла трубку и позвала к аппарату художника. Тот сказал всего два слова: "привет", потом, чуть позже "еду". Расплатился за кофе и попросил буфетчицу: "Если Оля будет разыскивать, скажите, что я вернусь поздно. Может быть, только утром".

— Серебровский часто дома не ночевал?

— Случалось. Это была, знаете ли, интересная пара. Или у них так принято, у театралов? Никакой ответственности друг перед другом. Он мог сутками у друзей пропадать, она — то же самое, и оба были довольны, никаких разборок не устраивали. Им все завидовали.

— Детей у них не было?

— Не было. Но все равно странная семья.

— Чего же тут странного, коль понимали друг друга. Если это только не игра была в понимание.

— Да ну! Они ведь вместе уже шесть лет прожили, и все знали друг о друге. Серебровский, к примеру, с самого начала знал, что у Ольги роман был с одним из руководителей театра, а взял да женился.

— Ладно, Гена, поищем у клубка другой кончик...

* * *

Стены фойе были увешаны фотографиями актеров театра, сцен из различных спектаклей.

Седой красивый мужчина, бывший актер, а теперь администратор Олег Маркович Палехский идет рядом с Егоровым, дает пояснения:

— Успех любого спектакля — в режиссуре, в подборе труппы, да. Но нельзя забывать ни музыку, ни декорации. Вот фото, взгляните, это мы Шекспира ставили. Декорации какие, а! Это ощущение перспективы... Серебровский, все Серебровский! Его задумки, его новаторство... Знаете, если б он не пил, он бы такого добился!..

Да, Серебровскому прощались эта слабость — он и выпивший удивлял всех умением работать. Спасибо Ольге, она под-

держивала его, без нее бы он опустился. Сцен мужу никогда не устраивала. Просто отводила пьяного домой, отпаивала травами, чаем. Ольга понимала и ценила в Серебровском талант. В любой компании она говорила о нем только хорошее. Виль, впрочем, поступал так же.

Егоров слушал Олега Марковича и молча кивал головой. Его радовала словоохотливость администратора.

— А многие из этих снимков вам, говорят, делал Плотников. Вы его хорошо знали?

Знал ли Палехский Василия Илларионовича?! Да Палехский, может быть, самым первым почувствовал талант в фотографии! Вася ведь начал делать снимки для театра, когда еще никому не был известен. Известные — они ведь три шкуры готовы были с театра содрать, а Плотников брал побожески. Уже после выполнения первых заказов руководство решило заключать контракты только с Плотниковым. И до недавнего времени он был единственным фотографом, которого привлекал театр.

— А потом он обрел славу и забыл о вас? — спросил Егоров. — И в гости, наверное, не заходил?

— Ну что вы! — Олег Маркович взял Егорова за локоток и повел к противоположной стене. — Тут у нас совершенно новые стенды, они посвящены премьерам прошедшего сезона. Снимки Плотникова. Конечно, он уже не копейки берет, уже не мы, а он ставит условия, но как видите... Вот Оленька Серебровская в костюме графини. Правда, прелестная женщина? Ее в театре так любили! Неужели невозможно найти убийц?

Егоров взгляделся в фигуру Серебровской. Пышный старинный костюм, высокая прическа, кто-то, коленапреклоненный, целует ей руку... Но на графиню она не похожа. Лицо веселое, лукавое, чисто русская улыбка, наверное, не отвечающая духу старой Англии.

— Вы сказали, что ее любили...

Палехский замер, сцепив пальцы на груди, наверное, ждал продолжения вопроса, но не дождался.

— Да, я так сказал. — Он оттопырил нижнюю губу, видимо, раздумывая, что еще добавить к сказанному. — Ее обожали. Оля не была великой актрисой. Она была даже не хорошей актрисой, а просто хорошенькой, понимаете? Симпатичным человеком. Капустники организовывала, разные праздники. У нее просто не могло быть врагов!

— Вернемся к словам о любви, — прого-

ворил Егоров и перевел взгляд с фотографии на Палехского. Это был уже не любопытный взгляд, а суровый, пристальный. — У нее были любовники из числа ваших театралов?

Егоров до встречи с Палехским уже знал, что сопровождать его по театру будет местный бабник с огромным стажем, Дон-Жуан на пенсии. В молодости, видно по всему, он был красавцем. Высокий рост, густая копна уже седых волос, тонкий прямой нос.

— Видите ли... Гм... Я понимаю ваш вопрос. Но он такой деликатной сферы...

— Я его конкретизирую, Олег Маркович. — Егоров все еще не сводил взгляда с собеседника. — Вы были ее любовником? Я слышал, что когда-то у вас с Серебровской был роман. Это так или нет?

— Кто вам сказал?... — начал было возмущенно Палехский, но, наверное, вспомнив, с кем имеет дело, поник, начал опять терзать свои пальцы до хруста в суставах. — Оля не была тогда Серебровской, и я был в разводе... У меня, кстати, были самые серьезные намерения!

"Ни хрена себе, — отметил Егоров, — серьезные намерения! Ей двадцать, ему под пятьдесят".

Палехский что-то прочел в глазах Егорова:

— И расстались мы друзьями. Мы до последнего дня поддерживали очень хорошие отношения и с ней, и с Вилем.

— Я не из полиции нравов, Олег Маркович. — Егоров опять заговорил дружелюбно. — Но вы должны меня понять. Ольгу и ее мужа убили, вот почему меня интересуют подробности ее личной жизни, в том числе и интимные стороны. Мне кажется, Ольга была слаба на передок?

Егоров засомневался: не излишне ли грубо высказался и поймет ли его администратор. Но сомнения оказались напрасными. Палехский тут же ответил:

— Да! Именно так! Она всегда активной стороной выступает... Выступала... — Словно осознав, что о мертвых не говорят плохо, он смутился, сделал паузу, а потом продолжил: — Только я бы не стал говорить об этом с осуждением. Ее даже Виль понимал. — И он театрально взмахнул рукой.

— А Виль что, безгрешен был перед ней?

— Почти что.

Егоров усмехнулся:

— Есть такая поговорка, Олег Маркович: нельзя быть чуть-чуть беременной.

"Почти что" ваше как понимать? Изменял Серебровский жене или нет?

Палехский опять уронил руки:

— У вас такие четкие вопросы... Трудно отвечать. У Виля была женщина... Но лично я не думаю, что они с ней ложились в одну постель... Просто общие интересы... Оба любили стихи Гарсиа Лорки...

— Так почему бы им и не переспать?

Палехский опять задвигал нижней губой, видно, не решаясь сказать о том, о чем он сейчас думает. Потом закрыл глаза, дернул головой. Решился.

— Хорошо, я скажу. Только это не... истина в последней инстанции, это кулуарные сплетни, возможно, вы уже знаете: Виль пил, Виль крепко выпивал. И потому, говорят, в половом отношении... он был слаб... точнее, не был в состоянии... Ну, вы понимаете меня?

Егоров кивнул. Надолго повисла пауза. Они молча теперь ходили от стенда к стенду, разглядывая их. Только когда все осмотрели, Егоров сказал:

— И эту пару вы называете счастливой. А мне кажется, они были глубоко несчастными людьми.

— Глубоко порядочными, — поправил Палехский. — Она не могла его бросить: он бы пропал. И Виль не уходил. Он понимал, что не принесет счастья другой женщине.

Остановились у ступенек, ведущих вверх, к буфету.

— Олег Маркович, последний вопрос. О Плотникове, Василии Илларионовиче. Он играл какую-то роль в жизни Ольги, Виля?

Палехский чуть заметно улыбнулся:

— Теперь вы меня уже так обтекаемо спрашиваете. Хотите знать, спала ли Ольга с фотографом? Насколько я знаю, нет, хоть и не отказалась бы, мне кажется. Но Виль и Вася были в хороших отношениях, Вася знал о болезни Виля... В последнее время он, конечно, изменился, очень изменился, я имею в виду Плотникова, но на предательство не пошел бы.

— Что значит "изменился"?

— Почувствовал болезненный вкус к деньгам. Заносить его в этом плане стало... Нет, не будем так о покойнике. Вы пойдете в буфет?

— Да.

— Проводить?

— Нет, Олег Маркович, спасибо. Я сам...

(Окончание следует)

Михаил НАЙДИЧ

Свыше двадцати книг стихов и прозы принадлежат перу Михаила Найди́ча — екатеринбуржца, активного участника Великой Отечественной войны, выпускника Уральского государственного университета. Сегодня мы знакомим вас с новыми его стихами, написанными в канун 50-летия Великой Победы

ЗА БРУСТВЕРОМ ОКОПА

Я в сорок пятом встал на костыли,
земля тогда казалась мне иною:
война гремела, но уже вдали,
а Сталинград остался за спиною.
Мне так хотелось рассказать о том,
как дым снарядный
в заводах клубился.
Но карандаш был нем.
Еще на нем
не наконечник — стреляная гильза.
Мои однополчане шли в огне —
суровые и верные присяге.
И может, кто-то вспомнил обо мне,
расписываясь твердо
на рейхстаге.
...И в камыши ударила река,
откликнулась ей сразу роща птичья,
когда внезапно первая строка
пробилась сквозь мое косноязычье.

ПОСЛЕ НАЛЕТА

Что встревожилась ты, пехота?
Почему на лицах испуг?..
Тишина после артналета

поразительна...
Как-то вдруг
стала роща тревожной, голой,
и на миг показалось нам,
что осколками сразу
горло
перерезало соловьям.

ВТОРЫЕ

Луна побледнела на склоне,
рассвет, фиолетовый дым.
Стоим во втором эшелоне...
"Стоим?.."
Нет, не просто стоим —
траншеи глубокие роем.
Теплынь.
Пестрота птичьих стай.
И будь ты хоть трижды Героем,
одна здесь задача —
копай!..
Здесь каждый и грязен, и потен,
лишь дождик звенит, серебрист.
А майский сиреневый полдень,
как совесть солдатская,
чист...

...
 Лишь перегнешься через бруствер —
 увидишь сразу за версту,
 как с потаенной светлой грустью
 роса стекает по листу.
 И здесь, на травах, тоже росы,
 и мир един — и там, и здесь.
 И клен, правофланговый, рослый,
 такой же точно: в каплях весы!
 На взгорках в каплях и гречиха,
 а стебелек ее упруг.
 Обстрела нет. Покуда тихо.
 Вот и глядим, глядим вокруг...
 Но стоит солнцу осчастливить
 траву сиянием лучей —
 росинки высохнут...
 Они ведь
 не то, что слезы матерей.

...
 Хватало и мужества,
 но... мы молчали об этом,
 шутили. За каждой шуткой
 одну лишь видели цель:
 скорее бы темная ночь
 захлебнулась весенним рассветом,
 когда — диск за диском —
 ударит воевую капель!
 Мы боль и страдания
 не принимали на веру;
 но вспомни эвакогоспиталь,
 вспомни еще раз, друг.
 Лежала девочка-связистка,
 красивая, как Венера,
 такая же как Венера —
 без рук...

ДВЕ СТРОКИ

В небе месяц кукольный
 над передним краем,
 а в печурке угля
 шепчут: "Догораем!"
 Передышка кончится,
 нас подкараулит, —
 в поле кто-то скорчится,
 повстречавшись с пулей.
 А пока над соснами
 воздух реут ракеты.
 Мирное да росное

утро, где ты, где ты?
 Ночь... не убежит она
 от бойцов, однако?
 Всплыли неожиданно
 строки Пастернака.
 Строки не трескучие,
 а живут и дышат:
 "Тишина — ты лучшее
 из всего, что слышал".

ЧЕРНОЗЕМ

Как часто на переднем крае,
 в пути, что был щемяще долог,
 руками землю разминая,
 мы натыкались
 на осколок.
 В руках комок земного шара! —
 молчишь, волнуясь поневоле:
 нет, не спасенный от пожара,
 от издевательства и боли, —
 один комок... А здесь планета,
 она за бруствером окопа,
 где жаждут солнца, воли, света
 все эти степи, вся Европа!
 И солнце, землю понимая,
 здесь никуда себя не денет, —
 и хорошо, что дело к маю
 и к этой самой цифре Девять!
 Конец войне. Конец разлуке.
 Ну что ж, друзья, мы снова дома.
 ...Не отмывались долго руки
 от въевшегося чернозема.

СУМКА

Нет, лучше матерей никто на свете
 не знает, как недели мчатся быстро,
 как дети дорастают до министра
 и просто до солдата...
 Дети, дети!
 Трава густая, как всегда в июле,
 и небо над Россией голубое.
 Зачем же снова снится поле боя?
 Зачем вы, дети, лезете под пули?..
 Осталась куртка, купленная в ЦУМе,
 букварь, обрывок детского рисунка.
 Да и вдобавок полевая сумка,
 доставленная другом из Сухуми.

ПОСЛЕДНИЙ СНИМОК МАРШАЛА ЖУКОВА

**Вспоминает ветеран
военной фотожурналистики Евгений Халдей**

В ноябре 1972 года у меня дома зазвонил телефон. Я взял трубку.

— Евгений Ананьевич?

— Да, это я.

— Здравствуйте, с вами говорит адъютант маршала Жукова. Сейчас будете говорить с Георгием Константиновичем.

Я, честно говоря, подумал, что меня кто-то разыгрывает. И вдруг действительно послышался шорох, потом:

— Евгений Ананьевич, здравствуйте!

— Здравия желаю, товарищ Маршал Советского Союза, — по-военному ответил я.

— У меня к вам просьба. У меня есть маленькая фотография, где я снят во время Парада Победы на белом коне, когда объезжаю войска напротив ГУМа. На обороте фотографии написано, что ее автор — вы. Фотография эта мне очень нравится. Я вам потом, когда мы встретимся, объясню почему. Не могли бы вы сделать эту фотографию большего размера?

Большого размера? Я спрашиваю:

— 50 на 60? — это был для нас тогда обычный, стандартный формат.

— Да нет. Если можно, сделайте, пожалуйста, еще больше — метр на метр двадцать, к примеру.

Я сразу прикинул: потребуется рулонная бумага, специальный фотоувеличитель...

Отвечаю:

— Хорошо, сделаю. Непременно.

— Сделайте. Я потом вам еще раз перезвоню, потому что не всегда бываю здоров, — и добавил: — Пожалуйста.

Такой вот разговор. Я приступил к исполнению этого очень ответственного заказа. Сделал, натянул фотографию на планшет и стал ждать звонка от маршала Жукова. Прошло, наверное, две недели, и он позвонил:

— Ну как, сделали?

— Да, все в порядке.

— Значит, завтра к вам подъедет "Чайка", привезет вас ко мне на дачу. Адрес вам знать не нужно, вас доставят.

— Хорошо, спасибо, — и добавляю: — Может, мне взять с собой еще некоторые военные фотографии?

Жуков говорит:

— Конечно. Я всегда с удовольствием смотрю военные снимки. Так что привозите.

Так и получилось. Вскоре приехала машина. Я втиснул в нее эту огромную фотографию, и мы поехали к маршалу. Адрес точно сказать не могу, но это где-то в районе Рублевского шоссе.

Приехали мы на дачу. Я вошел в дом, повесил на вешалку плащ и увидел Жукова, сидевшего в кресле в шерстяной рубашке. Рядом с ним стояла трость...

— Вот таким я его застал, — говорит Евгений Ананьевич, показывая мне фото-

графию. — Грустно было, конечно, видеть его в таком виде, ведь я запомнил маршала совершенно другим...

Жуков посмотрел на меня внимательно, говорит:

— Что-то я вас не помню, — имел в виду, конечно, среди нашего брата репортера.

Я вообще-то часто снимал Георгия Константиновича, но чтобы он меня запомнил... Отвечаю:

— Так ведь когда я фотографировал вас, у меня всегда лицо было закрыто фотоаппаратом.

— Да, — соглашается, — у вас работа такая.

Я аккуратно снял бумагу, в которую был завернут большой снимок, показал его маршалу.

— Вы просили этот снимок?

— Да, я говорил именно о нем. Спасибо вам большое. Теперь я расскажу вам тайну, почему эта фотография мне особенно нравится. Я ведь в прошлом кавалерист. А вы, снимая меня на коне, захватили момент, когда все четыре его ноги оторвались от земли. Слово коня в воздухе парит.

Я смутился. Думаю: Господи, надо же — такой человек, а для него важно, что все четыре ноги оторвались от земли!

Жуков спрашивает:

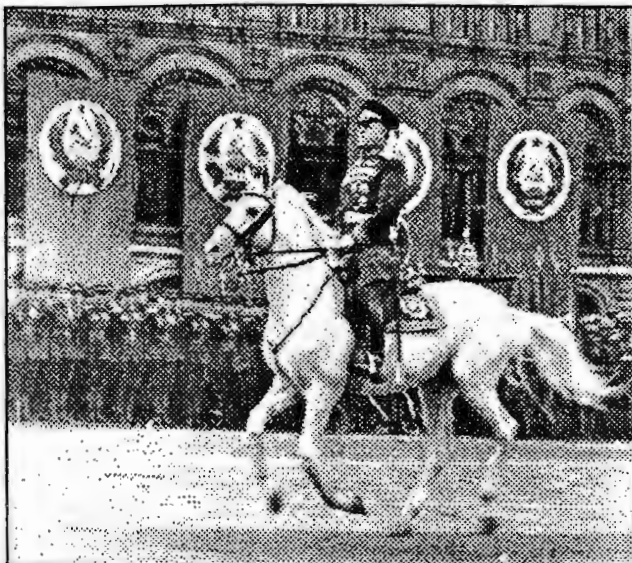
— Сколько раз вы успели снять?

— Только два раза.

— А почему так мало?

— Нервы не выдержали, — отвечаю.

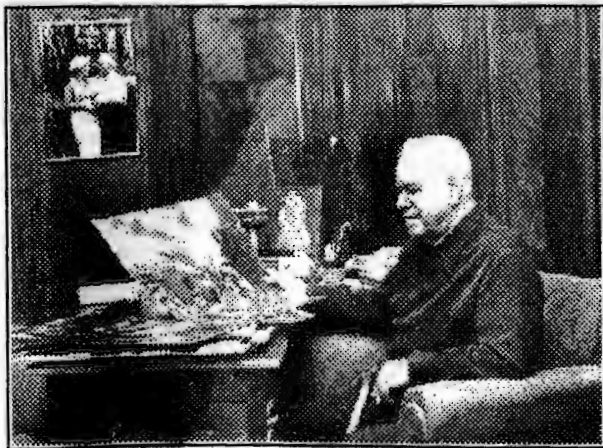
— А как это? Расскажите, мне это очень интересно.

Я рассказал ему, как стоял возле Спасских ворот, как все время поглядывал на часы — то на свои наручные, то на кремлевские... Нервничал. Парад должен был начаться в 10 утра. И вот наконец пробил куранты. Оркестр грянул, именно грянул марш Глинки "Славься!". И я почувствовал, что не могу унять дрожь в руках. Ноги словно затекли. Не могу пошевелиться. Жуков выехал из ворот. Красиво было, нарядно. Я щелкнул один раз, второй. Маршал проскакал на коне мимо солдат, которые стояли с опущенными фашистскими знаменами, и направился вдоль ГУМа. Я пробежал еще метров десять, дальше уже стояли войска, которым предстояло принимать участие в Параде Победы. Сфотографировал его, а больше ничего не могу сделать. Руки опустились, ноги стали ватными...

Когда я сказал Жукову, что не в состоянии был больше бежать, снимать, он говорит:

— А вы думаете, я иначе себя чувствовал? Конь плавно понес меня по площади. Я останавливался, солдаты кричали "Ура!". Я их поздравлял, а все мысли были далеко позади, за спиной. Я каждого солдата вспоминал, тех, кто во время войны на разных фронтах погиб, кто не дожил до этого счастливого и красивого дня.

Записал капитан
С. БОГДАНОВ.
Фото Е. ХАЛДЕЯ.

Узелки на память

Дела домашние

Полковник в отставке А.РОКШИН уже выступал у нас в журнале (1995, №5) с "узелками на память", помогающими успешно решать всевозможные житейские вопросы. Предлагаем очередную подборку советов ветерана внутренних войск, которые, надеемся, окажутся весьма полезными для многих из тех, кто занимается ведением домашнего хозяйства.

КАК СОХРАНИТЬ ХЛЕБ

В полиэтиленовом пакете с дырками хлеб не черствеет и не плесневеет 4-5 дней. Диаметр дырок в пакете — 10-12 мм, расстояние между ними — 5 см.

И еще. Свежая, вымытая зелень, завернутая в бумагу и положенная в полиэтиленовом пакете в холодильник, сохраняется также довольно долго.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ЭЛЕКТРОБАТАРЕЙКИ

Батарейка села и не работает. Вскройте ее крышку, залитую гудроном или воском, и, убедившись, что цинковый цилиндрок, угольный порошок и стержень батарейки целы, опустите батарейку в насыщенный раствор поваренной соли (две столовые ложки на 2-3 стакана воды). Прокипятите батарейку в этом растворе 10-15 минут. Затем вновь установите на место герметизирующие прокладки и сверху замажьте пластилином, оконной замазкой или воском. Батарейка готова к новой жизни.

КЛЕИТ... ПЛЕНКА

Если расколослась крышка фарфорового чайника, разбилось блюдо, сильно не огорчайтесь. Хорошо нагретые места изола проложите полиэтиленовой пленкой и сразу же плотно сожмите. Получившийся после охлаждения шов будет прочным и незаметным. Таким же способом можно склеивать деревянные бруски с металлическими, плитку с бетоном и т. п., поддающиеся нагреванию от пламени огня, например, паяльной лампы.

ХОТЬ В КИПАТКЕ

Если наденете на руки шерстяные перчатки, а на них еще и резиновые, то можете работать руками хоть в кипятке.

ШАПКА "ЛЕЧИТ" ШАПКУ

У меховых шапок (чаще всего в затылочной части) волокна вытираются, образуется "лысина". Устраняйте ее следующим

образом: начешите из шапки волокон и на голое место, предварительно смазанное клеем "Момент", равномерно их уложите. Потертость шапки будет незаметной.

КРЕМ И ОБУВЬ

Несколько капель сахарного сиропа, добавленные в сапожный крем, улучшат его качество, дольше сохранят блеск обуви.

ХРАНЕНИЕ ЯИЦ

Жара на улице, а в садовом домике нет холодильника. Как сохранить яйца? Залейте их известковой водой. Будут свежими все лето.

ЧЕГО НЕ ЛЮБЯТ ТАРАКАНЫ

Наши предки лучше нас знали природу и ее обитателей. Ведя извечную войну с тараканами, они подметили, что те не терпят цветущей ржи. Вятичи, например, издавна избавляются от тараканов пучками цветущей ржи, развешивая их на стены избы.

ВАННЕ ПОМОЖЕТ СКИПИДАР

Ванну довести до белизны можно скипидаром.

С ПОМОЩЬЮ ЧЕСНОКА

Чтобы столовые приборы из мельхиора и серебра приобрели чистоту и блеск, прокипятите их в концентрированном отваре шелухи чеснока.

ПИРОГИ НЕ ПОДГОРЯТ

Пироги в газовой духовке не подгорят снизу, если под "рабочий" противень подложить "нерабочий" или несколько огнеупорных кирпичей, но в последнем случае духовку надо предварительно как следует прогреть.

ТЕСНЫЕ САПОГИ

Будет меньше мучений, если надевать их с помощью капронового чулка. Нога по чулку хорошо скользит. Сам чулок хорошо вынимается (выдергивается из сапога).

Кстати с помощью старого капронового чулка и паяльника можно склеить что угодно: приклеить заплату, подошву, в том числе на валенке.

ЕСЛИ ХОЛОДИЛЬНИК СТАРЫЙ...

Он, как правило, дребезжит (чаще всего из-за ослабевшей подвески компрессора). Избавиться от неприятного шума можно так: взять резиновый жгут или бинт (эластичные бинты продаются в аптеках), одним витком обвить компрессор, а концы с натяжением закрепить на боковых стенках корпуса холодильника.

Он, как правило, имеет неприглядный вид. В этом случае в одной части нашатырного спирта размешайте две части зубного порошка и бумагой, смоченной в этом растворе, протрите поверхность холодильника: он приобретет первоначальный блеск.

Он, как правило, имеет прохудившийся уплотнитель у дверцы, и она при закрытии холодильника не обеспечивает герметичность. Дефект легко устранить: рядом со старым уплотнителем приклейте новый (если позволяет конструкция дверцы), мягкую резиновую трубку целиком или разрезанную вдоль на две половинки.

КАК ЗАТОЧИТЬ НОЖИ

Надо нож предварительно на полчаса погрузить в слабый раствор поваренной соли (чайную ложку на большую чашку воды). Нож, ножницы, коса, лопата после этого точатся превосходно на оселке и не скоро тупятся.

КАК ЗАБИВАТЬ ГВОЗДИ

Чтобы забить гвоздь в доску и не расколоть ее, надо затупить гвоздь. Острый гвоздь раздвигает волокна древесины, раскалывает ее, а тупой — рвет волокна.

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАКИПИ

Старинный способ таков. Наполните чайник (самовар) сырой картофельной кожурой до верха, налейте воды и как можно дольше кипятите. Затем кожуру замените и еще раз вскипятите. Посудина снова будет чистой.

ПИЛИТЬ БУДЕТ ЛЕГЧЕ

Пилить дерево будет гораздо легче, если натереть полотно мылом.

ЧТОБЫ ОЧКИ НЕ ЗАПОТЕВАЛИ

Чтобы стекла очков не запотевали, утром протрите их намыленной тряпочкой и отполируйте фланелью (можно добавить несколько капель глицерина).

МОЛЬ ИСЧЕЗНЕТ

Для предохранения меховой одежды от моли следует уложить ее в хлопчатобумажный мешок, на дно которого высыпать немного табака и щепотку черного перца.

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ МУРАВЬЕВ

Возьмите кусок (100-200 грамм) старого соленого пожелтевшего сала, наколите сало на вилку и протрите разогретую сковородку всеми сторонами сала, то есть обжарьте его. Положите сало в мелкую тарелку и оставьте его на том месте, где водятся муравьи.

"ЛЕЧЕНИЕ" ПЛАЩА

Долго не ношенный затвердевший прозрачный плащ можно снова сделать эластичным: намочите его в растворе нашатырного спирта (стакан на три литра воды), а потом вытрите насухо.

ЛЮБИШЬ ЧАЙ — ХРАНИ УМЕЛО

Чай любят все, но парадоксальный факт: не все умеют правильно его хранить. В домашних условиях чай лучше хранить в фарфоровых или фаянсовых чайницах, либо в стеклянных банках с при-

тертой стеклянной пробкой или завинчивающейся крышкой. Во всех других герметических посудах (металлических, пластмассовых, пластиковых и т.д.) чай хранить нельзя.

Во время чистки овощей, особенно чеснока и лука, а также при разделывании мяса, рыбы руки пропитываются запахом этих продуктов, поэтому сразу братья после них за заварку чая не рекомендуется.

КАК УМЕНЬШИТЬ ПОДПАЛИНУ

Если во время глажения вы подпалили материю, намочите пятно раствором борной кислоты, затем стирайте вещь в воде комнатной температуры.

КАК ОБНОВИТЬ УТЮГ

Если поверхность утюга стала шершавой, протрите ее ватой, смоченной в нашатырном спирте, затем включите утюг и прогладьте им влажный кусок ткани. Утюг снова станет чистым.

КАК СТЕНЕ ПРИДАТЬ БАРХАТНЫЙ ОТТЕНОК

Чтобы придать стене бархатный оттенок, прибавьте в краску помимо клея немного клейстера, заваренного из пшеничной муки.

РАЗНИЦА В ДЕСЯТЬ РАЗ

Если морковь употреблять просто так, то содержащийся в ней каротин усваивается организмом всего лишь на 6 процентов. А если морковь заправить маслом или сметаной, организм усвоит каротин почти на 60 процентов.

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ КАШЛЯ

Нарезать очень тонкими ломтиками редьку. Посыпать каждый ломтик обильно сахаром. Примерно через полдня появится сок редьки, смешанный с сахаром. Лекарство готово. Доза: одна столовая ложка каждый час.

Или так: нарезать редьку маленькими кусочками, положить в кастрюлю и посыпать сахаром. Печь в духовке в течение двух часов. Процедить, выбросить кусочки редьки, а жидкость слить в бутылку. Доза: две чайные ложки три-четыре раза в день перед едой и на ночь перед сном.

РУКИ БУДУТ ЧИСТЫМИ

Перед грязной работой рекомендуется надевать на руки невидимые защитные "перчатки" из мыла. Руки густо намыливают и несколько минут высушивают. По окончании работы "перчатки" легко смываются.

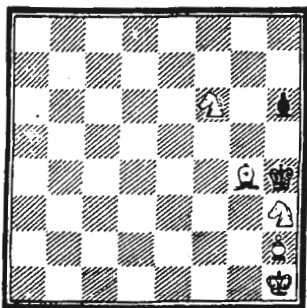
Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

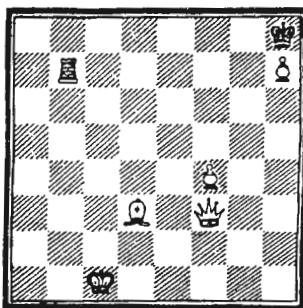
№ 33. А. Галицкий, 1905

№ 34. А. Кремер, 1936

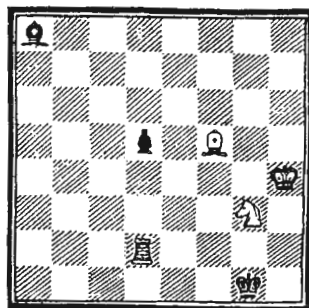
№ 35. Е. Цеплер, 1951

Мат в 4 хода

Мат в 3 хода

Мат в 4 хода

В шахматной композиции два типа произведений: художественные и конструктивные (аналитические). Трудность решения первых состоит в открытии идеи, после чего все становится простым, вторых — в анализе, часто удивительном.

В № 33 реализована идея распахивания: 1.Сс8! h5; черные запатовались, но 2.Кd7! Кр:h3 3.Ke5+ Крh4 4.Кf3X! Подобная идея получила название индийской.

В миниатюре № 34 представлена так называемая бристольская тема, ее сущность в прокладке пути: 1.Лb1!! Крg7 2.Фb7+ Крh8 3.Фb2X!! 2...Крf6 3.Лb6X, 2...Крf8/h6 3.h8ФX.

Попробуйте открыть идею превосходной миниатюры № 35.

А вот предлагаем вашему вниманию супермалютку из прошлого века: Кра6, Ла7 (2) — Крb8, п.с2(2), ничья. Составлена она в 1864 году английским шахматистом Е. Куком. За сколько минут (а может, секунд) вы решите ее? Испытайте себя!

Любителям гетеродоксальных жанров предлагаем решить нетрудные задачи: № 36. Крh2, Лf3, Ка3 (3) — Крb2, Се6, Кf2 (3), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения, в которых матуют конь и ладья с одного и того же поля. № 37. Крd3, Лс7, Cd5 (3) — Кре5, Кd4, nn.d7, d6 (4), кооперативный мат в 3 хода, 2 решения.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

(“На боевом посту” 1995, №10.)

№ 31. Крh2, Фа1, Сb3 (3) — Крс5, Лс3, па5 (3), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1.Крb5 Фh1 2.Лс5 Фb7X!, 1.Крb4 Са4 2.Ла3 Фd4X!

№ 32. Крf1, Фс2, Лh4, Сс1, Кd6, Кf5 (6) — Крf3, Фа1, nn.f6, f2 (4), обратный мат в 2 хода. 1.Ла4!, цугцванг; 1...Ф:a4 2.Фd1+ Ф:d1X, 1...Фb1 2.Фd3+! Ф:d3X, 1...Фe5 2.Фe2+ Ф:e2X и другие варианты.

ЭТО ЛЮБОПИТНО

Немецкий философ XIX века А. Шопенгауэр писал: “Шахматы возвышаются над другими играми, как горный пик Чимборасо над кучей навоза”.

— К какой шахматной школе вы принадлежите? — спросили у немецкого шахматиста Рихарда Тейхмана.

— Никаких школ в шахматах нет, есть только хорошая и дрянная игра, — последовал ответ.

В 1919 году Х. Р. Капабланка дал сеанс одновременной игры на 36 досках в палате общин Британского парламента. 34 партии он выиграл, в двух была ничья. После сеанса репортер одной из газет поинтересовался его мнением об игре противников.

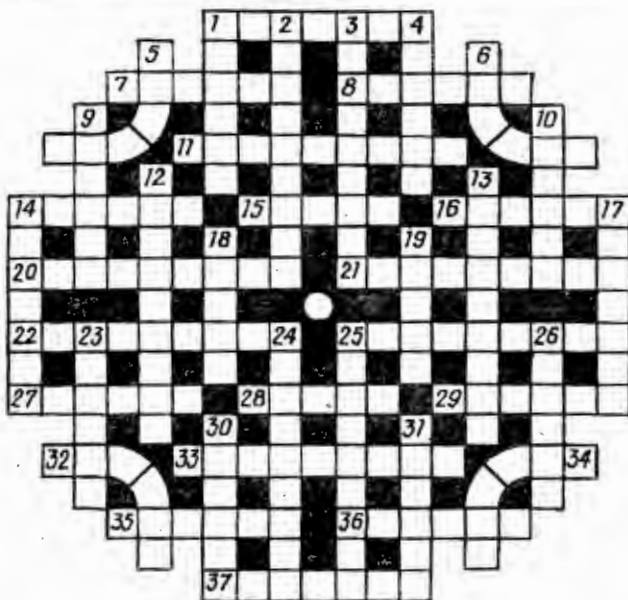
— Я не заметил среди них глубоких стратегов, — сказал Капабланка, — но обратил внимание на одного весьма хитроумного тактика. Этот джентльмен то и дело пытался либо сделать лишний ход, либо незаметно снять с доски одну из моих фигур, когда я делал ходы на других досках.

Не о прообразе ли Остапа Бендера говорил Капабланка?

В 1598 году король Шотландии Иаков не советовал чрезмерно увлекаться шахматами, поскольку “игра сия слишком мудра и сложна, она не только не отвлекает от забот, но, напротив, дополняет их новыми”.

Спустя несколько лет английский философ Роберт Бертон писал: “Шахматы — увлекательная игра, отвлекающая нас от забот и печалей, хотя она может показаться слишком сложной тем, кого природа обделила мозгами”.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Совершение выдающихся действий, личное мужество. 7. Метательное копье на коротком древке. 8. Роман Ю.Бондарева. 11. Воинское звание. 14. В древнегреческой мифологии сын Зевса и Алкмены, обладавший большой силой. 15. Привал войск под открытым небом. 16. Военный корабль, ведущий самостоятельно боевые действия на море. 20. Бойница, отверстие в стене сооружения для ведения огня. 21. Участок местности, оборудованный для обучения вождению танков. 22. Название космонавта в США. 25. Военные формирования особого назначения в армии Великобритании. 27. Малая планета. 28. Стихотворение военных лет поэта А.Прокофьева. 29. Вооруженные силы государства или часть их. 32. Напиток богов, дававший им бессмертие. 33. Ответный удар. 34. Исследование путем рассмотрения предмета со всех сторон. 35. Торпеда, направляемая водителем-смертником. 36. Взрывчатое вещество. 37. Сообщник преступника, готовый на любые действия.

По вертикали: 1. Глава германского фашистского государства в 1933-1945 гг. 2. Сигнальный пистолет для стрельбы сигналь-

ми и осветительными патронами. 3. Военнослужащий, ведающий снабжением. 4. Цель для стрельбы. 5. Быстрое, стремительное передвижение войск. 6. Территория или часть территории государства, окруженная со всех сторон территорией другого государства. 9. Специальное помещение на корабле для хранения артиллерийских боеприпасов. 10. Титул главнокомандующего действующей армией в Османской империи. 12.

Участок водной поверхности в установленных границах района моря или порта. 13. Капсюль, вызывающий взрыв снаряда, мины, авиабомбы. 14. Ручной боеприпас взрывного действия. 17. Профессиональное занятие — изготовление изделий ручным, кустарным способом. 18. Старинная сталь для клинков. 19. Символ воинской чести. 23. Имущество, боеприпасы и т.д., захваченные при победе над противником. 24. Влечение, стремление, потребность в связи с чем-нибудь. 25. Воинское звание в русской армии и ВМФ. 26. Войска, высаженные на территорию противника. 30. Холодное короткое колющее оружие. 31. Служебное сообщение, донесение командиру.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 10

По горизонтали: 3. Символ. 4. Подвиг. 6. Отпуск. 8. Патент. 10. Ресурс. 11. Апогей. 12. "Тарасюк". 14. "Перекоп". 16. Монитор. 19. Метро. 20. "Новик". 21. Ямамото. 24. Оборона. 27. Америка. 29. Возраст. 30. Новиков. 31. Подразделение. 36. Ложемент. 37. Майданек.

По вертикали: 1. Корпус. 2. "Победа". 3. Сражение. 5. Гастелло. 6. Оружие. 7. Клир. 8. Пирс. 9. Трофеи. 12. Теплолокатор. 13. Командование. 14. Пакля. 15. Рамка. 17. Токио. 18. Рубка. 22. Мемориал. 23. Минреп. 25. Рожище. 26. Наводчик. 28. Рында. 32. "Дым". 33. Аян. 34. Лье. 35. Нид.

Составил Е.КУЛИКОВ.

Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет прием на военную службу по контракту во внутренние войска МВД России

На военную службу по контракту принимают граждане Российской Федерации в возрасте: лица мужского пола — от 18 до 40 лет; лица женского пола — от 20 до 40 лет (кроме имеющих ребенка в возрасте до 8 лет).

Военнослужащие по призыву, изъявившие желание поступить на военную службу по контракту, подают рапорт по команде, а граждане, пребывающие в запасе, и граждане женского пола, желающие поступить на военную службу по контракту, представляют районному (городскому) военному комиссару по месту воинского учета (жительства) следующие документы: личное заявление, автобиографию, копии документов об образовании и рождении, характеристику, справку из домоуправления о составе семьи и месте жительства, фотографии. Женатые (замужние) кандидаты на службу по контракту, кроме того, представляют копии свидетельств о браке и рождении детей.

На военную службу по контракту принимают признанные при медицинском освидетельствовании годными к военной службе или годными к военной службе с незначительными ограничениями.

Отбор пребывающих в запасе и лиц женского пола, не состоящих на воинском учете, на военную службу по контракту осуществляется в два этапа:

на первом этапе (в военных комиссариатах) — профессиональный отбор кандидатов на службу по контракту;

на втором этапе (в воинских частях) — конкурсный отбор и прием кандидатов на службу по контракту.

Подготовка предложений командирам воинских частей о приеме или отказе (с указанием причин) в приеме кандидатов на военную службу по контракту осуществляется аттестационными комиссиями воинских частей на основании изучения личных дел, заключений о состоянии здоровья, результатов проверки физической подготовки и профпригодности граждан к военной службе.

Первый контракт о прохождении военной службы заключается:

с поступающими на воинскую должность, замещаемую солдатами (матросами), сержантами, старшинами), — на 3 года;

с поступающими на воинские должности, замещаемые прапорщиками (мичманами), а также офицерами, — на 5 лет;

Военнослужащим, поступившим на военную службу по контракту, законодательством гарантируется:

а) получение:

ежемесячного денежного содержания в зависимости от занимаемой должности и воинского звания;

единовременного денежного вознаграждения в размере не менее трех окладов денежного содержания по итогам календарного года за добросовестное исполнение должностных обязанностей;

выплаты на первоначальное обустройство хозяйством в виде беспроцентной ссуды в размере до 12 окладов денежного содержания на срок до трех лет в случаях заключения контракта на 5 лет или при заключении первого брака;

ежегодной денежной компенсации за санаторно-курортное лечение и организацию отдыха во время отпуска в размере шести минимальных размеров оплаты труда на самого военнослужащего и трех минимальных размеров оплаты труда на жену (мужа) и каждого несовершеннолетнего ребенка;

пособия в размере пятилетнего содержания при получении ими увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, исключающих для них возможность дальнейшего прохождения военной службы; бесплатной медицинской помощи;

б) оплата занимаемой ими и проживающими с ними членами семьи жилой площади в домах государственного, муниципального и ведомственного жилых фондов и коммунальных услуг, независимо от принадлежности жилых помещений, а также установки и пользования квартирными телефонами в размере не более 50 процентов;

в) освобождение от уплаты подоходного налога с денежного довольствия, денежных вознаграждений и других выплат, получаемых в связи с исполнением обязанностей военной службы, а также от уплаты земельного налога и налога на имущество физических лиц;

г) обязательное государственное страхование на случай гибели (смерти) или увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, полученного в период прохождения ими военной службы;

д) бесплатный проезд к месту проведения основного отпуска и обратно, бесплатный проезд членов семей военнослужащих к месту использования отпуска и обратно один раз в год;

е) бесплатное пользование всеми видами общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (кроме такси);

ж) выбор постоянного места жительства в любом населенном пункте Российской Федерации при увольнении в запас или отставку.

Кроме того, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, пользуются и другими правами и льготами, предусмотренными законами Российской Федерации.

ПРИГЛАШАЕМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ ВО ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА!

Ф. СП-1

Минсвязи Российской Федерации Роспечать											
АБОНЕМЕНТ на газету журнал		(индекс издания)									
НА БОЕВОМ ПОСТУ		Количество комплектов									
На 1996 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
		(фамилия, инициалы)									

✂

			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
			на газету журнал								
			(индекс издания)								
ПВ	место	ли-тер									
НА БОЕВОМ ПОСТУ											
Стои-мость	подписки		руб.	Количество комплектов							
	пере-адресовки		руб.								
На 1996 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
		(фамилия, инициалы)									

✂

ВЫПИСЫВАЙТЕ, ЧИТАЙТЕ!

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Индекс для индивидуальной подписки 70610. Подписная цена: на 1 месяц — 8000 руб., на 3 месяца — 24000 руб., на полугодие — 48000 руб.

Индекс для предприятий и организаций 73175. Подписная цена: на 1 месяц — 10000 руб., на 3 месяца — 30000 руб., на полугодие — 60000 руб.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки "ПВ — МЕСТО" производится работниками предприятий связи и Роспечати.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ "НА БОЕВОМ ПОСТУ"

Сборник учебно-методических материалов "ВОЙСКОВОЙ ВЕСТНИК" (выходит три раза в полугодие). Индекс 73515. Цена экземпляра — 5000 руб., стоимость подписки на полугодие — 15000 руб.

Газета "СИТУАЦИЯ" (выходит четыре раза в месяц). Индекс издания 50157. Подписная цена: на 1 месяц — 3200 руб., на три месяца 9600 руб., на полугодие — 19200 руб.

Песни из боя

Так уж повелось, что каждый раз, возвращаясь из командировки в Чечню, мы обязательно привозим записанные на кассету или в блокнот песни, рожденные на этой войне. Вот и в моем журналистском блокноте появились поэтические строки, принадлежащие контрактнику рядовому Шухрату ХУСАИНОВУ. Его песни проникнуты болью и горечью за тех, кто сегодня идет по разбитым войною дорогам...

Старший лейтенант
Сергей КОЛЕСНИКОВ.
Фото автора.

Вальс для БТРа

Аргун, Ведено и Шали,
Шатой, Гудермес и Самашки —
Мы много с тобою прошли
Разбитых войною дорог.
Ты реался на минах, дружок,
Я дважды взлетал на растяжках,
Да, видно, нам рано с тобой
Ступать за небесный порог.

Горела под нами земля,
Чем дальше горела, тем ближе.
Сплавлились мы в душу одну,
Неписанный кодекс храня.
От пыли, воды и огня
Ты стал из зеленого рыжим,
А, впрочем, на этой войне
Я тоже взрослел не по дням.

Недолго нас терпит земля,
Но, к Богу свой путь направляя,
Я вспомню последний наш бой
И этот проклятый снаряд.
Как пулям, летящим в меня,
Разорванный бок подставляя,
Ты молча прощался со мной,
Войною подаренный брат.

Не по уставу

Нервы не сталь. Мы устали, не скрою,
Ждать своей пули из темноты.
Не по уставу водку пить после боя,
Не по уставу с генералом на "ты".

...Как они шли без надежды и веры,
Как они клали свои животы...
Не по уставу здесь горят бэтэзры,
Не по уставу льнут к прицелам цветы.

Так и живем мы, прильнув к панорамам,
Вряд ли вернемся все по домам...
Не по уставу снимся мы нашим мамам,
Не по уставу снятся девушки нам.

Медаль Суворова

Положение о медали Суворова

Медалью Суворова награждаются военнослужащие сухопутных войск, ракетных войск стратегического назначения, войск противовоздушной обороны, пограничных, внутренних, железнодорожных войск, войск гражданской обороны Российской Федерации за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и государственных интересов Российской Федерации, при несении боевой службы и боевого дежурства, на учениях и маневрах, при несении службы по охране государственной границы, за отличные показатели в боевой подготовке и полевой выучке в период прохождения военной службы.

Медаль Суворова носится на левой стороне груди и при наличии других медалей Российской Федерации располагается после медали "За спасение погибавших".

Описание медали Суворова

Медаль Суворова имеет форму круга, диаметр медали 32 мм, с обеих сторон — выпуклый бортик.

На лицевой стороне медали — профильное (влево) погрудное изображение А.В.Суворова. Вдоль верхнего края — надпись рельефными буквами "Александр Суворов", в нижней части медали — рельефное изображение лавровых ветвей.

На оборотной стороне в центре — рельефное изображение скрещенных шпаги и сабли. Медаль имеет номер.

Медаль изготавливается из медно-никелевого сплава. Медаль при помощи ушка и кольца крепится к пятиугольной колодке, обтянутой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм.

Лента к медали — красного цвета с зелеными полосами шириной 3 мм вдоль краев.